

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ЕВГЕНИЙ ХРУНОВ,
ЛЕВОН ХАЧАТУРЬЯНЦ
**ЗДРАВСТВУЙ,
ФОБОС!**

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ЕВГЕНИЙ ХРУНОВ,
ЛЕВОН ХАЧАТУРЬЯНЦ

ЗДРАВСТВУЙ ФОБОС!

Научно-фантастическая
хроника

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1988

ББК 84Р7
X 95

Художник Владимир ОВЧИННИНСКИЙ

X 4702010200—095 152—88
078(02)—88

ISBN 5-235-00230-X

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1988 г.

ОТ АВТОРОВ

Основное правило нашей фантастики — поменьше фантазировать. Парадокс? Нисколько. Мы просто не хотим слишком далеко отрываться от сегодняшнего состояния науки и техники. Наша задача — сделать убедительной каждую подробность описываемого нами мира, чтобы у читателя не создалось впечатления невозможности, сказочности происходящего.

— Но ведь фантастика — это в какой-то степени современная сказка! — возразит читатель, более привычный к «традиционной» фантастике, где возможно практически все — и межзвездные перелеты со сверхсветовыми скоростями, и бессмертие, и власть над временем. — А у вас получается что-то вроде популяризации новейших достижений науки и техники. Это, извините, совсем другой жанр!

Мы, конечно, попробуем защищаться:

— Определением жанровой принадлежности наших книг пусть занимаются литературоведы — если им будет интересно... Может быть, это вообще не научно-фантастические повести, а, скажем, научно-художественные хроники. Дело не в терминах. Мы хотим сделать прогноз, научно обоснованное предсказание: какой станет космонавтика через 20, 30, 50 лет...

— Значит, главные герои ваших книг — ракетные корабли и компьютеры, а вовсе не люди? — станет упорствовать дотошный читатель.

— Нет, конечно. Мы твердо знаем: независимо от

жанра, предмет литературы — человек. Мы работаем в космонавтике и лучше всего знаем эту область. Поэтому вполне естественно, что большинство наших героев — космонавты, специалисты по космической технике или медицине. Нас интересует судьба наших коллег в XXI веке, а значит, и их профессиональный труд, и проблемы, с которыми они столкнутся...

Да, наше дело — это главное содержание нашей жизни. И не только потому, что мы — чрезвычайно занятые люди и на все остальное, кроме работы, у нас остается не так много времени. Наше дело захватывающе интересно, во всяком случае, для нас. Ничего лучшего мы не знаем, ничем иным заниматься не хотели бы... Таковы же и наши герои — Виктор Панин, Марина Стрижова, Семен Тарханов, Сурен Акопян. Мы — представители космонавтики в литературе. Сюжеты наших повестей-хроник, конфликты, характеры персонажей рождаются не за письменным столом, а в рабочих командировках, во время ответственных экспериментов или научных диспутов...

Больше всего вдохновляют минуты запуска. Порою стоишь на смотровой площадке посреди степи, а перед тобой — красавица ракета в объятиях стартовых конструкций... и самому не верится, что вот сейчас эта громадина ростом с небоскреб легко уйдет в небо. Или сидишь в бункере командного пункта, среди мигающей, стрекочущей аппаратуры, среди множества сосредоточенных людей, слушаешь переключку радиоголосов... и вдруг остро, отчетливо осознаешь: там, в головной части ракеты, в стальной скорлупе корабля, твои товарищи. Друзья, с которыми прожита часть жизни. Как-то пройдет сегодняшний запуск? Все ли будет «штатно», то есть в порядке? Хотя уже четверть века прошла со дня первого полета человека в космос, каждый старт — это подлинная «езда в незнаемое». Силы, сравнимые с мощностью пробужденного вулкана, уносят ракету ввысь; она рвется прочь от Земли со скоростью во мно-

го раз большей, чем у артиллерийского снаряда; не дай бог, случится неполадка в сложнейших системах корабля... Конечно, сделано все возможное, чтобы этого не было, каждый узел многократно испытан и проверен. Но ведь есть ситуации, которые нельзя предвидеть... Напряжение растет с каждой секундой. Вот прозвучала команда руководителя полета — и космонавт откликается словом, традиционным для всех пусков, Юриным словом: «Поехали!» Грохот. Медлительные первые мгновения подъема. И — облегчением для натянутых нервов — торжественный голос: «102-я секунда полета. Полет проходит нормально, ракета идет устойчиво. 116-я секунда...»

Именно в эти минуты начинаешь думать о будущем. О том, как наши ребята перенесут многомесячные рейсы к другим планетам, чудовищные скорости, опасности дальнего космоса. Как встретятся с фактами и обстоятельствами, превосходящими всякую фантазию. Как будут овладевать диковинной техникой грядущего, новыми, доселе неслыханными методами исследований... Чем больше об этом думаешь, тем крепче начинаешь верить: перенесут, встретятся, овладеют! Уж такие они, наши ребята, — готовые к любым неожиданностям, к работе, если понадобится, на износ, к полной отдаче сил для выполнения задания Родины.

Хочется о них писать.

Мы надеемся, что читатель знаком с двумя нашими предыдущими книгами — «Путь к Марсу»* и «На астероиде»**. Что читатель помнит и полет космического корабля «Вихрь» к загадочной красной планете, и приключения экспедиции — подчас курьезные, порой смертельно опасные, — и возвращение домой с огромным каменным астероидом «на поводке»... Летающая гора стала спутником Земли, «второй Луной»: на ней возникли рудники, заводы и космодромы... Действие этой

* М., «Молодая гвардия», 1979.

** М., «Молодая гвардия», 1984.

хроники, последней в трилогии, происходит через год-другой после того, как астероид окончательно превратился в многолюдный, спокойно живущий и работающий орбитальный город. Это время отстоит достаточно далеко от наших дней — не ближе 2010 года, — и потому нам сложно полностью выдержать наш принцип «поменьше фантазировать». Мы заранее просим прощения у коллег, читателей-специалистов за все смелые допущения, которые встретятся на этих страницах. Мы просим их обратить внимание, какой рывок сделала пилотируемая космонавтика за последние двадцать лет, и ответить честно, положив руку на сердце: что бы они, серьезные ученые и инженеры, сказали человеку, который году в 1965-м заикнулся о двухсотсуточном полете, как о реальном и близком будущем?..

Но довольно объяснений. Мы с удовольствием выводим «на сцену» героя, который фактически пропал из нашего поля зрения во время событий на астероиде, а именно — бортинженера корабля «Вихрь» Сурена Акопяна. Читатель, как мы уже условились, вспомнит повесть «Путь к Марсу», вернее — один ее эпизод. «Вихрь» переживает гигантскую песчаную бурю на орбите спутника Марса. Воспользовавшись передышкой, Акопян стартует с борта корабля на одноместной челночной ракете «Аннушка» и совершает посадку на одной из двух марсианских «лун» — Фобосе. В первые же минуты после выхода из «Аннушки» Сурен делает потрясающее открытие — тоннель с перилами, уходящий в глубь скалы, и за ним небольшой зал, вырубленный в толще породы. Сомнений нет — на Фобосе остались следы деятельности инопланетного разума!..

Рукотворная пещера взбудоражила человечество. О ней наперебой кричали газеты. Ей посвящали солидные монографии. «Мы это знали заранее!» — торжествовали фанатичные сторонники гипотезы о посещении Земли «пришельцами». «Наконец-то найдено доказательство: люди не одиноки во Вселенной!» — радова-

лись умеренные. «Ну, это еще не факт! Мало ли какие чудеса творит природа», — упрямо твердили скептики. Международные организации, космические учреждения отдельных стран и даже частные лица предлагали свои варианты решения загадки Фобоса. Но затем воображение занял астероид; его чудесное появление в качестве спутника, драматические события на нем. И только после того, как земляне окончательно привыкли к наличию горнодобывающего комбината в пятистах километрах у себя над головой, пресса снова заговорила о находке Акопяна. «Не пора ли готовить новую экспедицию?»

Однако новый великолепный космолет «Вихрь-2», предназначенный для экспедиции к Марсу, имел совсем другую полетную программу, на то время — более важную для человечества, чем исследование Фобоса и таинственного «тоннеля». Станции-роботы, недавно сброшенные на красную планету итальянским автоматическим кораблем, нашли под тонким льдом полярной шапки залежи редких элементов; земные ученые даже представить себе не могли, что эти металлы, столь дорогие и столь нужные для нашей промышленности, могут встречаться в таком изобилии. «Вихрь-2» должен был подтвердить сообщение автоматов, произвести тщательную разведку и, если удастся, привезти на Землю первую порцию драгоценных ископаемых. Работа в негостеприимном марсианском приполярье предстояла трудная. Близкое знакомство с Фобосом опять откладывалось на неопределенное время...

АКОПЯНУ ИЗМЕНЯЕТ ТЕРПЕНИЕ

— Одну минуточку, товарищ! — Белокурая, безукоризненно причесанная секретарша вскочила из-за стола, выставила перед собой ладони. — Семен Васильевич занят. И вообще, у нас прием только по записи!..

— Дорогая моя, — примирительно сказал вошедший, пытаясь проскользнуть к дверям кабинета. — Дорогая моя, вы знаете, как портится цвет лица от частых волнений? Сосуды расширяются, ухудшается подача крови, и...

— Оставьте ваши лекции! Сегодня нет приема. Прошу вас не мешать...

Неизвестно, чем окончился бы этот поединок, если бы массивная полированная дверь не распахнулась, выпуская двоих мужчин в белых халатах. Их провожал к выходу хозяин кабинета, рослый, представительный.

— Сеня! — жалобно возопил посетитель. — Я к тебе! Буквально на пять минут...

— Светлана! — приятным баритоном сказал начальник психофизиологической службы Космоцентра. — Пропустите этого пылкого сына Кавказа и засеките время. Если ровно через пять минут он не выйдет сам, значит, меня надо спасать. И дайте, пожалуйста, чаю с печеньем. Товарищ Акопян после еды становится добрее...

— Хорошо, Семен Васильевич! — растерянно кивнула секретарша.

Кабинет был велик и внушителен, как и его владелец. Помимо обязательного стола буквой Т, универсального блока связи (телефон-селектор, диктофон, экран терминала) и стеллажей с книгами, здесь находилась целая коллекция космических сувениров. Причудливые марсианские камни; отлично сделанный макет корабля «Вихрь» с гравированной надписью на стальной пластине: «Седьмому, «земному» члену экипажа С. В. Тарханову от благодарных вихревцев». Вот и черные, серебрающиеся на изломе куски породы с Фобоса; их привез сам Акопян. Семен Васильевич был связан с «Вихрем» тонкой, но надежной нитью радиосообщений все пятнадцать месяцев полета; через пропасть в десятки миллионов километров слушал он пульс космонавтов, следил за состоянием их здоровья, за работоспособностью, настроением; давал советы и предписания... А дальше — целая выставка под стеклом: образцы руд с астероида, «второй Луны». Сам Акопян не участвовал в астероидной эпопее — ему хватало дела в космическом флоте, — но, конечно же, знал до мельчайших подробностей о том, как жители интернационального поселка на орбите осваивали безжизненную планетку, бурили, строили. Как отражали попытки злых сил сорвать роботы на астероиде, психологические диверсии и вооруженные нападения... Во всем этом принимал самое деятельное участие шеф психологов, доктор Семен Тарханов... с недавних пор — академик медицины Тарханов.

— Ну-с, так чему обязан приятным визитом? — спросил Семен Васильевич, усаживаясь не в свое хозяйское поворотное кресло возле блока связи, а в одно из двух гостевых, у журнального столика. Акопян плюхнулся напротив и нетерпеливо спросил:

- Можно прямо к делу, академик?
- А вы собирались сначала поговорить о погоде?
- Да ну тебя... Лететь надо, Сеня.
- Куда же?

— На Марс. Точнее, на Фобос.

— Хм... Оригинальная идея. Главное, свежая. А почему такая спешка, Сурен?

— Не могу больше! — почти закричал Акопян и ладонью так припечатал столик, что вздрогнула секретарша, входившая с подносыком, и пролила чай из стаканов. — Занимаемся черт-те чем, тянем резину... Вот, воткнули меня в серию испытаний ракетного поезда... кто я вам, мальчик — цистерны таскать до Луны и обратно?! А Фобос опять отложили...

— Ну, положим, занимаемся мы не черт-те чем, а важнейшей работой... — Голос Семена на мгновение стал начальственно-строгим. — Идет промышленное освоение Солнечной системы, и поезда твои скоро аммиак или водород будут возить с Юпитера...

— Успеет! Никуда Юпитер твой не денется. А по той штуке на Фобосе долбанет какой-нибудь шальной метеорит, и поминай как звали...

Тарханов задумался, помешивая ложечкой в стакане.

— Но ты ведь понимаешь, что от меня тут очень мало зависит?..

— Неважно. Ты-то, по крайней мере, хочешь этого полета? Ты... будешь меня поддерживать?

— Буду, конечно, — после паузы сказал Семен. Сурен облегченно вздохнул, отхлебнул из стакана:

— Честное слово?

— Ну да, — недоуменно кивнул Тарханов. — Тебе что, страшная клятва нужна? Даю слово...

— Вот и хорошо. Значит, вместе пойдем уговаривать Волнового. Вдвоем мы его укатаем. А когда он сдастся, всей компанией к «нашему министру»...

— Ах ты, стратег! — захохотал Семен Васильевич. — Все наперед продумал...

— Ты слово дал! — поднял палец Акопян.

— Ладно, ладно. Сейчас позвоним Игорю...

...Каждый из них двоих по-своему помнил высадку на Фобос. Сурен пережил ее непосредственно: увидел, руками прикоснулся к чуду, прошелся по сказочному тоннелю... Семен через десятки миллионов километров вместе с Космоцентром просмотрел видеофильм, записанный телекамерой на шлеме Акопяна. А еще — что для Тарханова было важнее фильма! — прочел по цифрам на световых табло, по экранам осциллографов все переживания счастливчика бортинженера. Скафандр был наштигован датчиками... Показатели пульса, сердцебиения, рефлексов рассказали Тарханову больше, чем экспедиционные отчеты, чем видеокадры, чем слова самого Акопяна. Если верить этим данным, Сурен встретился с чем-то ошеломляющим, таким, что не укладывается в воображение...

Да, было так... Одноместная челночная ракета, ласкательно прозванная на «Вихре» «Аннушка», покачивая веерами солнечных батарей, мчалась над коричневой шкуркой Фобоса. Крошечный, поперечником в четверть сотни километров, сплошной закругленной горой вздымался снизу Фобос. Безжизненный купол был наждачно-шероховат и густо усыпан мелкими кратерами — следами метеоритных ударов. Отпечаток любой, самой древней эпохи мог сохраняться здесь миллионы лет. Там, где нет воздуха и воды, бороздка, небрежно проведенная в пыли, имеет шансы оказаться прочнее и долговечнее египетских пирамид.

Акопян, зажатый стенками тесной кабины, вертел головой в шлеме. Среди выпуклой пустоши вздымался, подобно пиле с острыми зубьями, хищный, не облагороженный ветрами и дождем хребет скал...

Он прикидывал в уме посадочный маневр. Однозначного ответа компьютер не дал. Приходилось выбирать самому. А на дисплее непрерывно рос столбец сводных данных. Подсказать ему мог только командир

«Вихря» Виктор Панин. Руководитель полета Игорь Волновой был на Земле и ничем помочь не мог. Ведь посадка на Фобос требовала мгновенных реакций — а радиоволны от Земли до окрестности Марса добираются свыше трех минут. Если бы сейчас что-нибудь случилось с Акопяном, в ЦУПе* все равно не успели бы вмешаться, подсказать; и световая бабочка на табло перед Тархановым билась бы еще три минуты после остановки сердца космонавта...

Кратеры попадались занятные — овальные, с плоским дном, они напоминали стадионы. Виток, еще виток... Вот особенно просторная впадина; барьер, вспученный концентрическими складками, похож на трибуны для зрителей. Лучшей площадки не найти! Сюда можно было бы посадить не только миниатюрную «Аннушку», но и громадный «Вихрь», ставший на время искусственным спутником Марса...

Акопян включил радиопеленг и одновременно послал инфракрасный сигнал. Ответил второй пилот Сергей Меркулов: «Оба приняты». Теперь за челночной ракетой следили внимательнее прежнего, зная с точностью до нескольких метров, где она находится каждую секунду.

Каменные просторы понеслись под самым днищем кабины, скорость была еще очень велика. Выпрыгнул разрушенный гребень кратера; было похоже, что здесь в «трибуны стадиона» угодил снаряд. Далее равнина плавно переходила в пологий, изрезанный трещинами склон, и наконец — открывалось колоссальное каменное «поле»...

Двенадцать часов пробыл тогда Сурен на Фобосе. Он нашел то самое, что, вероятно, подсознательно искал всю свою «космическую» жизнь... Следы иной цивилизации.

Перед Акопяном было широкое ущелье в гребне, оканчивавшееся тупиком, высоченной каменной стеной.

* ЦУП — центр управления полетом.

Казалось, что это углубление выбрано гигантским экскаватором, а стена отполирована до зеркальной гладкости. Порода над стеной образовывала козырек; он тоже выглядел обработанным, «выглаженным» снизу. Под самым козырьком виднелось отверстие.

...Поначалу они даже не думали осматривать Фобос. Это вышло почти случайно. «Вихрь» должен был опуститься непосредственно на Марс, высадить исследовательскую экспедицию. Помешала чудовищная пыльная буря, в сравнении с которой любой земной тайфун показался бы легким ветерком. Наэлектризованный песок неся по голым равнинам со скоростью четверть километра в секунду, взметывал столбы-смерчи выше самых высоких гор. Чтобы заполнить время, Сурен упросил Панина отпустить его на «Аннушке» побывать на Фобосе. Дождавшись, пока Фобос и «Вихрь» сблизятся на своих орбитах до неполных пятисот километров, торжествующий Акопян повел «Аннушку» к загадочной марсианской луне. Она занимала его воображение с детства, с тех пор, как Сурен прочел в одной старой книге, что сие небесное тело, быть может, и вовсе искусственного происхождения, пустое внутри...

Редкий случай, когда столь блестяще оправдываются фантастические гипотезы! Ржавый щит Марса напал на Солнце; включив нагрудный прожектор, Сурен стоял перед своей находкой. Жар охватывал его, все плыло перед глазами, и кончики пальцев противно цепенели. Он чувствовал, что не сможет сделать следующий шаг... А на далекой Земле с опозданием в три минуты Семен Тарханов увидел на своих датчиках дикую пляску цифр и кривых, обозначающих состояние разведчика.

«Вот и молодец, вот и умница!» — зажурчал под шлемом нарочито бодрый голос Виктора Сергеевича. «Давай, брат, посмотрим поближе, что это за штука такая. Только будь осторожен...»

Успокоившись, насколько это было возможно, Су-

рен обследовал стену. Он подпрыгнул вверх к дыре под козырьком. Снизу она представлялась небольшой, вроде норы ласточки-береговушки; но землянин вошел, не сгибаясь, в отшлифованный сводчатый тоннель. Вскоре Сурен успокоился, потому и кривые на экранах перед Тархановым сделались плавными. Вполне будничным, деловым тоном разведчик доложил на «Вихрь» и на Землю:

— Я «Гранит», нахожусь у входа в пещеру. Вход правильной округлой формы. Над ним козырек с двумя выступами, явно искусственного происхождения. Уклон хода около шестидесяти градусов. Справа и слева гладкие перила. Крепятся к стенам хода через два — два с половиной метра. Спускаюсь дальше и вниз. В полу — отверстия...

Чувство реальности исчезло — вероятно, это была защитная реакция мозга на слишком сильное возбуждение... Словно чужими глазами оглядывал Сурен глухую камеру, в которую привел его наклонный тоннель... Вот он снял с пояса геологический лазерный инструмент, попытался вырезать образец породы — не получилось, стена была прочнее любых легированных сталей. Он подумал о том, что зал, видимо, вовсе не вырублен в скале, а является частью искусственного сооружения, поверх которого навален гребень кратера. Скорее всего, в толщу Фобоса «закопан» звездолет, и зал — нечто вроде бронированного шлюза. А может быть, весь Фобос — это хорошо замаскированный звездолет, и недаром его считали полым?.. Понятно, что луч лазера ничем материалу, предназначенному для межзвездных перелетов, — корабль, одолевающий световые годы, и не такое должен выдержать...

Перед стартом «Аннушки» он передал видеозапись всех своих приключений на «Вихрь» — мало ли что может случиться... Но полет прошел вполне благополучно. Крошка ракета вернулась в надежный трюм, а Акопян — в свою каюту.

С тех пор бортинженера снесла тоска. Отныне целью жизни Сурена стало возвращение на Фобос со специальной экспедицией. Чтобы вскрыть стену «шлюза»...

...Переговорив с Волновым — ныне руководителем отряда советских космонавтов, — Семен выключил селектор и опять вернулся в кресло за «гостевым» столиком. Акопян машинально помещивал печеньем остывавший чай, печенье размокло в кашу.

— Ну, я поговорил, — сказал Тарханов, выключая телефон.

Сурен так и подобрался в ожидании.

— Новый полет к Марсу, судя по всему, может состояться очень скоро. И не только в связи с полярными месторождениями. Намечается крупная международная экспедиция по планетам, но... Есть загвоздка. Даже две.

— Какие еще загвоздки?! Не томи душу, Сеня!

— Твое присутствие на корабле. И твой выход на Фобос.

Вздвигнув, Сурен неловким движением опрокинул стакан. Стал вытирать салфеткой лужу на столе. Тарханов остановил.

— Не надо, Светлана уберет...

— Понимаю, — сразу угаснул Акопян. — Конечно, я должен был с самого начала об этом подумать... Почему, собственно, я? Мавр сделал свое дело... Есть молодые, надо дать им проявить себя. Все правильно! А нам, значит, аммиак возить в цистернах...

— Ты опять за свое! — засмеялся Тарханов. — Ничего не понял, горячая голова... Полетишь, конечно, ты. Но прежде надо доказать — всем, всему Космоцентру! — что та штука на Фобосе действительно заслуживает внимания, а значит, специально подготовленной экспедиции. Ясно теперь?

— Как в лесу — чем дальше, тем темнее... Если видеофильм и мой доклад не считаются доказательствами, что же вас убедит?!

— Видеофильм и доклад считаются доказательствами. Без них никто бы и разговора с тобой не затевал... Но видеозапись нечеткая и темная — особенно та, что записана в тоннеле и в пещере. Нам уже десяток профессоров геологии клялся и божился, что ты нашел вполне естественные образования... А у тебя — допустим сразу крайний случай — могло произойти расстройство нервов из-за необычных условий. Ты мог попросту бредить, галлюцинировать. А Космоцентр не имеет права без серьезнейшего обоснования изменять маршрут дальнорейсового корабля, нагружать ракету добавочными приборами, инструментами. Не мне рассказывать, не тебе слушать, сколько стоит перевозка от Земли до Марса каждого килограмма топлива или груза...

— Опять-таки не вижу выхода. Хорошо: запись нечеткая, а мои впечатления — галлюцинации. Но что, кроме этого, ты можешь представить Центру? Показания своих приборов, телеметрию? Смешно. Во-первых, мое повышенное давление или там... учащенный пульс могли оказаться следствиями чего-то совсем другого... скажем, я ударился или меня что-то испугало. Во-вторых, это могла быть реакция моего организма на мои же собственные видения... или бред, как ты выражаешься!

— Логично, — кивнул Семен. — Но... все-таки ты близок к истине. Да, в качестве главного доказательства твоей правоты я хочу представить показания приборов. Только снятые не на Фобосе, а здесь. Сейчас.

— Это каким же образом? — озадаченно заморгал Сурен.

— Ты когда-нибудь слышал о гипнорепродукции? — небрежно спросил Тарханов.

МЕТОД «ЛУННОГО КАМНЯ»

Сурдокамера клиники психофизиологов ничем не напоминала тяжелые стальные боксы начальных времен космонавтики. Обычная комната: теплые, ласкающие глаз краски стен и потолков, изящная мебель, обитая бутылочно-зеленым штофом, срезанные живые ветки в вазах, стеллаж с книгами. Не хватает только радиоаппаратуры — телевизора, магнитофона... Единственное, что напоминало Сурену об эксперименте, было специальное обтягивающее белье под домашним тренировочным костюмом да шапочка вроде плавательной. Сама ткань белья и шапочки была чувствительной к биотокам и представляла собой сплошной датчик...

Сурен вспомнил состоявшийся накануне разговор. Он сидел в соседнем помещении, возле пульта управления полетом. Подтянутые операторы старались вовсю — еще бы, ведь рядом находился «сам» Тарханов! Они готовили аппаратуру, а Семен тыкал толстым розовым пальцем в экран видеофона и гудел:

— Вот, братец, твои настоящие данные, те, из полета... Видишь? Это спектрограмма твоего голоса. По ней много-много можно увидеть...

— Сейчас даже уголовные преступления так раскрывают, — вмешался сухонький остролицый мужчина лет шестидесяти, суетливыми повадками напоминавший птицу. Этот человек мог позволить себе перебить Тарханова — знаменитый профессор Добрак из Брно, еще мальчишкой участвовавший ассистентом в подготовке советско-чехословацкого орбитального полета, ныне один из ведущих космофизиологов Европы. Добрак приехал в Москву специально для участия в опыте с Акопяном. По-русски он говорил безупречно. — Сначала снимают допрос, а потом прослушивают ответы и ана-

лизируют спектр частот, да... Где голос дрогнул, где нервишки подвели...

— Ага, — с шутовским смирением поклонился Акопян. — Так в чем уличает меня моя спектрограмма? Убийство почтенной семьи или ограбление банка?..

— Гораздо хуже, — спокойно ответил Семен. — Ты, братец, был совершенно заморожен тем, что увидел на Фобосе. Что бы это ни было. В те минуты тебя нельзя было бы назвать сознательным, разумным существом. Хочешь, возьмем для примера любое слово твоего рапорта? Наугад...

Тарханов ткнул пальцем в одну из кнопок. Заплясали изумрудные кривые на экране, мелким горошком посыпались цифры, и голос Акопяна произнес: «...чатые перила».

— Та-ак... Значит, «перила». Вернемся к началу и проанализируем... — Семен опять коснулся пульта, и кривая стала плавно опускаться. — Видишь? Частоты все время понижаются. Каждый следующий звук ты производишь медленнее и ниже. Чуть ли не погружаешься в сон. Потом спохватываешься, собираешь силы для следующего слова — и опять вниз под горку... Но все это, конечно, бессознательно.

— Одним словом, на Фобосе вы действовали, как мы обычно говорим, на операциональном уровне, — снова вмешался Добрак. — То есть, почти не осознавая своих поступков. Работали, как очень крупная, с большой оперативной памятью, электронная машина. Воздействие — ответ, воздействие — ответ... А интеллект дремлет.

— Значит, мало для вас толку от моих биотоков?

— Не то чтобы мало, но... Надо повторить. Снять все показатели еще раз.

Тарханов сделал быстрое переключение. Видеофон послушно воспроизвел мерцающие зигзаги, похожие на контуры целой горной страны. Одни линии горели ярким светом, другие едва теплились.

— Вот что еще нас интересует. Твоя энцефалограмма. Вроде бы все понятно — потрясение, страх, любопытство, подавленность от обилия впечатлений, защитное торможение... Но есть странные, непонятные волны. Не с чем их сравнить. Нет аналогий...

— Ну да! С вашим-то банком данных, накопленных за полсотни лет полетов...

— Эге! Данные-то были получены в условиях штатной космической работы. Мы привыкли сопоставлять их между собой, обрабатывать математически, строить графики, номограммы... А тут — единственный в своем роде семимесячный перелет. И единственная в своем роде прогулочка по инопланетному искусственному тоннелю. Реакции, конечно, диковинные, в них разбираться и разбираться...

— Вот именно! — подхватил Добрак. — Психофизиологический портрет космонавта, который после полугода в корабле вышел пройтись на неизвестную планету и увидел сооружение, оставленное внеземлянами... Представляете, какая каша в обмене веществ, в биотоках?!

— Вас понял, — сумрачно кивнул Акопян. — Прикажете подопытному кролику лезть в клетку?

— Не будь дураком, Сурен! — дружелюбно сказал Тарханов. — Это необходимо тебе первому...

...Кажется, о возможности подобного эксперимента впервые задумался не работник космической медицины и даже вообще не физиолог, а писатель. Автор классического английского детектива «Лунный камень» Уилки Коллинз. Один из героев этого занимательного романа, Френклин Блэк, под действием опиума утратив контроль над своими поступками, перепрыгивает драгоценный камень, вернее, отдает его как раз тому, кому не следовало бы. Затем Блэк обо всем забывает. Камень напрасно ищут. Чтобы узнать судьбу алмаза,

медик Дженнингс воспроизводит в доме обстановку того злополучного вечера; «программирует» психику Блэка разговором о потере, а затем снова дает Френклину опиум. И человек в наркотическом полусне повторяет все действия, которые привели к пропаже камня. Роль драгоценности играет стеклышко. Время для Блэка возвращается вспять; лица, ведущие следствие, получают ощутимую помощь, а невеста Френклина убеждается, что ее возлюбленный — не вор...

Коллинз догадывался, что «субъективная реальность» для человека не менее подлинна, чем настоящая. Мозгу все равно, откуда приходят воздействия: извне или изнутри, из «подвалов» памяти. Он реагирует. Яркое воспоминание об опасности, «спроецированное» с помощью наркотика или гипноза на мозговую кору, вызовет не меньший страх, чем когда-то пережитая реальная опасность. Человек в точности повторит все, что он делал в давно прошедший момент. И если тогда, во время действительного события, с человека снимали энцефалограмму, — теперь можно будет снять совершенно такую же...

Сорок лет тому назад эффектом «субъективной реальности» воспользовался в научных целях молодой магистр медицины Добрак.

В одном из десантных подразделений солдаты прыгали с парашютом. Для тренировки малоопытных парашютистов применялся аэростат. И вот парашют десантника-первогодка с подходящей фамилией Выскочил раскрылся слишком рано. Ветер прижал шелковое полотнище к снастям аэростата, обмотал, запутал так, что потом пришлось распарывать ножами. Бедняга Выскочил повис на стропах над двухкилометровой пропастью. Он извивался, как червь на удочке. Ему бросали веревку из гондолы. Сначала солдат пытался поймать ее, потом выбился из сил и повис мешком. Некоторые уверяли, что на втором часу висения Выскочил запел — должно быть, умом тронулся... Экипаж вер-

толета его снять не сумел. Пришлось спускать аэростат. В общей сложности солдат пробыл в подвешенном состоянии свыше трех часов. Выскочила, разумеется, отправили в госпиталь, пичкали укрепляющими средствами. Будучи здоровенным крестьянским парнем, он быстро пришел в себя. Тогда-то и занялся им магистр Добрак, уже имевший труды в области психофизиологии труда космонавта. С точки зрения врача, происшествие с солдатом могло дать ценнейшие сведения. Такая острая ситуация — между прочим, очень близкая к космическим! Такой могучий стресс! Как отреагировал организм? Что пережил, передумал за эти три часа юный десантник?..

— А я не знаю, пан доктор! — упорно твердил Выскочил. — Поначалу, конечно, вроде бы все в брюхе оборвалось, а потом будто одурь какая... да нет, не упомяну, хоть режьте! Худо было, и все тут... Думал, смерть моя пришла!

Конечно, работать с подобным пациентом было так же ловко, как танцевать в мешке. И Добрак решился на эксперимент, разумеется, объяснив парню в наиболее доступной форме, что за опыт над ним поставят. Выскочил сначала отбрыкивался: «Это что же, опять у меня душа в пятки уйдет?» — но в конце концов махнул рукой: «Ладно, раз для науки...»

После этого Добрак легко загипнотизировал солдата и внушил ему, что тот — в гондоле аэростата перед злополучным прыжком. «Сейчас 11 часов 20 минут... Прыгает Прохазка, за ним твоя очередь... По-Пошел!» Руки Выскочила стиснулись в кулаки; он побледнел, покрылся капельками пота и вдруг прыгнул со стула... но не далее, чем на предусмотрительно расстеленный ковер. А потом добросовестно ворочался, извивался всем телом, пытался схватить несуществующую спасательную веревку... Врачи, приглашенные Добраком, хотя и представляли в общих чертах, что их ожидает, все же изумились. Десантник ругался, пла-

кал, вспоминал то матушку, то какую-то Марженку... наконец действительно запел, но не народную или популярную песню, как можно было ожидать, а жутким образом искаженную католическую молитву, очевидно, слышанную в детстве на богослужении в родной деревне. И все это время писали перья самописцев, множились цифры на экране дисплея... В конце второго часа Добрак сжалился над парнем и прекратил опыт. Были получены великолепные данные. Полная, развернутая во времени картина состояния человека, попавшего в условия смертельной опасности.

Потом этот метод применялся в авиации при анализе полетных происшествий; для исследования причин дорожных или производственных аварий, в криминалистике. Однажды Добрак спас репутацию капитана большого траулера, чье судно ночью налетело на баржу с лесом; судя по картине, восстановленной под гипнозом капитанской памятью, на барже не были включены огни. Другой раз было раскрыто крупное финансовое преступление... В космонавтике «метод Добрака», называемый также гипнорепродукцией, использовался довольно редко. Нашлись самолюбивые и влиятельные люди, заявившие, что, мол, надо доверять словам членов экипажа и корабельным приборам, а не лазить в душу каким-то модернизированным «детектором лжи», будто космонавты — подследственные... Но время шло, способы анализа совершенствовались. Теперь крошечный скачок кровяного давления или запаздывание реакции на сотую долю секунды могли рассказать о событии больше, чем самая подробная исповедь. Подвергались тщательному обследованию все уровни нервной деятельности, все ступени, ведущие в глубь организма, вплоть до слепых и темных молекулярных цепочек, до реакций самого белка. И вот — решается судьба величайшей научной сенсации всех времен. Орел или решка? Единственный в мире подлинный след внеземной цивилизации — или видение свихнувшегося бортинже-

нера? От решения зависит, будет ли включена в программу сверхсложного многомесячного перелета высадка на Фобос; загрузят ли ракету дополнительным оборудованием; попадет ли в состав экспедиции пылкий и не всегда уравновешенный Акопян... Последний пробный камень — гипнорепродукция. Только она сможет показать, вправду ли увидел перед собой одинокий космонавт нечто чудесное — или же образы «рукотворных» стены, лаза, тоннеля, пещерного зала родились в его больном, расстроенном месяцами полета воображении? Будет прослежен путь каждого импульса, и мощные компьютеры Космоцентра отделят внешние сигналы от внутренних; пойдут на экран «реконструированные» по сетчатке глаз, идеально четкие кадры; получают объяснения самые странные мозговые волны...

Честно говоря, главное, что смущало самолюбивого Акопяна — это его собственные тайные мысли, скрываемые от самого себя чувства. Что, если гипнорепродукция вытащит на свет божий какие-нибудь проявления неуверенности, трусости? Ошибки, позорные для столь опытного космонавта? Но в этих страхах Сурен не признался бы и под пыткой...

Последние трое суток он находился в клинике день и ночь. Даже во время сна приборы записывали фон, то есть показатели организма, находящегося в покое. Сурен снова и снова просматривал видеопленки — настраивался, готовил память к «воспроизведению».

Вместе с Семеном придумали они длинную формулу гипнотического внушения. Акопян хотел сам наговорить ее на пленку — мол, собственный голос повлияет лучше. Тарханов разубедил: оказывается, человек слышит себя «изнутри» совершенно иначе, чем со стороны; записанный голос всегда кажется чужим. Формулу дали записать профессиональному диктору.

И вот настал решающий день. Он входит в сурдокамеру, садится в глубокое зеленое кресло. Принимает удобную позу, расслабляется...

Бесшумно задвинулась тяжелая стальная дверь. Плотнo сел за пульт Семен Тарханов — устраивался он надолго. Опыт будет продолжаться двенадцать часов, ровно столько времени, сколько находился Акопян на Фобосе. И все это время чувствительная ткань, соприкасаясь с телом Сурена, станет передавать сигналы о его состоянии в блоки счетных и аналоговых машин.

На главном экране пульта был виден интерьер сурдокамеры. В центре — неподвижно сидящий Акопян. Голова его запрокинута, руки свесились до полу. Он уснул почти мгновенно. Звучат последние слова формулы внушения, мягкая музыка, специально написанная электронным композитором для сеансов гипноза. Малый экран мерцает оранжево-серебристым туманом. Как только Сурен окончательно ощутит себя в иллюзорной реальности, на экране появятся зрительные образы, снятые с датчиков в виде импульсов и превращенные компьютером в изображение. Можно будет увидеть Фобос глазами Акопяна.

Тарханов мало верил в «чудо Фобоса». В лучшем случае, думалось ему, напоролся пылкий Сурен на остатки какой-нибудь сугубо земной ракеты, занесенной космическими течениями на марсианский спутник и засыпанной обломками скал. Семен заинтересовался гипнорепродукцией по другой причине. Он ждал от эксперимента новых материалов о таком таинстве, как человеческая психика. Давно уже ни один доброволец не соглашался на целых двенадцать часов погрузиться в гипнотический сон и занять кресло в сурдокамере. Тарханова занимали не только (и не столько) реальные картины пребывания на Фобосе, восстановленные воображением Акопяна. Ему не терпелось увидеть пойманные датчиками и развернутые ЭВМ варианты решений, принятых космонавтом. Не сами решения, а именно их невоплощенные варианты, «черновики», «эскизы».

Когда человек должен на что-нибудь решиться, он

мысленно (а то и подсознательно, в считанные доли секунды!) проигрывает множество ходов. А выбирает только один. И, может быть, не самый лучший вариант. Так сколько же моделей поступка «прокрутил» в своем мозгу Сурен, оказавшись перед «искусственной» стеной на Фобосе? Вернуться, подождать, идти вперед, посоветоваться с командиром, ограничиться внешним осмотром... что еще? С какой скоростью он менял внутренние программы... Машина в замедленном темпе воспроизведет перед Семеном весь процесс. Как знать, не научимся ли мы когда-нибудь помогать человеку в выборе решений? Карманный компьютер, соединенный с его мозгом, примет все варианты, проверит их в тысячу раз скорее, чем живая «машина»... и подскажет владельцу: вот что ты должен сейчас сделать! Последствия будут такие-то и такие-то. Разве не пригодится столь действенная помощь людям, работающим в экстремальных условиях... прежде всего, тем же космонавтам?

Спит в зеленом кресле Сурен. Вот сдвинулись брови, лицо приняло озабоченное выражение... Со ста двадцати точек его организма бежит информация на вводные устройства. Начинают мерцать большие и малые экраны... и перед Тархановым, перед замершими ассистентами является слепящий острыми разноцветными бликами колодец пространства в носовом иллюминаторе «Аннушки».

Глава III

ТАИНСТВЕННЫЙ СИГНАЛ

Геннадий Павлович, которого в разговоре между собой сотрудники Космоцентра называли «наш министр», занял в кабинете Тарханова скромное «гостевое» место возле журнального столика. Хозяин кабинета повел

рассказ о своих поисках. За реакцией гостя внимательно следил Акопян.

Семен Васильевич, сидя за своим столом, то и дело менял картинку на экране терминала. Сейчас к его рабочему месту сходились каналы связи от всех электронных машин психофизслужбы.

— ...И тут мне пришло в голову: сравнить между собой не только варианты нереализованных решений, которые «прокручивал» мозг Акопяна перед входом в тоннель. Наложить на тот же график более ранние картины биотоков самого Сурена, снятые во время тренировок или полетов. Ведь знаете, Геннадий Павлович, у нас ничего не пропадает...

Тарханов щелкнул тумблером. На экране явилась составленная из одних прямых углов смешная фигура кота. Усатый кот в тельняшке, стоя на задних лапах, курил трубку. Вдруг подмигнул, осклабился... По кабинету пробежал шумок. Председатель Комитета космических исследований весело поднял брови, приехавший с ним лощеный молоденький референт завертел головой, недоумевая. Семен быстро убрал кота, смущенно объяснил:

— Кто-то из программистов баловался... Узнаю, всыплю!

— Бог с ним, продолжайте! — мягким рокочущим баском сказал «наш министр» и отхлебнул кофе. Тарханов послушно склонил голову и вызвал на экран целый сноп переплетенных между собой разноцветных кривых. Провел пальцем:

— Вот! Это сводные данные. Обратите внимание на этот ряд точек... — Точки длинной дугой загорелись под пальцем. — Он говорит о человеке больше, чем самая подробная автобиография, чем любое «личное дело»... Здесь — алгоритм твоей психической деятельности, Сурен. Он более индивидуален, чем отпечатки пальцев. На Фобосе, на «Вихре», на тренировочных самолетах или ракетах наш друг Акопян совершал в

чем-то одинаковые действия, испытал довольно похожие чувства. И знаете, что характерно? — Как умелый рассказчик, Семен выдержал паузу и веско сказал: — Сурен — на редкость увлекающаяся натура! Очень цельная. Ничего наполовину. Если работает — так уж до изнеможения; если хандрит и куксится, как когда-то в марсианском полете, так хоть на веревке его тащи, будет отбиваться...

— Мы на Кавказе все такие, — скромно отозвался сидевший под стенкой герой дня.

— Молчал бы уж, кавказец из Свердловска! — прогудел Волновой. Геннадий Павлович кашлянул, и Тарханов вернулся к рассказу.

— Да-с... Так вот, уважаемый Сурен Нерсесович, сообразно складу своего характера, склонен к крайней самостоятельности. Иной раз и во вред себе. Решает быстро, выполняет сразу, почти не задумываясь...

Легкое движение хозяина, и экран показывает другую цветную картинку. На ней меньше ярко горящих линий — зеленых, золотых, алых, — но зато они более причудливы.

— А это кривые биотоков товарища Акопяна в момент принятия решения войти в тоннель. Скажу сразу: ни до, ни после посещения Фобоса наш друг подобных реакций не выдавал. Они совершенно не в его духе...

— Пожалуйста, подробнее. Это, наверное, именно то, ради чего вы нас позвали? — осведомился министр, осторожно меняя позу: он был массивен, отяжелел за последние годы.

— То самое... Здесь совмещены данные, принятые из реального полета, и новые, полученные в сурдокамере. Новые точнее: Сурен не устал от путешествия, организм здоровый, отдохнувший. Поэтому я предпочитаю верить вот этим кривым... Одним словом, впечатление такое, что наш друг здорово колебался — входить или не входить в пещеру, а кто-то дал ему команду: вхо-

ди! Не собственное решение, а вроде бы навязанное...

— Да не давал мне никто никаких команд! Ты что, Сеня?! — вскинулся возмущенный космонавт.

— Разумеется, — как ни в чем не бывало, кивнул Тарханов. — Сознанием ты ее не воспринял, я уверен...

— Не совсем понятно, — откликнулся Волновой. — Что это еще за команды такие... бессознательные?

— Точнее — подсознательные! — поднял палец Семен. — Строго говоря, всякое внешнее впечатление — это команда организму, вызывающая ответную реакцию. Могу пояснить для непосвященных — почему мне показалась необычной последняя команда...

Референт заерзал по поводу «непосвященных», бросил тревожный взгляд на шефа, — но министр и глазом не моргнул. Академику Тарханову было многое позволено.

— Вот, пожалуйста. — Семен вызвал на экран зеленую кривую с высоким тройным всплеском. — Участок энцефалограммы, записанной с одной из групп нейронов лобной доли мозга. В это время Акоюн как раз вышел из микроракеты на поверхность Фобоса.

Экран разделила пополам вертикальная черта. Кривая осталась в левой части; в правой возникла четкая цветная картинка. Сурен чуть слышно присвистнул.

— Да, брат, это тебе не твоя мутная видеопленка! — усмехнулся Семен. — Кадр, сохраненный в памяти и снятый нами с сетчатки глаза во время эксперимента в сурдокамере. Первое, что увидел наш друг, открыв люк «Аннушки»...

Переливались багровыми линиями каменные изломы Фобоса; над ними, точно круг воды в угольно-черном колодце, висел чудовищный, совсем близкий, сплошь покрытый дымными вихрями Марс.

— Немудрено, что биотоки дали такой взрыв... Пойдем дальше. — В обеих частях экрана сменилось изображение: пологой зеленой волне соответствовал вид поверхности Фобоса, красновато-коричневой, с язвами

мельчайших кратеров и угловатыми, не облагороженными водой и ветром сколами.

— Обратите внимание: он успокоился, ему хорошо! Страх на время отступил. А почему? Потому что наш друг Сурен любопытен, как четыре кошки, и жадно воспринимает все новое. Тебе бы журналистом родиться, а не инженером...

— Не беда, — сказал Геннадий Павлович. — Одно другому не мешает. Кто талантлив в основном деле, как правило, преуспевает и в хобби. Менделеев, помимо того, что был гениальным химиком, мастерил великолепные чемоданы. Примеров много... Продолжайте.

Тарханов отвесил легкий поклон. Кадры опять смеились.

— Ну-с, наконец-то мы добрались до главного. Видите? Это и есть та самая знаменитая стена...

Все, кто был в кабинете, невольно зашевелились, переменили позы. Волновой сказал: «Oго!»

— Какая гладкая!.. — заворуженно прошептал референт.

— Да, полное впечатление искусственности, — озадаченно произнес министр. — Впрочем, природа на многое способна...

— Совершенно правильно. Очевидно, это пришло в голову и товарищу Акопяну. Судя по линиям биотоков, он колебался — идти дальше или не идти? Но вот полюбуйтесь, что случилось спустя восемь секунд...

В отличие от предыдущих, новая картинка была несколько смазана. На ней изображалась видимая вблизи «полированная» стена с козырьком и отверстием. А кривые биотоков устремились вверх, точно ростки к солнцу.

— Сурен прыгнул. Никаких колебаний больше не было. Через пять секунд он уже входил в тоннель. А почему?

Пучок линий, увеличившись в размерах, вытеснил картинку и занял весь экран.

— Ответ скрыт здесь. — Семен провел ногтем по наружной кривой. — Возбуждена слуховая зона.

— Активное прислушивание? — предположил Геннадий Павлович.

— Нет. Это было бы слишком просто. Увы, Сурен не прислушивался. Он слушал!

— Кого?! — снова не выдержал, взвился на своем стуле Акопян. — Ты в своем уме, Сеня? Связи с «Вихрем» тогда не было, а сам с собой я не разговариваю, не дошел еще...

— Сурен! — укоризненно развел руками Волновой. — Я, конечно, понимаю, вы на Кавказе все такие, но... Сеня, это правда, что связи в тот момент не было?

— Чистая правда.

— Так кто же говорил с космонавтом?

— Никто со мной не говорил, — робко попробовал возразить Акопян.

— Говорил, — твердо повторил Тарханов. — Только очень хитро. Так, что ты воспринял голос ниже порога сознания. Бывает ведь такое: ты занят чем-нибудь, сосредоточен на своем занятии, а тебе возьмут и зададут вопрос. И ты его услышишь, и ответишь — чаще всего впопад, — и тут же все забудешь, потому что внимание отвлечено другим. Так и здесь, только на еще более глубоком подсознательном уровне... Тебе сказали что-то такое, от чего ты сразу ринулся исследовать свою находку.

— Опять шпионы! — сделав страшные глаза, сценически зашептал Акопян. — Космические диверсанты, агенты мафии, желавшей сорвать полет «Вихря» путем убийства в пещере незаменимого члена экипажа!..

— Скорее, марсианская контрразведка! — поддержал шутку Волновой. Министр погрузился в раздумье, референт смотрел ему в рот.

— Ладно, — сказал Геннадий Павлович. — Все это более чем странно, и я бы пока не советовал выносить результаты эксперимента в прессу. Мы подключим еще

медиков, физиологов, электронщиков... разберемся, кто и что вам нашептывал на Фобосе, Сурен Нерсесович. Но нужно время. А пока что вы у нас полетите вместе с Семеном Васильевичем...

— На Фобос?! — вырвалось у Акопяна.

— Немного ближе, в Майами. На Международный конгресс по космической медицине. Составите доклад о гипнорепродукции... такой, знаете, обтекаемый. Послушаете, что другие делают в этой области. Может, что-нибудь полезное услышите... для себя же!

Министр встал.

Глава IV

АМЕРИКАНСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Океан разворачивался под крылом — темный, холодный, совсем не летний. Водный простор был испещрен белыми мазками, похожими на льдины. Но то были всего лишь барашки волн... Что-то, похожее с шестикилометровой высоты на рифленую мыльницу, упрямо ползло по морю, оставляя расходящиеся пенные усы.

На самом деле шел грузовоз-тримаран размером с городскую площадь. Волны и ветер были ему нипочем, как, впрочем, и трансокеанскому дирижаблю, несшему советскую делегацию на конгресс в Соединенные Штаты. Чудовищная сигара с двумя сотнями пассажиров под брюхом использовала ураганный воздушный поток к западу от Ирландии, чтобы сэкономить топливо. Бездействовали винты размером с мельничные лопасти, которые смутили бы даже Дон Кихота.

Людей в салоне было немного — настало обеденное время. Пять-шесть человек дремали в глубоких креслах за столиками, еще двое постукивали шахматами. Никто не плескался в бассейне за стеной тропических растений, даром переливался яркими красками

большой телеэкран. Мало кто из пассажиров любил обедать у себя в каюте; все поднимались на второй ярус гондолы, в ресторан. Туда ушли и Акопян с Мариной Стрижовой. Зато Тарханов от еды отказался вовсе. Остался с Волновым, руководителем делегации.

— Ты-то зачем моришь себя голодом? Если я на китайской диете, так ничего удивительного: двадцать килограммов лишних. Но ваша милость, имея такую талию, достойную солиста балета... — спросил Тарханов.

— Вот чтобы она и дальше была такой, талия! — отвечал Волновой, продолжая пересчитывать бумаги и делать карандашом пометки на полях. Он намеренно отказался от сверхскоростного орбитального транспорта. Хотелось, летя на «тихоходном» лайнере, и еще раз просмотреть доклады коллег, и — что греха таить! — отдохнуть, полюбоваться миром за трое суток полета.

Игорь Петрович начертил «птицу» и жирный вопросительный знак:

— Ох, Сеня, много ты все-таки раскрыл в докладе, они смекалистые. А наше дело больше слушать, чем говорить.

— Ты что, всерьез принял эту болтовню Сурена насчет шпионов и космических мафий? Но ведь, насколько мне известно, никто из космонавтов до Акопьяна на Фобос не ступал. Разве что автоматические устройства.

— Это — по данным МАФ, — значительно ответил Волновой. — Но Международная астронавтическая федерация, увы, не господь бог и потому не всеведуща. Надеюсь, ты еще помнишь, как я гонялся за частным боевым космолетом... м-да... а он меня благословлял торпедами?

Тарханов нахмурился, опустил кудрявую лобастую голову:

— Новости! Мало нам сюрпризов с астероидом — диверсий, обстрелов, жертв... значит, по-твоему, эта

штука на Фобосе не имеет отношения к инопланетянам? Хм... Меня с самого начала мутило оттого, что окажутся правы все эти «тарелочники», искатели зеленых человечков.

— Не знаю, — пожал плечами Волновой. — Окончательного вывода я пока не сделал. Может быть, и зеленые человечки. Но сейчас надо быть очень осторожными и смотреть в оба... Стоп! Оставим эту тему.

По винтовой лестнице спускались со второго яруса Стрижова и Акопян, оба в самом веселом расположении духа. Сурен, плотный, пышноусый, с проседью в густых черных кудрях, в синем пиджаке с никелированными пуговицами и кремовых брюках походил на преуспевающего коммерсанта, француза или итальянца. Марина — все такая же сухошавая, с тонким смугловатым лицом и косо подстриженной челкой, мало соответствовала привычному образу «сорокалетней женщины», только серый костюм был скроен построжее, чем раньше, да прибавилось морщинок вокруг глаз. Ее муж, Виктор Панин, прославленный командир «Вихря-1» и первый начальник станции на астероиде, человек абсолютно неутомимый и неподвластный годам, находился в долгосрочном испытательном полете. Где-то между Землей и Луной он «обкатывал» спутник-ретранслятор, который должен был обеспечить телевизионными программами население лунных баз.

Акопян плюхнулся в кресло и заговорил, бурно жестикулируя:

— Представляете, первый управляемый аэростат в России был спроектирован еще в 1812 году, во время войны с Наполеоном! А в 1915-м русские построили дирижабль «Гигант» длиной в сто пятьдесят метров! Только он переломился во время испытаний...

— Постой, постой! Где ты этого набрался? — попробовал вмешаться Тарханов; но Акопяна было трудно остановить:

— А самым большим дирижаблем двадцатого века

был немецкий «Гинденбург»! Он достигал в длину четверти километра, имел объем двести тысяч кубов, сорок человек экипажа и десять — обслуживающего персонала, в том числе поваров и официантов. И взорвался, кстати, в Америке, у причальной мачты, шестого мая 1937 года...

— Зачем это ты нам рассказываешь? — решительно прервал Волновой. — Дай долететь, тогда и пугай!

— Не удивляйтесь, — сказала Марина. — В кафе продавали разные сувениры, в том числе брошюрки об истории дирижаблестроения. Вам-то еще ничего, а мне он за обедом вслух читал...

Вечером того же дня на борт поступила радиограмма от Хартманна, председателя Ассоциации космической медицины США. Почтенный доктор уведомил советских коллег, что «загадке Фобоса», вследствие ее крайней необычности, будет посвящено отдельное заседание, «круглый стол». Волновой помрачнел; ходил, кусая губы.

Следующим утром Акопян прижал руководителя делегации, что называется, к стенке — вернее, к огромной стеклянной чечевице иллюминатора — и спросил напрямик:

— Чем недоволен, командир? Не хочешь «круглого стола», да?

— Не хочу, — ответил Волновой, понимая, что теперь вряд ли удастся что-либо скрыть от «экипажа». И честно рассказал Сурену о своих подозрениях. — Вот и попробуй, реши, как нам себя за этим столом вести, какие козыри выкладывать, что оставлять в рукаве! Может быть, они только и ждут, чтобы Советы развили на весь мир, что их космонавтов гипнотизирует инопланетный разум... внушает им через подсознание свои команды! Космонавты-шизофреники, недурно, а? Не мытьем, так катаньем нас опорочить...

— Так что же делать? — озадаченно спросил Су-

рен. — Молчать мне, что ли, об этом... подсознательном?

— Молчать, конечно. И вообще это дело Семена. Он врач, физиолог, он знает, что и как сказать. А твое дело — отчитываться о том, как ты перенес гипнорепродукцию. Поменьше внимания уделяй Фобосу, побольше — своим ощущениям. Если вопросы будут задавать — то же самое... Я из доклада твоего уже вымарал все лишнее, перечитаешь.

— Деспот, — буркнул Акопян, подходя ближе к иллюминатору. — И не стыдно нам, ученым, в какие-то шпионские игры играть? Люди со всего мира собираются нас послушать, ждут честного рассказа, а мы...

— Со всего мира! — передразнил Игорь Петрович. — Пока что мир этот еще далеко не един, и врагов у нас в нем немало. Если страхи мои не оправдаются, сам первый перед вами извинюсь. Но пока что я отвечаю за работу делегации и прошу распоряжения мои выполнять...

Сурен, не отвечая, смотрел сквозь толстенное стекло. На лице его читалась самая горькая обида. Волной хотел еще что-то добавить, но только ласково провел рукой по плечу Акопяна и отошел...

Утро было великолепное; океан поражал синевой и спокойствием, через все небо протянулись золотые перистые облака. От горизонта наплывал южный край громадного, сплошь застроенного острова Лонг-Айленд. На узком, извилистом мысе Рокавей громоздились кубы и башни тесно поставленных зданий; еще величественнее выглядела окутанная дымкой стоэтажная стена Бруклина. Десятки больших и малых судов бороздили необъятную бухту; вокруг стоящих на рейде белоснежных пассажирских великанов и серых контейнеровозов мелкой рыбешкой вились катера. Дирижабль медленно

повернул, и Сурен увидел далекую линию небоскребов. Все здесь было оковано камнем и металлом; здания вырастали, грозя совсем закрыть небо. Он поискал глазами статую Свободы — писали, что она недавно отреставрирована...

Для межконтинентальных дирижаблей теперь предназначался аэропорт Статен-Айленд. За несколько лет до открытия рейсов «воздушных кораблей» его чуть было не ликвидировали вовсе: здания стискивали со всех сторон, посадка больших самолетов стала опасной. Теперь не стало взлетно-посадочных полос; вместо унылого серого бетона и подстриженной травы по полю разлились пестрые клумбы, розарии, рощи с искусственными озерами. И над всем этим высились на могучих опорах решетчатые мачты, напоминавшие Эйфелеву башню. К ним причаливали аппараты легче воздуха, наполненные негорючей смесью газов...

Приземление прошло вполне благополучно. Ожидавший под мачтой электромобиль ассоциации отвез четверку советских делегатов в уютный отель при аэровокзале. В Нью-Йорке им предстояло провести не более суток — завтра был день сбора делегаций в Майами. Разбитной мулат, неплохо говоривший по-русски, — клерк ассоциации — взялся показать до вечера все, что можно увидеть за такое ничтожное время в самом большом городе Земли. То есть галопом провезти по всемирно известным местам.

Они наскоро пообедали, причем Марина во всеуслышанье провозгласила, что «книжки не врут». Оказывается, она где-то прочла, что в Америке овощи и фрукты отличаются «рекламным» видом, они всегда крупные, спелые, идеально свежие, но при этом водянистые и довольно-таки безвкусные. Сказывается погоня за внешней привлекательностью товара, обилие всяких химических стимуляторов. То же и с мясом: бифштекс — загляденье; а на вкус... Клерк по имени Стив откровенно хохотал: «Мы-то знаем, что к чему! У богатых людей

собственные фермы — не на продажу, для себя... Яички прямо из-под курочки, и коровка травку щиплет, какую сама хочет».

Конечно же, поездка была суматошной, впечатления насыпались грудой, без всякого толку. Важное забылось, мелочи застряли в памяти. Поражал и подавлял размах города, невероятное многолюдье. Перенасыщенность транспортом чувствовалась везде... Нередко встречались полицейские оцепления. Это значило, что здесь только что разбились, смяли друг друга в лепешку несколько электромобилей или «каров» на водородном горючем. Впрочем, заслоны исчезали быстро: искореженные обломки утаскивал специальный вертолет, раненых и погибших увозили машины с красными крестами... а рядом уже нетерпеливо взрывывало тысячеколесное стадо. Скорее, скорее!..

Стив спросил — правда ли, что в Москве больше нет частного транспорта? Почти нет, ответил Тарханов, и целые районы закрыты для него. Да и зачем он нужен, если длина метрополитена — уже больше тысячи километров; весь город опутан подвесными дорогами и набит электрическими такси? Мы тоже могли такое сделать, отвечал Стив, но беда в том, что для американца собственный автомобиль — это не просто средство передвижения. Это гордость, залог чувства собственной полноценности, способ пустить пыль в глаза соседям и знакомым, возвыситься над ними. Житель Нью-Йорка согласен хоть ежедневно получать увечья в авариях, часами простаивать в заторах, разоряться, покупая все более модные машины, — но от «звания» автовладельца не откажется, и никакой президент ничего с этим не поделает...

— Ну почему же? — возразила Марина. — Вот лет пять назад запретили же у вас ношение и продажу огнестрельного оружия? Тоже, помню, кое-кто из ваших политических деятелей кричал, что этот закон несовместим с «американским национальным характером»,

и протесты были, и демонстрации всяких левых и правых... А все равно запретили.

Стив засмеялся. Делал он это очень охотно, смеялся от души, заразительно...

— Да, вы действительно люди другой природы! Кто у нас обращает внимание на эти запреты? Самые трусливые поседавали «пушки», а остальные... Как нельзя было пятьдесят лет назад пройти в темное время по парку, так и теперь. Только вместо пули всадят в вас пучок парализующего излучения: оно и бесшумно, и удобно. Серьезные банды располагают даже лазерным оружием...

— Оптимистка ты, Марина! — вмешался Волновой. — А вот я тут не в первый раз и могу подтвердить: американцев не переделаешь.

— Может, и удалось бы, да никто за это не берется! — сказал Стив. — Дьявол нами, видимо, доволен, а господь бог давно махнул рукой...

Они колесили по районам, в каждом из которых были заметны свои национальные признаки. Стив сообщил, что ирландцев в Нью-Йорке больше, чем в Дублине, а итальянцев — чем в Неаполе. Бегло осмотрели немецкий Йорквилль, отличавшийся аккуратными газончиками и розариями; китайский Чайнатаун, где даже телефонные будки были сделаны в виде маленьких пагод; традиционно хмурый и замусоренный негритянский Гарлем с улицами громадных полуразрушенных домов для самых бедных — хозяева не считали нужным ремонтировать «убыточные» жилища... От Гарлема, оставившего мрачное впечатление, было рукой подать до прославленного Бродвея. По причине дневного времени не удалось полюбоваться феерией электрического огня; но и днем на улице кипела жизнь. В пестроте бесчисленных реклам тонули скромные фасады театров. Судя по фотовитринам, здесь шли самые разнообразные спектакли — от Софокла и Чехова до откровенно порнографических шоу. Это тоже была тра-

диция. Марина не утерпела, заглянула в два-три магазина. Стив сказал, что отец его помнит время, предшествовавшее ядерному разоружению: обнищание страны, всеобщую девальвацию. Тогда полиняли карнавальные одежды «Великого белого пути», и стояли заколоченными десятки магазинов, и голодные толпы из Гарлема среди дня громили продуктовые лавки...

Тарханов больше всего переживал оттого, что не было времени походить по выставочным залам. И все же они осмотрели выставку некоей малопонятной, издающей треск и завывание, испускающей лучи света «динамо-живописи» в музее Гугенхейма, а также обошли небольшой участок необъятного дворца искусств — Метрополитен-музея. Оказавшись на Манхэттене, нельзя было, разумеется, упустить случай полюбоваться зданиями Линкольн-центра — недавно построенный голографический видеотеатр ледяным кристаллом нависал над колоннами Метрополитен-оперы. Повздыхали перед стареньким Эмпайр-Стейт-билдингом, едва достававшим до «пояса» супергигантам последних десятилетий. (Стив не замедлил доложить, что теперь квадратный сантиметр земли на острове Манхэттен стоит дороже, чем золотая пластинка той же площади.) Наконец Сурен увидел «с тыла» статую Свободы и решил, что она недостаточно внушительна...

К вечеру у гостей все перемешалось в голове: «динамо-живопись» и египетская скульптура с головами птиц и зверей, тяжелая пышность старых домов, выстроенных «под античность», электроавтомобильные потоки, смелые наряды женщин, полицейские... Кстати, полицейские почему-то запомнились лучше всего. Если судить по старым американским фильмам, облик «фараона» не менялся уже лет тридцать-сорок. Это должностное лицо продолжает являть собой нечто вроде символа страны — теперь уже в большей степени, чем любые небоскребы. Небоскребы-то есть везде, а вот такие красавцы — только в Штатах. Стоят они, как правило, в оди-

наковых позах: ноги широко расставлены, руки за спиной. Сейчас, по летнему времени, на них серые рубахи с короткими рукавами, с расстегнутым воротом: брюки заправлены в высокие ботинки. Повсюду значки, эмблемы, бляхи, шевроны... На груди портативная, все время включенная рация, еще какие-то перебегающие огоньки. Широкий кожаный пояс спущен на самые бедра, к нему привешены блестящие наручники, рожок с патронами, дубинка. Все открыто, все без чехла, так и кричит: «Бойтесь, уважайте, перед вами — сила!» Большой старинный револьвер практически весь снаружи, только ствол засунут в кобуру. Ну какой же полисмен без «кольта-45»! Образ, созданный книжками-комиксами, кинолентами, телепередачами: рыцарь закона, грозный и справедливый, герой без страха и упрека... Может быть, это двадцать раз не соответствует действительности, но «фараон» производит впечатление...

Друзья долго не расходились по номерам, засиделись в гостиной у Волнового. Наконец Игорь Петрович решительно выгнал всех спать. Последним выходил Тарханов. Руководитель делегации остановил его незаметным для других знаком.

— Что? — встревоженно спросил Семен.

— Да так, мелочи. — Волновой оглянулся по сторонам, как будто их могли подслушать. — Ты... ничего не заметил, когда мы сегодня ездили по городу?

— А что я должен был заметить?

— Не знаю. Конечно, может быть, мне показалось... но все-таки я раза четыре за день видел одну и ту же оранжевую «тойоту». Она шла за нами, как приклеенная, и почти не отставала.

Тарханов поднял левую бровь и сказал со вздохом:

— Диагноз могу поставить сразу. Детективная лихорадка, вот как это называется. Ты мне еще в Москве не понравился со своими подозрениями...

И вышел.

Ночь миновала вполне спокойно. А утром Стив под-

вез четверых гостей до станции монорельса. Вылетать в Майами должны были с другого аэропорта, Флойд-Беннетт; стремительный воздушный поезд добирался туда пятнадцать минут, электромобилью на забитых транспортом улицах понадобилось бы не менее часа. Коротенькое радушное прощание, объятия по-американски (здесь обнимаются и хлопают друг друга по спине даже малознакомые люди); Марина советует Стиву «по возможности не быть пессимистом» и вообще побывать в Советском Союзе. «Наверное, я так и сделаю — вы занятные ребята, я никогда таких не видел!» — отвечает мулат; зубы его сверкают в улыбке, а глаза печальны...

Промелькнули внизу бесчисленные крыши — причудливыми надстройками и антеннами, соляриями, площадками для вертолетов. Кое-где поезд бежал мимо стеклянных панелей — дома поднимались выше опор дороги, уходили к легким утренним облакам. Блеснула мутная гладь узкого пролива Те-Нарроус, понеслись похожие друг на друга кварталы Бруклина. Наконец, словно благодатная долина в горах, открылся зеленый провал между подоблачными башнями — поле аэродрома.

Их ожидал светло-кофейный «Эльф» с голубой полосой вдоль фюзеляжа, маленький и нарядный, точно игрушка. Машина стояла в секторе частных самолетов, поскольку принадлежала Хартманну. Очевидно, старик намеревался устроить советским делегатам прием по высшему классу. Сам он не прилетел из Майами — гостей встретили флегматичный непрерывно жующий верзила — пилот и сухонький, похожий на японца ассистент председателя АКМ. Впрочем, говорил он как стоцентный янки, а фамилия его была Мэнсфилд. После традиционных объятий и похлопываний ассистент предложил незамедлительно взлететь. Пилот забрался в кабину (было странно, что он там помещается), Мэнсфилд подхватил чемоданы...

Игорь Петрович откашлялся, вероятно, справляясь с волнением, и вдруг сказал неожиданно громко, будто с трибуны:

— Извините меня, ради бога, мистер Мэнсфилд...

— Меня зовут Джек, — скромно улыбаясь, поправил тот; но чуткая Марина была готова поклясться, что рубашка-парень Мэнсфилд вдруг здорово забеспокоился и узкие глазенки его стали колючими.

— Ладно, Джек... Вот какое дело! — Волновой почесал в затылке. — Я забыл передать очень важные документы... одной нашей торговой фирме в Нью-Йорке. Только сейчас вспомнил — старею, прямо беда... — Он оглянулся на Тарханова, как бы ища поддержки, но Семен отвернулся и неприязненно поджал нижнюю губу. Вид у Волнового стал совсем не «генеральский», растерянный; он развел руками. — Придется вам, значит, лететь без нас... Мои глубочайшие извинения мистеру Хартманну! Кстати, он все еще не заменил левую почку? Три года назад на семинаре в Москве жаловался...

— Кажется, нет! Я не говорю с шефом на такие темы... — замотал круглой головой Джек. — Но... как же так? Неужели нельзя отложить? Сегодня ведь сбор, завтра пленарное заседание...

— Вот мы на него и прилетим, — успокоил Волновой. — Первым утренним самолетом. Или последним ночным. Честное слово! Ну, какие проблемы? Это же рядом...

Мэнсфилд стоял, ошарашенно моргая. Очевидно, он был полностью подавлен решением Игоря Петровича. Тарханов искренне кипел возмущением; Сурен крепко удивился и открыл было рот — задать недоуменный вопрос командиру, но смолчал, возможно, вспомнив последний разговор на дирижабле. А Марина послушала... и вдруг изобразила гнев. Действительно, что за неожиданные шутки, командир?! Если вам надо, оставайтесь в своем торгпредстве, а лично она полетит!

И думает, что товарищи ее поддержат... Верно ведь, Сурен, Сеня?..

— Нет, мэм, — трагически вздохнув, сказал Мэнсфилд. — Так не положено. Или вся делегация, или никто... жаль, конечно. Ну что ж, до завтра, джентльмены!

— Мой горячий привет мистеру Хартманну! — поднял руку Волновой, — И профессору Барбарелло из Милана. Он тоже был у нас на семинаре. Не забудете?

— Что вы, обязательно передам! — сказал Джек с таким выражением, как будто у него болели зубы, и поплелся к самолету.

Он безуспешно пытался скрыть разочарование, но даже походка выдавала его, нервная, подпрыгивающая. Громко хлопнул люк «Эльфа»; пилот, невозмутимо жуя, запустил двигатели. Мэнсфилд даже не помахал из окна. Маленькая кофейная машина, сердито треща, побежала прочь. Четверка делегатов осталась со своими чемоданами стоять посреди взлетного поля.

— Ну, знаете, товарищ Волновой, это переходит всякие границы! — яростно сказал Семен Васильевич, отмахиваясь от порывов жаркого пыльного ветра. — Нельзя же, в самом деле, так поддаваться детективному бреду! Мы здесь в некотором роде представляем Советский Союз, а ты, наш руководитель...

— Вот именно, — кивнул Волновой. — Ваш руководитель. И отвечаю за всех вас, и хочу довести вас домой живыми и...

— С ума ты сошел, что ли?!

— Может быть, — неожиданно мягко ответил Игорь Петрович. — Действительно, когда я сказал этому Мэнсфилду... то, что сказал, — мной руководила только интуиция. Но потом... — Волновой загнул палец и поднес его к самому лицу Тарханова. — Во-первых, семинар в Москве был не три года назад, а четыре. Во-вторых, — он загнул еще один палец, — любой сотрудник Хартманна знает, что у старика обе почки искусствен-

ные; совсем недавно он месяца два провалялся в больнице. И в-третьих, никакого профессора Барбарелло из Милана нет на свете, а уж ассистент председателя АКМ должен знать всех зарубежных коллег! Я его только что придумал, этого профессора; был давным-давно такой фильм — «Барбарелла»...

Тарханов еще долго ворчал и возмущался, называл Волнового «великим сыщиком» и «инспектором Мегрэ»; Сурен не знал, чью сторону принять. Только Марина, безоговорочно вставшая на сторону руководителя делегации, деловито спросила:

— Значит, будем ждать ночи?

— Какая там ночь! Это я для отвода глаз... Сию же минуту отправляемся. Только с хитростью...

План, придуманный на ходу Волновым, был столь же прост, сколь надежен. Чтобы «замести следы» и сбить с толку неведомых преследователей, четверка села в магнитный экспресс Нью-Йорк — Вашингтон. Две столицы страны были связаны прямой, как луч света, магистралью, по которой, не касаясь стального полотна, мчались на магнитной «подушке» ракетобразные поезда. Сорок минут в гидравлических креслах, под монотонный шорох и посвист встречного ветра (поезд почти беззвучен) — и вот уже первая остановка, вокзал Филадельфии. Даже толком не успели разогнаться — своей предельной скорости экспрессы достигали лишь на трансконтинентальной линии... Снова мелькание размытой блестящей полосы за окнами. Город, сплошной город тянется вдоль Атлантического побережья! Южные пригороды Нью-Йорка, проглотив более мелкие населенные пункты, срастаются с окраинами Филадельфии; а та, в свою очередь, выбрасывает отростки навстречу улицам Балтимора... Балтимор — вторая и предпоследняя остановка. Дальше начинаются, опять-таки без перерыва, без единого лесочка или засеянного поля, кварталы Большого Вашингтона.

Делегатам не удалось даже прогуляться по улицам

официальной столицы Штатов — самолет на Майами уходил меньше чем через час. Только и успели, что проглотить по чашечке кофе с сэндвичем на вокзале. Подземка доставила их в очередной аэропорт. Марина буквально на ходу купила пачку голографических открыток с видами города. Сурен, заразившись настроением Волнового, бросал подозрительные взгляды на всех встречных и так «конспиративно» озирался по сторонам, что его остановил полисмен на выходе к самолетам. С полицией в Америке не препираются и не спорят — пришлось терпеть, пока блюститель порядка проверит каждую буквочку в документах...

Наконец они поднялись в воздух. Самолет был небольшой, уютный — одна из последних винтомоторных моделей. Винты опять входили в моду; многим нравился ровный, устойчивый полет без головокружительных ускорений. Вновь, как шестьдесят-семьдесят лет назад, появились лайнеры, влекомые четырьмя пропеллерами. Только теперь моторы питались энергией ядерных реакторов, а рабочим веществом служила вода, вернее — пар. Такие самолеты не сжигали атмосферный кислород, не загрязняли воздух перегаром; а их скорость — до тысячи километров в час — была вполне достаточной для перевозок в пределах одного континента.

Салон, рассчитанный на двадцать человек, был полон; пройдя по рядам, Акопян конфиденциально сообщил Волновому, что он не видит ни одного подозрительного лица. Игорь Петрович только отмахнулся. На то, что неведомые «враги» проследили их путь, оснований почти не было. А если и так, то что может грозить делегатам на борту рейсовой машины? Воздушное пространство, случаи захвата самолетов и шантажа летчиков практически прекратились с тех пор, как на всех летательных аппаратах были поставлены нехитрые «противоугонные» устройства. Достаточно было любому из членов экипажа громко произнести кодовую фразу (она менялась с каждым рейсом), как замыкалась некая

электронная цепь. К тому же эффекту приводило нажатие определенных кнопок на штурвале, на пульте или на браслете-передатчике; открывались вентили баллонов высокого давления, и в систему кондиционирования поступал усыпляющий газ. Разумеется, он валил с ног всех — и преступников, и пассажиров, и экипаж. Но управление моментально брал на себя компьютер, и самолет милейшим образом садился на ближайшем аэродроме, где уже поджидало вооруженное до зубов спецподразделение... Когда начала действовать международная конвенция, утвердившая эту меру на всех авиалиниях Земли, не обошлось без казусов. Например, одна заранее перепуганная буфетчица с бельгийского «Боинга-807», узрев пассажира, вытиравшего пот носовым платком, решила, что тот надевает респиратор или противогаз, готовясь к нападению, и выкрикнула «пароль». В результате девятьсот человек уснули, рейс был сорван, и компания «Сабена» заплатила огромную неустойку. Другой случай был посерьезнее. Бортмеханик сговорился со своим дружкой обчистить спящих пассажиров; в условленный момент оба надели маски, и механик пустил газ. Компьютеру была заранее дана команда сажать в пустынной местности, на кукурузном поле. Все сошло бы ловкачам с рук, если бы при посадке не попался овраг. Самолет сломал крыло и опрокинулся на бок, преступники серьезно пострадали — и, к сожалению, не только они... Тогда учредители конвенции поручили вести «усыпленные» самолеты не бортовым компьютерам, а региональным, установленным в ближайшем крупном аэропорту.

Как бы то ни было, новое средство действовало, и пассажиры чувствовали себя в безопасности. Звукоизолирующая обивка поглощала шум винтов. Стюардесса застенчиво объясняла, как следует вести себя в случае аварии — наверное, работала недавно, еще не наловчилась ослепительно улыбаться и тоном равнодушной приветливости объяснять приемы выбивания стекол в ил-

люминаторах... За Норфолком поплыли вниз изрезанные берега бесчисленных бухт и заливов. Обедали уже над океаном — самолет, не повторяя всех изгибов побережья, летел, придерживаясь восьмидесятого меридиана. Стюардесса лепетала что-то о плавательных поясах и запасе витаминных таблеток. Синева, играющая чешуей бликов, начала прискучивать.

Бликий вечер нагнал облаков, водная гладь спряталась от взоров. Тарханов подремывал, Волновой рылся в бумагах делегации, не утомимо делал какие-то пометки и записи, а Сурен, то и дело показывая на залитое красным небо в окне, сообщал Марине, что там лежат загадочные Багамские острова, возле которых найдены на дне остатки древнейшей затонувшей цивилизации, а дальше — еще более таинственные воды Бермудского треугольника... Стрижова, любившая раритеты, читала, разумеется, нашумевшую в прошлом веке книгу Берлитца о тайнах Бермуд, об исчезающих кораблях и самолетах, но слушать Акопяна было забавно, тем более что он многое прибавлял от себя.

Майами показался к ночи. Вернее, не сам город, а бесконечная цепь огней вдоль берега, бриллиантовое ожерелье Флориды, протянувшееся от Уэст-Палм-Бич до Ки-Уэста; пояс окончательно сросшихся курортных городков на самом полуострове и островах Флорида-Кис. Акопян, сменив тему, восклицал:

— Как жаль, что мы не испанские мореплаватели шестнадцатого века! Наших ноздрей уже коснулись бы пряные запахи тропических цветов. Ведь Флорида — это и значит «цветущая»...

Стюардесса деликатно будила задремавших, предупреждала о скором прибытии. Потом начала рассказывать рекламный текст о прелестях курортного края, отелях, пляжах, кемпингах, прокате яхт и специальных садках жемчужниц — для желающих понырять и, может быть, обогатиться...

Акопян и Стрижова слушали, разинув рты; Волно-

вой лишь мудро посмеивался, ибо знал, что никакой жемчуг, подсунутый местными развлекателями ныряльщикам, не окупит стоимости проживания на знаменитом курорте...

Самолет заходил на посадку.

Глава V

РАЗГОВОР ПРИ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЯХ

Точеные деревянные столбики веранды, увитые краснеющим к осени виноградом; куры, бродящие возле расшатанных ступеней; кусты крыжовника и низкие раскидистые яблони; бочка для сбора дождевой воды, механическая косилка на траве, взрыхленная земля огорода — овощи уже убраны... В доме — крахмальная скатерть на неуклюжем столе, яблочный сидр в кувшине, разрезанный мясной пирог; темная старинная мебель, тяжелые шторы с помпонами... Трудно было поверить, что вся эта провинциальная идиллия находится в центре Нью-Йорка и солнечные лучи, сконцентрированные специальной оптикой, падают во внутренний двор небоскреба, на глубину ста с лишним этажей. И тем не менее владелец дома мог позволить себе такую прихоть. Владелец дома мог себе еще и не такое позволить.

Он сидел боком к столу, покачиваясь в скрипучем дедовском кресле-качалке и прихлебывая из глиняной кружки — этакий лысоватый, пухлощекий, расплывшийся папаша-фермер, добродушный хрипун в мятой рубашке и жилете нараспашку. И еще было в комнате человека три-четыре, помоложе и постарше, неброско одетых, усатых и безусых — ну, совершеннейшие личности из вагона «сабвея», лишённые особых примет. Одна из личностей поглощала пирог, поливая его домашним кетчупом; другой гость курил сигарету, привалившись

задом к вычурному комоду; еще кто-то совсем в темноте играл на диване со спаниелем.

У порога веранды, спиной ко двору, в потоке солнечного света сидел на стуле, неестественно выпрямившись, тот самый господин, похожий на японца, что представился советским делегатам как Джек Мэнсфилд. В его руке подрагивал бокал с сидром. Он подходил на подсудимого, каковым, очевидно, и являлся. Он шурился от яркого солнца, в то время как лица мужчин в зашторенной комнате покрывала глубокая тень.

— Вот такая история, Тэдди, — сочувственно вздыхая, говорил старик в кресле-качалке. — Ты-то, брат, хоть понимаешь, что теперь будет?

— А что я мог сделать, босс? — недоуменно спросил «Джек». — Не стрелять же в них посреди аэродрома в конце концов?

— Нет, стрелять тебе было нельзя, — охотно согласился старик. — На это мы тебе полномочий не давали. Но все равно — прохлопал ты, брат. Сглупил. Тебе говорят: «Извините, мы забыли сделать важное дело, полетим позже — рейсовым самолетом». Очень хорошо. Как ни в чем не бывало предложи подождать, пока они вернутся. Убеждай, уговаривай...

— Да что я, мальчик, что ли? Они же нас насквозь видели! Во всяком случае главный. Он бы через десять минут прислал полицейскую машину...

— Большое дело — полиция!

Джек-Тэдди порывисто допил вино, поставил бокал на пол. Его лихорадило все сильнее.

— Может, и небольшое. Но они бы нам все равно усложнили работу. Зачем лишний шум?

— Зря выкручиваешься, Тэд! — лениво отозвалась личность, игравшая на диване с собакой. — Если тебя видели насквозь, значит, ты прокололся. Плохо сыграл. Опять же, виноват.

— Не знаю... Может, мне и показалось! — начал торопливо оправдываться «подсудимый». — Может, и не

поняли они ни шиша... А вдруг у главного в самом деле были какие-то дела в городе?

— Совсем запутался, дурачок! — просипел старик. — Если не поняли, то почему сообщили тебе, что полетят завтра, а сами удрали экспрессом, как будто им черти пятки поджарили? Провели тебя за нос, брат...

Виноватый опустил коротко стриженную голову. Воцарилось молчание. В черном лакированном, ростом с человека футляре уютно тикали напольные часы, суетливым солнцем мелькал маятник.

...За две недели до этого разговора был у хозяина другой, еще более конфиденциальный, тет-а-тет. Только не дома и не в офисе принадлежавшего ему концерна, чьи перекрытия убегали к небу над беленым потолком «фермы». Пришлось тогда старику втиснуться в костюм-тройку, затянуть на горле галстук и отправиться на собственном самолете в Вашингтон. Там приезжего встретил в ультрамодерновом, набитом электроникой кабинете человек, чья физиономия во время торжественных церемоний маячила за плечом президента, а обязанности были понятны лишь узкому кругу посвященных. В отличие от старика бизнесмена, вашингтонский чиновник был худощав, пасторально голубоглаз, возраст имел неопределенный, а платиновые волосы и белоснежные зубы — слишком натуральные, чтобы быть естественными... Он все время ходил по кабинету и восклицал:

— Произошло событие, которому нет равных в мировой истории! Вы понимаете? Вот здесь у меня самые свежие данные из русского Космоцентра... Этот Акоюн действительно видел нечто, оставленное инопланетянами. Машину, сокровищницу, звездолет — или что-то иное, для нас непостижимое; но видел! И теперь они снаряжают корабль к Фобосу. И долетят, и разберутся в этом! — Чиновник ударил кулаком по пачке бумаг. — Тогда Москва овладеет секретами, до которых

иначе пришлось бы додумываться еще пятьсот лет. И весь мир станет русским, дружище. А мы будем получать подачки с господского стола... Нравится вам такая перспектива?

Разговор шел секретный. Все каналы связи были перекрыты, магнитофоны выключены. Звуконепроницаемые панели исключали подслушивание с помощью дальнобойных микрофонных «пушек»; специальные прокладки в стенах и перекрытиях нагревались электротоком, дабы никто не смог увидеть с помощью инфракрасного термоскопа тепловой облик собеседников, а затем прочесть их беседу по видеозаписи движений губ...

— Ну а вы-то чего копаетесь? — спросил старик, утирая пот и придвигаясь поближе к вентилятору. — Взяли бы и сами отправили экспедицию. Штука-то эта, на Фобосе, вроде ничейная: кто первым застолбил, тот и бери...

— Легко сказать — отправили экспедицию! У президента и НАСА совершенно другие планы. Вы же знаете, кто сейчас у власти... Краснобаи, прекраснородушные идиоты, не видящие дальше собственного носа. Если бы они и послали корабль на Фобос, то уж наверняка пополам с русскими, и все находки и открытия объявили бы достоянием человечества.

— Хм... А если корабль построит, скажем, не НАСА, а кто-нибудь совсем другой? Я бы мог и сам поспособствовать и переговорить кое с кем...

— К этому я и веду. Но вы представляете себе, какая здесь понадобится осторожность?

Старик наморщил красный от «фермерского» загара лоб, подумал и сказал:

— Поганцы, крючкотворы проклятые... Надо будет на следующих выборах поставить на другую лошадку.

— До выборов еще без малого два года. За это время русские и отправят свой новый корабль, и вернуться. А наше дорогое правительство им поможет...

— Это еще почему?

— Потому, — резко сказал чиновник, перестав сновать вдоль стола и значительно глядя прямо в глаза гостю. — Четырнадцатого числа в Майами начинается конгресс по космической медицине. Оттуда придут четверо: генерал, начальник медицинской службы Космоцентра, еще одна леди — тоже врач... и сам Акопян. Они доложат об удачном эксперименте — чтении воспоминаний Акопяна; наши яйцеголовые заключат их в объятия, родится какое-нибудь совместное соглашение... и чем черт не шутит, может быть, они действительно затеют общую прогулку на Фобос!

— Ага... И потому вы...

— Ну да, — перебил чиновник. — Мы очень торопимся. Участие русских в конгрессе недопустимо. Их возвращение домой также нежелательно. Поймите меня правильно — речь идет не о ликвидации, а... В общем, они должны заявить, что добровольно остаются здесь. Но за этим останковки не будет — есть такие психотропные штуки, можно заставить людей говорить что угодно. Главное, аккуратно взять всю четверку...

— За что вы платите вашим парням из Лэнгли *? — недовольно спросил гость. — Почему я должен для вас таскать каштаны из огня?

— В Лэнгли теперь тоже сидят слюнтяи из президентской команды. К тому же ни одна правительственная организация не должна иметь отношение к... нашей затее. Мы слишком на виду.

— О'кэй, — кивнул приезжий. — Вы меня не раз выручали, старина, — не буду с вами спорить. Значит, брать живьем?

— Да, и неповрежденных. Мне нужны их гладкие физиономии перед телекамерами. Разразится чудовищный скандал, который наверняка отвлечет мысли русских от инопланетных дел. К тому же здесь останется главный источник информации — Акопян. Они будут стараться заполучить его обратно. А мы тем временем

* В Лэнгли находится штаб-квартира ЦРУ.

выкачаем все содержимое его мозга, сами построим корабль и повезем господина Акопяна на Фобос, как живой прибор...

Старик молчал, посапывая. При всем его могуществе, с жутковатым главой секретнейшей спецслужбы спорить не приходилось. «Фермер» прикидывал в уме, кому из своей личной гвардии — корпуса телохранителей, промышленных шпионов, сыщиков и наемных убийц — поручить деликатное задание...

И вот теперь бедняга Тэдди, проваливший трюк с «личным самолетом Хартманна», сидел на веранде перед благодушно щурившимся боссом и с замиранием сердца слушал слова приговора:

— Ну, братцы, не будем даром мучить человека, у него уже и так штаны мокрые... (Личности пробормотали что-то невнятное.) Что? Вот и я так думаю. — Старик с нарочитой неторопливостью отхлебнул из своей кружки, глядя, как покрываются мертвенной бледностью широкие скулы подсудимого. — В общем, даю тебе шанс, Тэд, сынок. Единственно из-за моей к тебе давней привязанности. Искупишь вину. В твоём распоряжении два дня. Послезавтра к этому времени вся компания должна быть здесь... — Пухлая стариковская ладонь припечатала скатерть, плеснулся из бокалов сидр. Часы пробили пять.

Глава VI

СЕКРЕТ «ОДНРУКОГО БАНДИТА»

Утреннее заседание окончилось в половине первого, объявили большой перерыв. Тарханова и Марину тут же куда-то умыкнули американские коллеги. Волновой уединился в одном из бесчисленных уютных буфетов, намереваясь перекусить и одновременно повозиться со своими неразлучными бумагами. Доклад советской де-

легации был назначен на завтра. Акопян наскоро пообедал рядом с шефом: его неудержимо влек к себе город.

Из этого гигантского отеля, специально снятого для проведения международного конгресса, было не так-то просто выйти. Сурен прошел через зал, напоминавший огромный стакан из опалового стекла. Зал предназначался владельцами для разного рода встреч и съездов. Его окружал просторный холл. Сейчас здесь были выставлены на ярких разноцветных постаментах образцы новейшего медицинского оборудования, выпущенного разными фирмами США. С одной стороны — экспозиция по теме, с другой — добавочная возможность прорекламировать свой товар. Аккуратные стеклянные горки с фармакологическими препаратами: в глазах рябит от радуги этикеток. Никель и пластик, оптика и электроника: всевозможные чудеса, от диагностических машин седьмого поколения, размером с книгу, но обслуживающих целые больничные города, до антигравитационных камер, где могли висеть в воздухе без опоры, ни к чему не прикасаясь, больные с обгоревшей или пораженной кожей. Попадались и части снаряжения космонавтов — все-таки конгресс-то был посвящен космической медицине! Сурен с удивлением увидел на стенде с торговой маркой «Форд» хорошо знакомые ему прыжковые сапоги-скороходы. На обложке проспекта надпись: «По лицензии СССР». Сурен перелистал глянцевую книжечку. Сапоги, которыми в его родной стране снабжали только космонавтов на время полета, здесь продавались в магазинах: их рекламировали для альпинистов, туристов, охотников... Нет, право, нам есть еще чему поучиться у «фирмачей»-капиталистов.

Акопян вышел в кольцевой коридор с многочисленными лифтами; конференц-зал и холл располагались в цокольном этаже гостиницы. Но лифты сейчас были ни к чему. Сурен поднялся во внутренний двор, один из многих, где в соответствии с жарким климатом Май-

ами располагались бассейны, солярии, сады тропических растений. Чего здесь только не росло! Но, пожалуй, наиболее экзотичными среди всех этих орхидей и папоротников казались три русские березы, стройные и белые, точно свечи...

Наконец выбрался на улицу. Стояла жара, впрочем, освеженная дыханием близкого океана. Полукруглый козырек отеля отбрасывал тень на газон с лениво шевелившимися пальмами. Дальше начиналась площадка, уставленная прокатными электромобилями — тоже часть гостиничного хозяйства. Машины были серебристые, обтекаемые, одинаковые, словно пули; на каждой красовалось название отеля — «Флорида» — и эмблема города Майами: попугай, сидящий в кольце, прикопанный к нему цепочкой. У края высилась аккумуляторная колонка, похожая на друзу горного хрусталя. Сурен подошел к ней, сунул в щель металлопластиковую карточку постояльца и получил из окошечка ключи.

Открыв дверцу крайней машины, он обнаружил, что управление крайне просто: штурвал, педаль скорости, ручка заднего хода и тормоз. Делом нескольких секунд было вывести сплюсненную сигару на шоссе.

Город дремал. Полуденная сиеста, возможно, от далеких испанских времен оставшаяся в распорядке дня, опустошила улицы, разрисованные звездчатыми тенями пальм, закрыла жалюзи вилл, окруженных садами. Сурен отметил про себя обилие отелей и то обстоятельство, что даже среди немногочисленных прохожих преобладали клерки и посыльные в гостиничной форме, а встречные машины были почти сплошь прокатные. Вокруг расстилался туристский рай, не оскверненный ни одним заводом. Даже офисов почти не увидел по дороге бортинженер: только обязательный «Первый Национальный банк» да похожая на пирамиду вершиной вниз контора авиакомпания «Пан Америкэн». Свернув с Мэйн-стрит, где высился конный монумент некоего идадьго

в доспехах, Акопян устремился к порту. Возле пирсов собралось довольно своеобразное «общество»: торговых судов и контейнеровозов было очень мало, зато тесными рядами стояли элегантные собственные яхты. Любители стиля «ретро» прибывали сюда на белых, с позолоченной резьбой бортов и носовой статуей святого копьях Колумбовых или Магеллановых каравелл; ветер полоскал романтические паруса, и только посвященные знали, что вся эта бутафория на походе убирается, уступая место мощному винту или водомету. Яхтсмены с более современным вкусом строили крыловидные, каплевидные, плоские плавательные аппараты. Попадались и нарочито роскошные, многоэтажные атомоходы: на таких путешествовали не спеша, большой компанией, устраивая стоянки и загулы в самых значных местах планеты...

Сделав немалый крюк, Сурен выбрался к городскому рынку. Тут было многолюдно. Магазины и кафе окружали площадь, на которой под громадными полупрозрачными, точно стрекозы крылья, навесами торговали дарами моря. Пестро одетые смуглокожие суетливые люди — наверное, мулаты или креолы — высыпали на прилавок диковинные раковины, морских ежей, сушеных страшных рыб. Сувенирная индустрия работала всюю. Впрочем, лежали здесь и груды свежей рыбы; висели длинные ломти вяленого акульего мяса; радовали глаз обилием форм и красок трепанги, мидии, осьминоги, бронированные омары и розовые, навалом, креветки. Звучала ломаная испанская речь. Дородные негритянки в полотняных платках-тюрбанах сидели, как идола, перед кучами фруктов и домашних сладостей. Вольный дух рынка, удивительным образом уцелевший в городе крупного централизованного бизнеса (а то и намеренно оставленный, как туристская приманка), привлек Сурена. Он потолкался между рядов, купил связку бананов и шахматный черепаший панцирь — домой, на рабочий стол.

Возле рынка оканчивались кварталы роскошных вилл и отелей. Никакие грандиозные перемены, никакие свежие ветры XXI столетия не коснулись трущоб Майами — тростниковых хижин и разбитых тротуаров, веревок с нищенским бельем, убогих кофеен и магазинчиков. А может быть, то были следы великого кризиса 1990-х, перед разоружением... Во всяком случае, Сурен, не желая рабски следовать путеводителю, прошелся по двум-трем улочкам за рынком. Он не заметил, как в нескольких шагах от него, протиснувшись между сараем и мусорной свалкой, неслышно остановился черный «орикс». Как господин, похожий на японца, что-то шепотом сказал своим спутникам и вынул пистолет с широким, как водопроводная труба, дулом — усыпитель, оружие, выданное полиции для борьбы с террористами. Затем стрелок приоткрыл дверцу «орикса»... Но в этот миг, чумазой галдящей стаей вылетев сразу из десятка дворов, Сурена обступили мальчишки-креолы, трущобные пацаны, наперебой предлагая самодельные сувениры — все те же раковины и сушеную рыбу мелочь — или попросту клянча денег. Окруженный этим неожиданным эскортом, Акопян, смеясь и поднимая руки вверх, поспешно вернулся к своей машине. Ему пришлось-таки купить пару наивных поделок и раздать горсть мелочи. А Джек-Тэдди, прошипев нечто весьма неслестное, спрятал пистолет и велел дать задний ход...

На чистейшем, сверкающем белизной пляже (мусор дважды в день убирали специальные машины) Сурен зашел в шестигранную прозрачную ограду пресноводного бассейна, с наслаждением разделся и окунулся. Вместо платы опять-таки сунул в щель карточку постояльца: компьютер отеля прибавит, что следует, к счету... Как раз напротив бассейна у обочины стояла полицейская машина, и черный «орикс» медленно проехал мимо.

До конца перерыва оставалось еще минут сорок... Акопян повертелся под струями теплого воздуха, выпил

стаканчик ледяного сока папайи, оделся и, уже собираясь садиться в машину, заметил метрах в тридцати от бассейна, возле самого прибора, будто слепленный из цветных леденцов павильон игровых автоматов. Он так и переливался на солнце. Пляж был малолюдн, редкие отдыхающие героически загорали на матрацах с названиями гостиниц или дремали в шезлонгах под тентами; очевидно, павильон тоже пустовал.

Бортинженер, человек подвижного и пытливого ума, любил играть с механическими партнерами. Ему нравилось противопоставлять свою ловкость, смекалку, сообразительность скучному педантизму машины, ее безмозглому упорству и удручающей повторяемости реакций. Он считал, что любой автомат, даже компьютер, можно обыграть — и, как ни странно, всегда оставался в выигрыше. То ли действительно «армянская хитрость» оказывалась сильнее машинных программ; то ли (по мнению некоторых близких к Акопяну людей, в частности, жены) просто в присутствии Сурена разлаживались тонкие механизмы. Такое уж у человека биополе...

Он вошел в павильон. В самом деле ни души. Изменились «однорукие бандиты» * за последние тридцать лет, со времен Суреновой юности. Хотя и такие же размалеванные, и так же мигают елочными огнями бесчисленных лампочек, только тематика другая. Исчезли «звездные войны», «ракетные атаки» и тому подобные военные сюжеты. На их место пришли игры не менее захватывающие, однако вполне мирные: «космолет в метеоритном рое» (расстреливай на здоровье, только не вражеские танки или самолеты, а блуждающие в пространстве глыбы!), «точная стыковка», «планетоход в марсианских ущельях»... Знамение времени! Здесь было то же самое. Сурен огляделся в поисках чего-либо необычного... и остолбенел.

Перед ним было нечто вроде телевизора с объемным изображением. Сумрачное звездное небо, на четверть за-

* Жаргонное американское название игровых автоматов.

нятое пятнистым диском багровой планеты; стена хмурых коричневых скал, пробитая удивительно правильным отверстием; нависающий скальный козырек... Да это же Фобос! «Его» тоннель! Все воспроизведено до мелочей по кадрам из видеофильма... Интересно: пошла ли эта электронная игра по Америке сразу после возвращения «Вихря», когда знаменитую пленку смотрел на телеэкранах весь мир, или ее придумали в Майами только сейчас, в связи с приездом советской делегации на конгресс? С них станется, бизнесмены — ребята оперативные...

О, вот и фигурка в скафандре на каменной осыпи! Ростом с палец, но на личике видны черные усы... Живой Акоюн невольно развеселился, глядя на свою микрокопию. А каковы правила игры?..

Сурен, с грехом пополам понимавший английский, прочел под экраном: «Вы можете стать обладателем главной тайны Солнечной системы — загадки галактических бродяг, посетивших в незапамятные времена спутник Марса Фобос. Что скрывает искусственная пещера? Кроме того, вас ждет приз в 1000 долларов». Рядом находился наборный диск с цифрами и буквами — как на старинном телефоне — и рычаг, поворачивавшийся в любую сторону.

Изучив правила, бортинженер бросил в манетоприемник двадцать центов (карточка отеля тут была бесполезна), и над равниной Фобоса зажглась надпись «Игра». С помощью рычага Сурен «оживил» фигурку космонавта, заставил ее вскарабкаться на стену и войти в отверстие. Сразу же внутри скалы высветился очень натуральный ход с перилами. Акоюн ввел «себя» в тоннель, затем в глухую кубическую комнату. Теперь, если он правильно наберёт на диске комбинацию из семи цифр и пяти букв, — можно будет проникнуть дальше, узнать «главную тайну Солнечной системы» и заодно огрести тысячу долларов. Но шанс на удачу — один из

миллионов. Игра чисто вероятностная, здесь не помогут ни ловкость, ни терпение...

Он начал набирать комбинацию...

Человеку трудно справиться со слепой и капризной вероятностью. Для этого надо быть по крайней мере столь же «случайным» и непредсказуемым в поступках. Случайность, помноженная на случайность, дает подчас хороший результат. Однако в любое свое действие мы неизбежно вкладываем смысл. Хотя бы условный. Набирая цифры и буквы, Акопян невольно сочетал в одном ряду свой возраст... любимое число 4... магическую семерку... затем инициалы жены, начальную букву имени сына... «Чистой» случайности не получилось. Погасла надпись «Игра», закрылся таинственный ход, куколка в скафандре вернулась на свое место — ожидать более счастливого игрока...

Сурен глянул на часы. Времени еще хватало — машина доставила бы бортинженера во «Флориду» за десять минут. Двадцатицентовик был последний — он отдал всю мелочь детям в бедном квартале, — а бумажные деньги автомат не разменивал. Надо было идти к хозяину.

Из-за малолюдья тот даже не выходил к конторке, а дремал в своей комнате — крепкий веснушчатый молодец ирландского типа, не обременявший мускулистое тело ничем, кроме шорт, сандалий и легкой шляпы. Под его рукой лежал на столике выносной пульт маленького телевизора, с кнопками и клавишами. Сам телевизор стоял на тумбочке напротив; показывали б-лет. Мухи вились над открытой банкой пива. Акопяну пришлось в голову, что владелец автомата «Фобос» должен узнать оригинал своего малютки-манекена, но молодец и ухом не повел...

В то самое мгновение, когда Сурен переступал порог подсобки, рядом с павильоном бесшумно остановился на плотном влажном песке черный «орикс». Джек-Тэдди дождался-таки, пока уберется полицейский патруль. Те-

перь ничто не мешало выполнению задания: пляжники, как это водится в благословенной Америке, при первом выстреле либо разбегутся, либо сделают вид, что ничего не замечают...

— Хелло, — сказал Акопян. — Можно разменять?

— Деньги в ящике, — не слишком приветливо откликнулся хозяин и кивнул в сторону металлической коробки, стоявшей рядом с пивом.

Сурен бросил долларовую бумажку в одно отделение ящика, где было полно купюр разного достоинства; извлек из другого отделения пять новеньких монет, показал их сонному молодцу; тот едва глянул...

Акопян успел подумать, что, по-видимому, газетные сведения о высоком уровне преступности в Штатах и частных грабежах изрядно преувеличены: иначе хозяин вряд ли держал бы так открыто разменную кассу. В следующую секунду из-за тонкой перегородки раздалась решительные шаги нескольких мужчин. Новые посетители быстро и слаженно разошлись по залу автоматов, словно чего-то ища; один из них выругался, другой торопливо сказал: «Вон там». Зевнув, молодец в шортах нажал кнопку на пульте, и вместо отчаянно вихлявших бедрами негритянских танцовщиц телевизор вдруг показал внутренность павильона. Четыре человека стояли перед дверью подсобки; судя по угрожающим позам, они готовились к вторжению. Двое из них, в том числе похожий на японца (Сурену показалось знакомым его лицо), держали перед собой широкоствольные пистолеты-усыпители.

Бортинженер даже не успел как следует испугаться. Реакция хозяина была удивительно быстрой — куда девалась ленивая дремота! Крикнув посетителю «Ложись!», он сам повалился головой вперед с кресла, одновременно нажимая еще что-то на пульте. Экран телевизора мгновенно заволокли клубы белого дыма. За дверью отчаянно кричали, кашляли; ударил выстрел и, кажется, не из усыпителя. Лежа, Акопян увидел, как

тоненькой струйкой хлестнул волокнистый дым сквозь перегородку: пуля нарушила герметизацию. Он ощутил сладкий, тошнотворный запах газа. Хозяин был уже на ногах и залепливал пулевое отверстие какой-то, очевидно, заранее приготовленной массой. Нападающие утихли. Сквозь туман на экране были видны поверженные, странно вывернутые тела.

Пока к павильону подъехала полиция (это заняло не более трех минут), хозяин успел познакомиться с Суреном. Попав в передрыгу вместе с посетителем, владелец «одноруких бандитов» невольно проникся к нему дружескими чувствами. Звали хитроумного молодца Майкл Донован. Его павильон был известен на курорте своими оригинальными автоматами, в том числе и «Фобосом». Выручка была действительно неплохой, слухи еще преувеличивали ее. Оттого Майкла грабили чаще, чем его коллег-конкурентов. Недавно он полностью перестроил свое «предприятие», соорудив вот эту леденцовую игрушку — герметическую, со скрытыми телекамерами и запасом усыпляющего газа, такого же, как в самолетах.

Сурен, не подозревавший, что ему повезло третий раз за день, изумлялся мастерству Донована, пил маленькими глотками холодное «пепси», которым тот угостил нового друга; потом, когда универсально обученные «патролмены» в противогазах выдули с помощью особой вентиляторной пушки остатки отравы из помещения, помогал перетаскивать уснувших гангстеров и складывать их в микроавтобус. Пришлось выдержать небольшой, вполне корректный допрос и расписаться в протоколе. Вся эта история была для полицейских чем-то вполне будничным и незначительным, вроде уличной драки или карманной кражи. Майкл тоже не переживал, не возмущался, а спокойно налаживал заново свою «оборону», заряжал скрытые газометы. Патруль отбыл, пожелав всего хорошего; хозяин предложил Сурену пива за счет заведения... И только тогда

Акопян вдруг вспомнил о конгрессе, спохватился, посмотрел на часы... К началу он, разумеется, опоздал, но больше задерживаться было невозможно: Волновой уже наверняка поднял тревогу.

Провожая гостя к машине, Майкл сказал:

— Приходите сегодня вечером, после вашей говорильни. Я вам, так и быть, кое-что объясню, и вы еще раз попытаетесь справиться с «Фобосом». В конце концов было бы несправедливо, если бы сам Акопян (он произносил «Эйкопиен»), не выиграл приз у автомата, сделанного в его честь...

— Э-э, я не люблю... как его... поддавки!

Последнее слово Сурен сказал по-русски, но сделал такой выразительный жест, что Майкл понял и возразил:

— Игра будет вполне честная, не беспокойтесь. Просто я немного облегчу вам поиск решения. Если не справитесь, тысячу долларов все равно не подарю... — Донован лукаво подмигнул. — А если выиграете, я приобрету больше, чем потеряю! Вечером здесь будет полно народу. Во-первых, всё увидят, что на «Фобосе» играет сам первооткрыватель — это создаст мне рекламу. Во-вторых, убедятся, что я действительно плачу за выигрыш, если набрать правильную комбинацию...

— Ну вы настоящий янки! — не то похвалил, не то поддел его Сурен; Майкл ответил нечто малопонятное по звучанию, но совершенно ясное по интонации: «На том стоим!»

...Заседание после перерыва провели в таком же деловом и оперативном духе, как утреннее. Выступающие говорили сжато, по сути. Все знали: их «слушают» компьютеры логического анализа и прямо по ходу докладов и прений, «в реальном масштабе времени» делают выводы, отделяют зерно от шелухи. Давно уже после ученых форумов не выходили увесистые тома «материа-

лов»: машины давали экстракт, а он занимал считанные страницы. Среди молодежи считалось хорошим тоном составить выступление так, чтобы компьютер почти ничего из него не выбросил. Лишь отдельные чудаки-ретрограды издавали за свой счет фолианты старого образца, с полным изложением всех дискуссий, расшаркиваний или словесных драк с оппонентом. Но это было всего-навсего самоутешением. Ученый мир принимал в расчет только экстракты. Машины, одинаково равнодушно относившиеся к мировой знаменитости и к желторотому студенту, различали говоривших не по титулам, а по интонационным характеристикам. Короткие, как военный рапорт, сводки выявляли истинную ценность докладов. В компьютерном изложении нередко какой-нибудь Нобелевский лауреат выглядел недоучкой рядом с провинциальным магистром. Бывали и вовсе позорные результаты. Например, машина печатала следующее: «В выступлении, продолжавшемся 32 минуты 47 секунд, профессор Икс дал развернутую справку по истории вопроса, не коснувшись сути». И все...

Итак, заседание прошло своим чередом. Представители Японии показали изящнейшего, с крысу размером, микроробота, предназначенного для гигиенического ухода за жилым помещением корабля или станции. Пущенная на сцену, «крыса» насмешила всех крайней суетливостью, а также тем, с каким паническим стрекотом и миганием огоньков она высушила специально пролитую воду и подобрала хлебные крошки... Космические медики Пакистана привезли на конгресс удивительное устройство, позволявшее делать сложные хирургические операции в невесомости; и даже Ямайка, не имевшая своего космофлота, но активно участвовавшая в совместных программах, изготовила некие пилюли на основе традиционных народных средств, возвращавшие бодрость после перегрузок. Акопьян, да и прочие члены делегации только на этом конгрессе вполне ощутили, какое интересное на Земле стоит время: «летают» чуть

ли не все страны! Бразилия строит самые большие в мире орбитальные энергостанции, Индия вместе с Австрией налаживают переброску ледяных астероидов в безводные районы Земли, а космонавт, впервые ступивший на спутник Юпитера Ио, оказался родом из Республики Вануату... Как все-таки преобразило мир благословенное разоружение! У этого почтенного африканца, вещающего с трибуны конгресса о достижениях внеземной вирусологии, докторское звание и два месяца собственного «налета» в космосе — а на щеках ритуальные надрезы, обозначающие положение в племени...

Несколько раз конференц-зал озарялся мягким, но мощным светом из скрытых источников. В соседнем помещении работали фотокорреспонденты. Они могли не входить в зал, чтобы сделать снимки, — изображение передавалось через видеоканалы. Телекамеры, похожие на любопытных птиц, вертели головами, пристроившись на карнизах и ступенях, в специальных нишах...

Наконец председательствующий объявил тему завтрашней встречи — гипноз и психотерапия в космонавтике — и закрыл заседание. Только тогда, вместе с товарищами перебравшись в кафе, Акопян сумел рассказать им о случае в игровом павильоне. Тарханов возмутился бездеятельностью полиции: «И это при их техническом оснащении», — Марина просто испугалась и заявила, что ждет не дождется, когда все они окажутся за пределами «этой проклятой бандитской страны», Волновой усмехнулся многозначительно и мрачно, а затем спросил:

— Ты уверен, что это была именно попытка ограбления?

— Хозяин говорит, что не в первый раз!

— Совпадение уж больно странное... — пробормотал Игорь Петрович и больше на эту тему не распространялся, зато Семен не упустил случая объявить:

— У комиссара Мегрэ рождалась новая версия...

Они выпили кофе с сэндвичами, после чего Сурен

снова взбудоражил всех, заявив, что приглашен хозяином павильона на вечер — сыграть еще раз.

— Ну это я тебе просто запрещаю! — отрубил Волновой.

— Вроде бы взрослый человек... — удивилась Марина.

Тарханов жестко уточнил:

— Лечение тут дорогонькое, нехорошо разорять родное посольство!..

— Да ничего не будет! — уговаривал бортинженер, в котором выиграл азарт, достойный пушкинского Германа. — Во-первых, снаряд дважды в одну воронку не попадает. Во-вторых, там сейчас полно народу: Майкл собирается обставить мою игру, как рекламное шоу. А в-третьих, я буду не один: приглашаю всех присутствовать при моем триумфе!

— Уже и триумфе, — проворчал Волновой: было видно, что он сдается. Тем более главу делегации не мог не заинтересовать автомат, воспроизводящий сцену на Фобосе...

Майкл не обманул. Когда электромобиль подкатил к павильону, там волновалась изрядная толпа. Солнце зашло по-южному быстро, наступил теплый бархатный мрак. Вся громадная дуга побережья искрилась белым огнем, затмевавшим звезды; на рейде двигались грозди светячков, оттуда долетала музыка: сияли нарядные пляжные кафе, бары, «кабинки для влюбленных», — но самым ярким пятном был этот залитый светом прожекторов песчаный «пяточок» перед павильоном. Осветительную аппаратуру притащило телевидение. Камеры включились сразу после того, как машина с советскими делегатами пересекла границу освещенного пространства. Засверкали «блицы» фотокоров. Марина улыбалась точно кинозвезда, благо зубы у нее были собственные, белые и ровные.

Их встретил Майкл Донован, надевший ради торжественного случая бессмертный костюм ковбоя: серый

«стетсон», кожаный жилет со звездой шерифа, широкий пояс о двух кобурах — бог знает, настоящие ли в них были кольца, ведь детские игрушки в США не отличались от подлинного оружия... Публика в купальных костюмах, порою сведенных до лоскутка ткани или нити жемчуга на бедрах, вела себя бурно. По дороге от машины до павильона нашим героям пришлось пожать с полсотни рук, вытерпеть чуть меньшее количество объятий и поцелуев. Когда они переступили порог зала автоматов, на подбородке Тарханова блеснул жирный отпечаток губ, крашенных зеленой помадой. Цветное телевидение мигом запечатлело эту диковинку, оператор вплотную «наехал» объективом...

Когда поутихло первое изумление трех спутников Акопьяна перед объемным пейзажем Фобоса и забавной фигуркой бортинженера в скафандре, Сурен решительно взялся за дело... Встал перед панелью, приготовил двадцатицентовик... Майкл пристроился рядом, как будто объясняя правила игры, и прошептал в самое ухо:

— Старайтесь не думать ни о чем постороннем. Только о том, чтобы пещера открылась! Не вкладывайте в цифровую комбинацию никакого смысла — набирайте наугад. Если вам захочется при этом набрать определенные цифры — неизвестно почему, но захочется именно такие, а не другие, подчиняйтесь...

— Ладно, — сказал Сурен. — С богом, начали!

Монета провалилась в щель, Акопьян взялся за рычаг, Майкл отошел, освобождая место: зрители также потеснились, отодвигаясь. Крошечный «двойник» игрока плавно взлетел ко входу в тоннель. Сурен задумался, поджав губу... и быстро завертел диск. Огненные знаки набираемого сочетания один за другим возникали в «звездном небе»... и погасли вместе с надписью «Игра». Тайна не открылась. Акопьян утер пот со лба.

— Смелее... — зашептал в ухо Майкл. — Думать только о том, что там, за стеной! Ну, еще раз...

«А в самом деле, — невольно подумал Сурен, бро-

сая монетку, — что мы увидим, если сумеем взломать эту чертову броню? Машинное отделение корабля? Хранилище информации? Их — мертвых, застывших? Как-то все по-земному... Не вырваться из привычного круга! А как себе представляет «загадку Фобоса» Майкл? Сумел ли он придумать что-нибудь оригинальное? Интересно, что он спрятал внутри макета скалы? Вот было бы смешно, если бы американец оказался прав и мы когда-нибудь на Фобосе раскопали то же самое...»

Фигурка космонавта, пройдя через тоннель с перилами, уткнулась в глухую стену...

Неожиданно словно некая преграда лопнула в душе Акопьяна: исчезла неуверенность, и он смело потянулся к диску. Бортинженер не представлял заранее, какую комбинацию наберет, но, кажется, это знала его рука!

Щелк, щелк, щелк... Цифры, цифры, буквы: вспыхивает длинная строка, и вдруг — о чудо! Автомат играет бравурный марш: среди звезд загорается ярко-зеленая, сыплющая искрами надпись: «Выигрыш». Стена разъезжается в две стороны: через цель брызжет слепящий свет... Там — золото, алмазы, груды драгоценностей; пещера из арабской сказки, убранная коврами! Эффектная, но наивная выдумка коммерсанта. И ее реальное воплощение: отскакивает никелированная крышка на передней панели автомата: в маленьком ярко-алом боксе лежит пачка купюр.

— Не возбраняется? — шутливо спросил Сурен у Игоря Петровича.

— Честно выиграл — бери! — ответил несколько ошарашенный Волновой. Он не ожидал такого результата.

— На всех! — решил Акопьян и тут же, при бешеных аплодисментах и чисто американском оглушительном свисте зрителей, разделил пачку на четыре равных части...

Обменявшись крепкими рукопожатиями с Майклом, делегаты вернулись к машине. Блицы полыхали, будто

безоблачной ночью на пляже разыгралась крохотная гроза. Часть народа, и весьма немалая, осталась в павильоне — попытать счастья на «Фобосе» или у других «одноруких бандитов». Было ясно, что уже в этот вечер хозяин вернет изрядную долю потерянной тысячи. Прочая публика спешила рассеяться по своим машинам. Быстрее всех свернулось телевидение. Тридцатью годами раньше заревели бы, оскорбляя вечерний покой, бензиновые моторы, и живительный морской воздух отступил бы перед вонючей гарью. Сейчас лишь легонько загудели отлаженные электродвигатели, и машины снялись с мест. Целая колонна устремилаь от берега к шоссе. К удивлению троих делегатов (кроме Волнового, воспринявшего это весьма спокойно), вывернувшись из темноты, бок о бок с их машиной пошел мощный полицейский электромобиль. С его крышки смотрела внушительная раструбом газовая пушка.

— Это еще зачем? — подозрительно спросил Тарханов. — Твоя работа?

— Моя, — как ни в чем не бывало ответил глава делегации. — Я связывался с нашим посольством... Он и сюда ехал за нами, просто вы не заметили.

— Ты безнадежен, — любезно сообщил Семен. — За тебя уже не возьмется ни один психиатр!

Марина прыснула в ладонь, а Сурен задумался, вспоминая утренние события.

На городских улицах кортеж стал рассеиваться: «болельщики» Акопяна уезжали, помахав на прощание и крикнув что-нибудь приветливое. Только тупорылый лакированный броневик провожал до самой гостиницы. При въезде на транспортную площадку он повел перед собой лучом прожектора. Зоркая Марина могла бы поклясться, что какие-то фигуры шарахнулись от аккумуляторной колонки. Очевидно, их заметила и полиция, поскольку дверь броневика открылась и выпустила троих здоровяков. Их руки многозначительно лежали на

кобурах. Не без удалства козырнув своим «подопечным», парни тронулись вместе с ними к отелю.

— Господи, боже мой, доживу ли я до завтра! — шептала Марина, и пальцы ее, дрожа мелкой дрожью, вцеплялись в локоть Семена. — Когда мы наконец уберемся отсюда?!

Входя под козырек «Флориды», один из полицейских углядел некую подвижную тень на краю просторного навеса. Он тут же расставил ноги для упора и невозмутимо, как в тире, поднял пистолет. И безликий стрелок, притаившийся над входом, убрался, поскольку не желал вступать в поединок...

Глава VII

НЕБОЛЬШАЯ ПОДВОДНАЯ ПРОГУЛКА

Впервые за трое суток спокойно спала Марина Стрижова. И не в гостиничной постели, сделанной, по последнему слову техники, из совершенно не «мокрой» синтетической пены, подогретой и душистой. Спала Марина в самолетном кресле, тоже достаточно широком и удобном, поскольку велики и просторны были последние лайнеры Аэрофлота, и незачем в них было экономить место. Да, обойдемся без дирижаблей! Три часа лету — и Москва. И какое счастье, что этот самолет — наш самолет, и никаких жутких детективных сюрпризов на нем не приходится опасаться, и никем другим не обернется эта круглолицая стюардесса с веснушками, которой так пошел бы классический русский сарафан!..

Другие делегаты не спали — Волновой, по обыкновению, читал с карандашом какие-то тексты, Тарханов с Акопяном играли в электронную мозаику, — но и они наслаждались дивным покоем. Близилась ночь, и громадным бледным сиянием лежал на лиловой воде уда-

ляющийся американский берег. Будто там раскинулся ледяной щит, вроде антарктического...

А между тем день прошел насыщенно. Советская делегация записала в блокноты и на карманные видеомагнитофоны немало интересного. Поступали по совету Волнового — больше слушали, меньше говорили. Заседание, как известно, было посвящено гипнозу и психотерапии. Игорь Петрович на своем почти безукоризненном английском языке («Он слишком академичен для Штатов, поезжайте в Лондон!» — смеялся Хартманн) сделал короткий и внушительный обзор. Он подчеркнул, что, может быть, ни в одной из национальных космических служб гипнометоды не применяются так широко, как в советской. Вообще после столетнего по меньшей мере периода, когда гипноз был пасынком медицины, применялся редко и лишь по желанию отдельных энтузиастов, наступала эпоха расцвета всех видов суггестии*. Благодаря развитию электронных средств анализа и контроля гипноз перестал быть вотчиной мистиков и эстрадных «чародеев». С него окончательно сняли ярлыки шарлатанства и трюкачества, его больше не ставили рядом со спиритизмом и черной магией, и даже районные поликлиники обзавелись гипнотариями. Что уж говорить о космонавтике, которая точно губка всегда впитывает самые передовые идеи из разных областей! Игорь Петрович под взволнованное гудение слушателей рассказывал о том, как применяются во время тренировок на Земле и полетов на орбитальных станциях кассеты, наговоренные опытными гипнодикторами: как люди, месяцами находящиеся вне родной планеты, с помощью внушения «купаются в море», «собирают грибы»... Он напомнил также об экстренном и весьма успешном применении психической «обороны» во время диверсии на астероиде, ставшем спутником Земли, базой для лабораторий и заводов. Это был не только гип-

* Суггестия — внушение.

ноз, но и его, так сказать, следующая качественная ступень — внушение, производимое не словами или жестами, а непосредственно через биополе... Работу экипажа пытались парализовать с помощью «кольцевых волн» биоизлучений. Живые излучатели — ни о чем не подозревавшие колонисты — были тайно запрограммированы в клиниках мафии «космоборцев». Преступники разбудили в подсознании будущих источников «волны» тайные, порою еще детские страхи — фобии. И вот из нескольких центров стали расходиться по астероиду подавленность, озлобление, паника... Работам грозил срыв. Но после того как под «руководством хитроумного Тарханова были выявлены и изолированы все источники, Стрижова отобрала семерых колонистов, им гипнотически внушили программу «антифобий», то есть ощущения веселья и бодрости, и от семи новых центров пошло излучение с обратным знаком, неся радость, излечивая пораженных, возвращая всему поселку нормальное рабочее состояние... «Впрочем, эта область нами пока исследована мало, и мы на ней не будем подробно останавливаться», — скромно заключил Волновой. (Марина, все время укрупнявшая отдельные участки зала с помощью маленького телеприемника, встроенного в спинку переднего кресла, была готова поклясться, что некоторые слушатели, особенно пожилые, переглянулись не без значения. Лет тридцать назад еще тратились бешеные деньги на разработку «телепатического» и даже «телекинетического» оружия. Кое у кого явно вызвал тревогу успех Советского Союза на этом непроторенном пути... Но, может быть, Марине все просто примерещилось — настрашал Волновой, изнервничалась сама из-за вчерашних гангстерских историй?..

Затем Игорь Петрович призвал вернуться к «классическому» гипнозу, правда, в необычном применении. Гипнорепродукция! Торжественно подняв правую руку, руководитель делегации точно-цирковую звезду вызвал на трибуну Сурена Акопяна. А когда тот проходил ми-

мо, Волновой на миг жестко прищурился: мол, помни, о чем тебя предупреждали... И Сурен выдержал, несмотря на то, что его так и подмывало раззвонить на весь свет (блицы, микрофоны, телекамеры!) о потрясающей находке на Фобосе. Но в этом разделе доклада он не пошел дальше гладких формулировок, давным-давно использованных прессой. Зато довольно пространно со многими специальными терминами, позаимствованными у Семена, описывал подробности репродукции, своих ощущений. У слушателей создалось ощущение, что эксперимент был поставлен ради сугубо медицинских результатов, а то, что воспроизводили именно поход Акопьяна по Фобосу, было чуть ли не случайностью... Волновой остался доволен.

Оказалось, что гипнорепродукцией, особенно на поприще космонавтики, занимаются не только в Союзе. Так было восстановлено недавнее трагическое столкновение австралийской почтовой ракеты с плавающим топливным баком заправочного комплекса «РС-Вест». Канадцы тренировали с помощью гипноза орбитальных спасателей и монтажников, в профилакториях космического центра Аргентины гипнотизеры ускоряли реадaptацию прилетевших, и так далее, и так далее...

Одним словом, последний день в Америке прошел вполне спокойно и ощущения принес только приятные. То ли отказались неведомые зложелатели от своих планов, поскольку выступление русских на конгрессе все равно состоялось, то ли подействовала тревога, поднятая Волновым через советское посольство, и «президентская команда» по-настоящему охраняла делегацию... Как и предполагал вашингтонский чиновник в суперсекретной беседе с нью-йоркским «фермером», — международный форум окончился подписанием соглашения. Отныне Советский Союз, США, Канада и еще несколько стран обязывались делиться друг с другом всеми новшествами космической медицины и вести совместные исследования. Прав был ушлый администратор — сторон-

ник «решительной» политики прежних времен — и в другом своем предположении.

После торжественного скрепления «главной бумаги» старина Хартманн отвез советских делегатов в некий весьма уютный бар, где познакомил с полным пожилым джентльменом, похожим на отставного боксера-профессионала. Джентльмен, говоривший хриплым басом и пересыпавший речь жаргонными словечками, оказался ведущим конструктором из НАСА. Его не ввели в заблуждение словесные узоры Акопяна. Он прекрасно понял, с какой целью была проделана гипнорепродукция. И теперь без околичностей, с истинно американской грубоватой прямоотой, предложил «сколотить эскадру под двумя флагами» и «вместе двинуть» к Фобосу. «Наших тузов мы берем на себя», — заявил конструктор, сие должно было обозначать, что он и его коллеги намерены провести идею совместного полета через высшее руководство НАСА...

А после обеда в гостиницу появился владелец игрового павильона, Майкл Донован, и пригласил новых друзей на морскую прогулку. Время позволяло — лайнер отлетал вечером. К общему удивлению, Игорь Петрович не стал спорить. Сам не поехал, сел за дисплейное устройство: «Мне тут надо еще порыться в парочке информбанков», — но прочих отпустил охотно. Наверное, были у Волнового основания верить в их безопасность...

А прогулка весьма занятная. Оказывается, Майкл располагал собственным суденышком, похожим на толстую камбалу и герметически закрытым со всех сторон. Под брюхом у «камбалы» был пластмассовый бак. Лодка легко могла становиться подводной. Сначала гости устроились в креслах на круглой огражденной палубе, и Донован покатал их по зеленому безмятежному морю, которое одно могло выветрить всякую память о том, что есть в мире зло и жестокость. Да неужели кто-то и впрямь таскает в карманах пистолеты-усыпители или носит еще более грозное оружие, если мир так прекра-

сен?.. Сделав круг по просторам бухты, где ветерок гнал мелкую рябь и вода от нее вдруг бралась свинцово-синим налетом, Майкл повел лодку в сторону Майами-Бич. За бахромой пальм, в массе тяжелой зелени прятались белые строения. Виднелось что-то, похожее на мавританский дворец со стрельчатыми арками и куполами; а рядом покрытый изморозью белоснежный куб...

Там стояли у пирсов самые роскошные катера и яхты. Земной рай, город миллионеров... Было странно и жутко представлять себе, что, может быть, один из владельцев этих вилл и яхт платит людям, еще вчера собиравшимся убить или похитить советских делегатов. Действительно, другой мир — уродливый, вывернутый наизнанку... Хорошо, что и в нем вырастают такие честные и веселые парни, как Майкл. Лучшее в человеке неистребимо.

«Камбала» описала пенную спираль и вернулась поближе к городу. Владелец предложил всем спуститься в салон. Гости заняли удобные мягкие сиденья возле иллюминаторов с массивными стеклами. Вверху автоматика со скрежетом задрала люк, под ногами зажурчала вода, устремляясь в резервуар. Еще несколько секунд, и бирюзовая, пронизанная солнцем глубина поглотила судно... Сидя за пультом в маленькой рубке, являвшейся, по сути, продолжением салона, Майкл непринужденно болтал с пассажирами. Сначала в окнах не было видно ничего, кроме синеющих по мере спуска масс воды и колышущихся солнечных столбов, пересекаемых стайками рыбьей мелочи. Затем медленно выплыл из мглы, овеществился покатым склоном. Течения колыхали сплошную чашу коричневых водорослей. Лодка обошла нагромождение крупных глыб, и в иллюминатор вдруг ударил тонкий луч фонаря.

По склону бродили люди. Человек десять-двенадцать в легких гидрокостюмах, с ножами и фонариками в руках. Судя по росту и по быстрым, суетливым движениям

ям, среди них было трое детей. Дети гонялись друг за другом в шевелящихся зарослях, пытались ловить пестрых рыбин — будто бабочек на лугу. У пояса взрослых висели прозрачные мешки. Время от времени кто-нибудь из них нагибался и подбирал раковину или камень, иногда приходилось пускать в ход нож, так крепко прирастали к скалам морские жители. Один из безликих аквалангистов взобрался на глыбу и заснял панораму маленьким видеоаппаратом, в том числе и лодку Майкла.

Высоко вверх, в маслянистом кипении волн, дирижаблем висела сигара днища. То был, видимо, катер, сбросивший водолазную компанию.

— Эх, было бы у нас больше времени!.. — с завистью протянул Акопян.

— Пожалуйста, — любезно откликнулся Донован. — Костюмы у меня имеются, и как раз три штуки.

— Да нет уж, спасибо, пора возвращаться...

Неожиданно Марина вскрикнула. Сразу став центром всей подводной картины и разрушив ее почти театральную, зыбкую условность, откуда-то по диагонали соскользнула громадная, подлиннее человека, точно из фарфора вылитая рыба. Шкура ее, серо-голубая в муаровых пятнах, была до странности гладкой. Акула неторопливо поплыла над самым дном. Ротовая щель, уходившая далеко за глаза, придавала рыбьей морде вполне осмысленное выражение сарказма. На людей она не обращала ни малейшего внимания, как, впрочем, и они на нее. А между тем акула охотилась. Вот, углядев жирного, во все лопатки улепетывавшего тунца, неторопливо перевернулась на спину, щелкнула челюстями... Брюхо сверкнуло гадкой, мертвенной белизной. Человек с видеокамерой плыл-бежал длинными заторможенными прыжками, стараясь подобраться поближе.

— Химическая защита, что ли? — недоумевал Семен.

— Нет, — ответил Майкл. — В данном случае — просто привычка. Если акула подходит к человеку бли-

же, чем на два метра, — она натывается на ультразвуковой барьер. Источник ультразвука есть на каждом гидрокостюме. Частота подобрана как раз такая, чтобы акулу как следует трянуло. Тут они все битые. Разве что акуленок сдуру полезет к аквалангисту. Но и это все реже случается. Наверное, родители объясняют: этих здоровенных лягушек не трожь!..

Акопян, всегда интересовавшийся технической стороной дела, спросил:

— На какое время рассчитан воздушный запас гидрокостюма?

— На восемь часов.

— И весь этот период работает система противоакульей защиты? Где же аквалангист берет столько энергии?..

— Нет, что вы! Барьер включает сама акула.

— Фотоэлемент, что ли?

— Бог с вами, фотоэлемент не отличит акулу от скалы, он срабатывал бы поминутно. Нет. Там стоит маленький приемник биоволн, настроенный только на акульи импульсы.

— Ого! — сказал Тарханов, отворачиваясь от иллюминатора. — Жаль, что об этом не было разговора на конгрессе. Мы тоже ставим опыты с приемом и передачей биосигналов, но пока что до бытовых устройств вроде вашего барьера нам далеко... — Тарханов фыркнул, помотал головой. — Вообще забавно получается! Еще десять лет назад спорили о физической природе биополя — что оно такое: радиоволны, инфракрасные лучи или что-нибудь вовсе мистическое... Не успеешь прийти к общему решению, и уже на тебе: искусственная биорадиация! Нет, обскакали вы нас, чего греха таить...

— Бросьте, док, — скромно сказал Майкл. — Вы же сами рассказывали про ту историю на астероиде — «кольцевая волна», антифобии.

— Ну, это не аппаратурный путь, а просто использование механизма природного явления, — вмешалась

Марина. — В космической пустоте биоволны распространяются беспрепятственно, и чужой организм улавливает их сам, без всяких приборов... А здесь — нечто совершенно иное! Более высокая ступень: надежно работающий портативный уловитель, доступный каждому...

— В земных условиях, — ввернул Тарханов.

— Вот именно! В условиях страшной биоэнергетической «засоренности» атмосферы, сплошных помех...

— Между нашей «антиволной» на астероиде и этим приборчиком такая же разница, как между случайно пойманной шаровой молнией и дешевым автомобильным аккумулятором, ясно? — добавил Сурен.

— Интересно, кто автор конструкции? Где бы узнать?.. — задумчиво спросил Тарханов, снова погружаясь взглядом в толщу природных вод.

— Да ну, какое это имеет значение... — пробормотал Донован, делая вид, что он очень занят манипуляциями на панели управления. Судя по карте курсографа, теперь «камбала» повторяла линию берега, глубиномер показывал подъем.

— Эге, — сказал, прищуриваясь, Акопян. — Кажется, мне кое-что становится понятным. В том числе и со вчерашним жульничеством, которое принесло мне тысячу долларов... — Майкл увел голову в плечи. Сурен был неумолим. — Ну-ка, Майкл, выкладывайте все начистоту, иначе мы вам устроим допрос с пристрастием — все-таки трое против одного!..

Марина и Семен непонимающе переглянулись.

После долгого молчания Донован нехотя сказал:

— Ладно. Здесь поблизости есть плавучий ресторан. Если у вас имеется еще полчаса, предлагаю выпить по коктейлю и поговорить в спокойной обстановке. Все равно ведь не отстанете...

— Не отстану, — подтвердил Акопян...

Плавучий ресторан, размалеванный по белому самыми яркими красками (светящимися ночью, как объяснил Майкл), имел форму спасательного круга. К его

внешнему краю, со свисающими дугами каната и трапами, причаливали суда. Внутри плескались купальщики и валял дурака клоун в надувном костюме диснеевского пса Плуто. Посетители сидели под пестрыми зонтиками, по кольцевой дорожке сновали никелированные тележки-роботы с подносами.

Пассажиры «камбалы», не столь давно обедавшие, заказали только по легкому коктейлю. Тележка, выслушав заказ, резво укатилась и вскоре прибыла, везя высокие тонкие стаканы с радужным многослойным напитком.

Майкл рассказал историю, достаточно банальную для американца. Оказывается, Донован, сын инженера-электронщика из Сент-Питерсберга, менее всего желал стать владельцем игровых автоматов, мелким предпринимателем. С детства копался в запутанном нутре сложнейших приборов: овладел приемами пайки под микроскопом, кажется, раньше, чем толком научился читать. Никем, кроме конструктора электронных систем для космоса, Майкл себя не мыслил. В то время подавляющее большинство тонких приборов уже шло на мирные нужды — сказывались последствия разоружения. Юный Донован еще в школьные годы отличался на разных конкурсах, предлагая оригинальные модели дверного замка с фотоэлементом, который «узнавал» хозяина, или, скажем, сковороды, «знавшей» срок приготовления разных блюд и отчаянно свистевшей, если ее содержимое начинало подгорать. Однажды он стал победителем всеамериканского соревнования юных приборостроителей в Вашингтоне. Но даже это не помогло Майклу профессионально заняться любимым делом. Семью постигло несчастье — потерял работу отец. Гордый и самолюбивый, он наотрез отказался занять случайно подвернувшиеся вакансии — бухгалтера, продавца-консультанта в магазине радиотоваров, наладчика диспетчерского пульта в аэропорту. Все это были довольно близкие к основной специальности, но «нетворческие»

занятия. Не желая изменять своим убеждениям, мистер Донован прожил некоторое время на пособие по безработице.

Биржа труда раз в несколько месяцев предлагала ему должности сторожа на складе или швейцара — по мнению бывшего инженера, она просто издевалась... А когда срок выплаты пособия истек, случилось странное. То ли случайно выпил разволновавшийся мистер Донован слишком много снотворных таблеток, то ли... В общем, однажды утром Майкл остался без отца. Мать, никогда в жизни не работавшая, заметалась в панике — как прокормить троих детей? Страховки хватило бы не более, чем на год... И вот Донован был вынужден оставить колледж, оставить мечты — и по примеру отца устремиться на поиски работы. Он не был столь разборчив. Когда плата за квартиру стала почти непосильной и пришлось отказаться от услуг няни для младшей сестренки, Майкл развил бешеную деятельность. Решив, что более всего шансов заработать у него будет в курортный сезон на восточном берегу родной Флориды, он отправился в Майами. Был служащим в бильярдной, матросом на пристани прогулочных катеров, работал у одного предприимчивого китайца, нанявшего дюжину парней, чтобы еженочно перетряхивать песок пляжа. Они находили немало потерянных вещей и денег.

Майкл не утерпел — истратил несколько нелегко заработанных долларов на радиодетали и соорудил устройство, названное им «часоискатель». Этот чуткий прибор находил в радиусе двадцати шагов потерянные, но еще работающие наручные часы. Китаец на радостях отвалил Доновану премию, дела пляжной «фирмы» шли все лучше... пока вдруг не выяснилось, что Майкл и его товарищи вторглись во владения иной, пуэрто-риканской компании чистильщиков песка. Конкуренты были настроены серьезно, и их было намного больше. Китайца и еще одного юношу (кстати, магистра медицины) увез-

ли в больницу с ножевыми ранами, Доновану и прочим удалось унести ноги.

Два-три месяца он голодал и ночевал в парках. Наконец юноше повезло... если можно назвать везением такой поворот в судьбе человека, недавно мечтавшего быть конструктором электронных систем. Его смекалку заметил один из владельцев «Корпорейшн оф гейминг системз» — сети автоматических игровых павильонов побережья, а также нескольких заводов и мастерских по производству и ремонту этих автоматов. Сначала Майклу были доверены наладка и программирование в одном из павильонов. Затем он получил этот павильон в полное свое распоряжение. Создал несколько остроумных моделей автоматов, принесших ему кругленькую сумму денег. Наконец, сумел соорудить собственный павильон, оборудованный исключительно автоматами своего изобретения. Слава богу, материальный вопрос был решен: мать в Сент-Питерсберге буквально молилась на старшего сына, одна из сестер очень удачно вышла замуж, другая благополучно училась... И только сам Майкл отнюдь не чувствовал себя счастливым. Хоть и возился он каждый день со своей любимой электроникой — мечта детства оставалась абсолютно недостижимой...

Потому Майкл Донован продолжал бредить электронными системами для космоса. Для орбитальных станций, экспедиций на далекие планеты. И не всякими системами, а совершенно определенными. Он хотел подарить космонавтике надежные устройства биосвязи. «Радиостанции», которые позволили бы передавать и принимать на огромном расстоянии чувства и мысли, облеченные в слова. Упрощенным, чуть ли не игрушечным подобием этих несостоявшихся передатчиков стали ультразвуковой барьер для аквалангистов, включаемый биополем акулы... и автомат «Пещера на Фобосе».

— Что? — вскрикнул Акопян, но, заметив любопыт-

ствующие взоры, смущенно кашлянул и спросил совсем тихо: — Значит, в «Пещере»... тот же принцип, что...

— Тот же самый, — твердо ответил Майкл. — Биопульс искусственного происхождения. Сигнал, воспринимаемый на подсознательном уровне. Я недаром просил вас вчера не придумывать никаких цифровых комбинаций, а как бы прислушаться к самому себе... Комбинации были закодированы частотой биоволн. Это звучит в мозгу, как голос собственной интуиции...

Тарханов решительно отбросил соломинку, допил залпом свой коктейль и заявил тоном, не терпящим возражений:

— Слушайте, Майкл, вы должны приехать в Москву. Я договарюсь. Все формальности беру на себя. Вы даже не представляете себе, насколько это важно... Слышите?

— Ну что ж! — после недолгого размышления заявил Донован. — Кое-кто из стариков еще называет вашу страну «империей зла» — тем интереснее посмотреть на нее самому...

— Отлично, — кивнул Семен. — И вообще... Вы меня извините, Майкл, но вам надо не потешать бездельников на пляже, а работать в НАСА. Может быть, вы потеряете в деньгах... но такую голову, как ваша, нельзя использовать в игровом бизнесе!

— Кто меня туда возьмет, в НАСА? — сумрачно усмехнулся Майкл.

Семен смутился:

— Ну, в жизни всякое бывает... — Потом заглянул в честные глаза Майкла и добавил: — Еще одно... Будьте осторожны, дружище. Очень осторожны. То, что случилось вчера, — не просто грабеж. Кое-кто интересуется и загадкой Фобоса, и нами... а теперь, боюсь, и вами тоже!

— Господи, да кому я нужен?!

Тарханов не ответил. Он следил за ужимками клоуна в надутном собачьем обличье. Гигантский неуклю-

жий «пес» вертелся совсем рядом, порой мешая разговору громким лаем, визгом и хлопанием по воде. Купальщики тискали Плуто за лапы, за уши, фотографировались в обнимку с ним или, собравшись скопом, пытались «утопить» клонуна. «Пес» смешно визжал, отбивался...

Когда советские делегаты и Майкл покинули плавающий ресторан, Плуто побарахтался еще минут пятнадцать и, улучив момент, юркнул в шлюз. Вместо него на потеху ресторанным посетителям с оглушительным хохотом свалился в воду другой комик, наряженный Микки-Маусом.

Сбросив костюм в маленькой квадратной комнате — одном из отсеков плавающего кольца, — клоун снял с груди крошечный плоский магнитофон. Вынул из надувной «лапы» нечто вроде толстой трости с шаром на конце — специальный микрофон высочайшей избирательности, способный выловить из любого шума и гама нужные звуки, голоса, самый тихий шепот...

Но ни об этих странных манипуляциях клоуна, ни о том, что уже через два часа кассета с записью исповеди Майкла лежала на столе вашингтонского чиновника с чрезмерно натуральными волосами и зубами, наши герои так никогда и не узнали. Донован на своей «камбале» привез их к берегу, где ждал электромобиль гостиничного проката. Они распрощались шумно и горячо, по-американски — долго трясли руки, обнимались и шлепали друг друга по плечам...

Скоро сверхбыстроходный поезд унес четверку в направлении столицы. А когда по темнеющей синеве неба разлетелся рой по-южному крупных и белых звезд, от взлетной дорожки оторвался тысячеместный советский лайнер. Домой!

И вот Марина Стрижова безмятежно спит на высоте двадцать километров над ночным океаном. Тарханов с Акоюном складывают электронную мозаику. Хитрая игра заключается в том, чтобы собрать на маленьком

экране свой рисунок и не позволить партнеру сделать то же самое. А Игорь Петрович читает и помечает закорючками на полях давно знакомый текст — пухлый отчет о гипнорепродукции воспоминаний Акопяна. Волновому, разумеется, был во всех подробностях передан разговор с Майклом. Больше всего главу делегации заинтересовал почему-то автомат «Пещера на Фобосе». Точнее — искусственный биоимпульс, воспринимаемый игроком на подсознательном уровне: команда извне, которая так похожа на собственное интуитивное озарение... Расспросив Тарханова о подробностях, Волновой занялся тем местом отчета, где описывалось внезапное возбуждение слуховой зоны Суренова мозга...

Глава VIII

В КОСМОСЕ И НА ЗЕМЛЕ

— Решили всех опередить, — ядовито сказал Тарханов.

— Мы ведь, кажется, о чем-то договаривались... — недоуменно развел руками Акопян. — Ну, помните, с тем мужиком из НАСА?

— Это другая фирма, — отозвался доселе молчавший Волновой. — Это частный сектор, товарищи...

— Значит, вроде тех, за которыми ты гонялся?..

— Вроде, — кивнул Игорь Петрович. — Но только гоняться за этими мы не имеем никакого права. Космос принадлежит всем. Куда хочешь, туда высаживаешься. Лишь бы была техническая возможность.

— Так-то оно так, — поскреб жесткие волосы Акопян, — но ведь наломают же дров... Могут все испортить!

— Если им позволят, — загадочно сказал Волновой.

— Кто?!

— Сам знаешь...

— Ну дела! — возликовал Сурен. — Так и вы уверовали?

— Допускаю. Все может быть.

— Только нам от этого не легче! — резюмировал Семен.

Причиной этого разговора, происходившего в Звездном, в кабинете Волнового, послужила вчерашняя вечерняя телепередача. Их ни о чем не оповестили заранее. Ведущая информационной программы будто ведро холодной воды вылила за шиворот, ясным учительским голосом сообщив новость. В США произведен запуск частного космического корабля «Дэниэл Бун». Корабль без экипажа, поэтому может в кратчайший срок развить огромную скорость. Он оборудован многочисленными электронными системами: в их числе — новейший робот-разведчик, предназначенный для исследований других планет. «Дэниэл Бун» должен всего за месяц с небольшим достигнуть Марса, облететь вокруг планеты... и обследовать оба спутника, Фобос и Деймос. Главной задачей полета является именно испытание уникальной робототехники, которая, по мнению конструкторов, должна чуть ли не полностью заменить человека в экспедициях к мирам иным. О последнем обстоятельстве ведущая упомянула не без легкой иронии.

После сообщения стало совершенно понятно: в Америке нашлись люди, и не только в НАСА, которые поняли истинную цель гипнорепродукции. Более того — не исключено, что какой-нибудь ушлый специалист заметил странности в графиках мозговой деятельности Акопяна на Фобосе.

Хотя «той самой» картинки, где отмечено внезапное возбуждение слуховой зоны, к материалам, посланным на конгресс, не приобщили, — но, хочешь не хочешь, основные данные по эксперименту пришлось оставить для традиционного коллективного сборника. В престранное положение попали Волновой и его спутники: вроде бы и не секрет — все, связанное с Фобосом, сами же

широковещательно объявили об открытии Акопяна, вон уже игровые автоматы делают на эту тему; и вообще после разоружения мало осталось секретов на Земле, а поди ж ты, приходится скрывать, участвовать в каком-то детективе!

Кибернетика помогла, конечно, разобраться в мельчайших подробностях Акопяновых кривых. В искренности руководства НАСА сомневаться не приходится — они действительно обдумывали совместный полет. Значит, это кто-то другой... очень хорошо осведомленный, очень богатый, располагающий великолепной техникой, кадрами инженеров, электронщиков, астронавтов... Но кто? И зачем ему Фобос?.. Из соображений престижа, что ли? Русские, мол, открыли феномен, да не сумели постигнуть, освоить собственную находку, а мы разберемся?.. Эдакий американский ура-патриот, бросающий сотни миллионов на поддержание гордости янки... Вообще похоже на то — недаром корабль назван именем Дэниэла Буна, хрестоматийного героя, одного из пионеров-первопроходцев девственных земель Америки. А может быть, неведомый организатор экспедиции надеется, что подлинная «пещера» на Фобосе окажется чем-то вроде увеличенной копии автомата Майкла Донована, и за стеной сверкнут сокровища Али-Бабы?.. Но ведь это просто наивно!

...Игорю Петровичу все чаще приходило в голову именно то, что неожиданно для самого себя обронил он перед друзьями на следующий день после передачи. «Если им позволят...» Волновой не «уверовал» до конца, но уже допускал, что объект на Фобосе может быть артефактом * внеземного разума. И тогда робот с частного космолета может вправду наломать дров. Стыдно станет перед иной цивилизацией!

Вскоре в Космоцентр переслали из Штатов иллюстративный журнал, половина которого была посвящена

* Артефакт — любая вещь (явление), созданная искусственно.

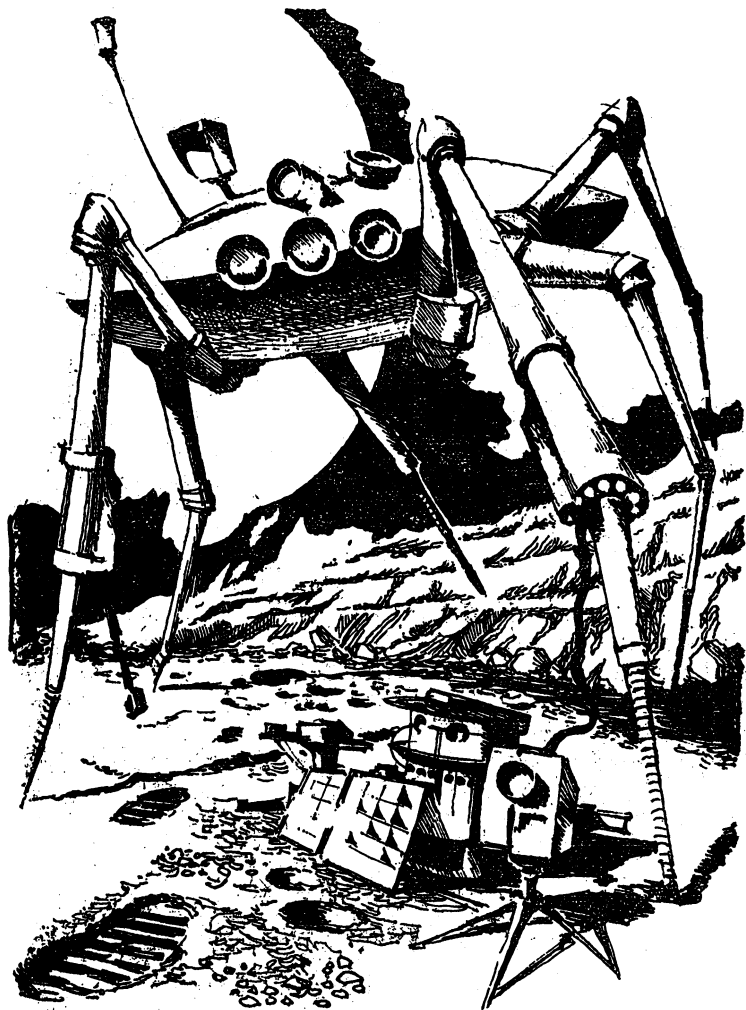
«Дэниэлу Буну» и чудо-роботу, отправленному на Марс. Оказывается, никто не предполагал возвращения космолета на Землю! Это здорово удешевляло экспедицию. Корабль должен был только доставить робота к Марсу, вернее — к его спутникам. Всю информацию о работе автомата-исследователя Земля получит с помощью телеметрии, по радио. Затем робот останется на Фобосе... Быть может, позднее чудо-машину подберет какой-нибудь «человеческий» экипаж. Впрочем, журнал допускал и иную возможность — а именно вариант проникновения робота в некий загадочный мир... Авторы статьи не скрывали, что основная цель, ради которой был создан и послан в полет суперробот, — это поиск доказательств внеземного происхождения «пещеры» Акопяна. То есть шестиногий паук из сверхтвердого сплава, нашпигованный электроникой, способный менять программы, принимать самостоятельные решения, предельно очеловеченный, должен обшарить Деймос (нет ли и там следов разумной деятельности?), а затем сделать решительную попытку проникнуть сквозь стену тупика на Фобосе. Для этого у робота есть все необходимое — и специальные импульсные сигнализаторы (а вдруг там какой-нибудь резонансный замок, или магнитное реле, или что-нибудь в этом роде?), и плазменный высокотемпературный резак, и... приемопередатчик искусственных биоволн!

Вот тут-то читавшие статью (и прежде всего Геннадий Павлович) призадумались. Ведь после тщательной экспертизы, в которой участвовали крупнейшие вычислительные центры, стало ясно, что Акопян на Фобосе действительно слышал нечто вроде приглашения войти в тоннель. Но — важнейшая деталь! — Сурен недаром не мог припомнить чего-либо подобного. Та же экспертиза показала: нервные окончания в ушах не были возбуждены. Значит, сигнал поступил непосредственно в слуховую зону, в виде биоэлектрических волн. И Акопян воспринял его бессознательно, на «подпороговом»

уровне. Точно так же, как уловил он неслышные биопульсы, посланные автоматом Майкла Донована. (Удивительная прозорливость конструктора-неудачника!..) Сомнений больше не оставалось: в «пещере» на Фобосе работал генератор искусственного биополя! Тогда, после всех компьютерных проверок, остался невыясненным лишь один вопрос, и он усиленно дебатировался (конечно, при закрытых дверях). Безусловно, «пещера» — это артефакт; но кто ее выстроил и оборудовал? Действительно инопланетяне (причем родом явно не с Марса, ибо это планета мертвая), или... Волновой, да и сам «наш министр» до последнего времени были почти на сто процентов уверены, что вся затея — дело рук землян, и скорее всего злонамеренных. После поездки в Штаты и знакомства с «одноруким бандитом» Донована Игорь Петрович тем более убедился и стал убеждать других, что на Фобосе вполне могли поставить биопередатчик. Однако тут стартовал «Дэниэл Бун», и начались новые размышления, гипотезы, тревоги...

Журнал со статьей о роботе-искателе рассеял последние сомнения в том, что полет напрямую связан с акопяновскими мозговыми графиками. Робот, наделенный способностью воспринимать биоволны и транслировать в ответ подобные же сигналы! Робот, который обработает информацию, поступившую столь необычным путем, и сделает выводы, и примет решение, и осуществит его, черт возьми! И — очень может быть — проникнет туда, под покров тайны...

Игорь Петрович не сразу понял, почему ему неприятен этот замысел с роботом. Мысль о том, что его «обогнали», не была лестной и оставляла душевный осадок; но Волновой, человек трезвый и справедливый, прекрасно понимал: космос — не дорожка стадиона. Спортивный азарт всегда был плохим стимулом для настоящих исследователей. Американцы сумели раньше нас создать рукотворное биополе и с его помощью поставить грандиозный межпланетный опыт? Что ж, слава их ученым

и инженерам. Они откроют тайну Фобоса? Вполне закономерно, и нечего горевать по этому поводу. Открытия принадлежат всему человечеству. И очень может быть, что миллионер, снарядивший экспедицию (или миллионеры — в статье говорится о нескольких электронных и аэрокосмических корпорациях) — вполне доброжелательный и искренний поборник науки. История знает такие случаи. Взять хотя бы богатого коммерсанта Генриха Шлимана, за свои средства раскопавшего Трою...

Нет, причина неприязни Волнового к американскому полету была явно в ином. И он докопался до истины. Вся программа была основана на исследованиях, проведенных как бы контрабандой, по-воровски что ли. Вы обнаружили интересные аномалии в работе мозга Акопьяна? У вас есть далеко идущие выводы? Поделитесь с нами. Пошлите открытый запрос в Космоцентр СССР. Ведь мы же все-таки и первыми побывали на Фобосе, и провели эту гипнорепродукцию. За нами приоритет, авторство. Тем более что сейчас, слава богу, не времена пресловутой «холодной войны» или термоядерного противостояния конца прошлого века. Что-то нечистое есть в этой засекреченности, в поспешности... даже в том, что корабль разовьет такую бешеную скорость и повезет не людей, а робот! Лишь бы опередить нас, выхватить открытие из-под носа...

Не верилось в научное бескорыстие пославших «Дэниэла Буна». Как ни верти, чудились скрытые намерения, не слишком благородные цели... Игорь Петрович долго не решался рассказать друзьям о своих чувствах — опять припишут «детективную лихорадку», — а когда наконец поделился, был обрадован тем, что все разделяют его подозрения. И «наш министр», и Тарханов, и Стрижова, и возвратившийся к тому времени на Землю Виктор Панин. Акопьян тоже согласился с ним, правда, высказал предположение:

— А может быть, они сообразили, что мы секретни-

чаем с гипнорепродукцией, не все публикуем, обиделись и решили тоже утаить свои результаты?

— Да как ты не понимаешь, — обрушился на него Семен, — что у нас не было другого выхода?! После всех попыток торпедировать строительство на астероиде, после пиратских рейдов по Солнечной системе нельзя быть бездумно беспечными! Были веские основания полагать, что Фобос — очередная ловушка... Они сами виноваты. Не все в США отказались от прежнего мышления...

Как бы то ни было, но «Дэниэл Бун» мчался в межпланетных безднах, с каждой секундой проглатывая десятки километров пространства. И вот наконец точно в назначенный срок, после нескольких суток торможения, корабль вышел на ареоцентрическую (околомарсовую) орбиту...

Устраиваясь в кресле перед началом очередной прямой телепередачи с американского корабля, Сурен обратился к жене:

— Знаешь, что мне обиднее всего? Я об этом никому не говорил, только тебе скажу...

— Что? — поинтересовалась жена, по обыкновению сворачиваясь калачиком на диване.

— Да то, что, наверное, им эту штуку... принцип излучателя передал Майкл Донован. А каким он славным казался парнем — ну просто брат родной...

— А-а... — Татьяна обреченно махнула рукой. — Ты с кем ни познакомишься, он тебе через пять минут родной брат.

— У нас на Кавказе все такие, — вздохнул Сурен. — Влюбляемся... Тем больше потом, когда человек разочаровывает!..

— Да чем он тебя разочаровал, Майкл твой? Он что, обязан был перед тобой отчитываться?

— Нет, конечно. Но все равно неприятно. Хоть бы позвонил, что ли: у меня, мол, покупают мою машинку... Ведь болтали же через океан по более мелким поводам.

— Ага, — кивнула Татьяна. — Он нас с Новым годом поздравил, помнишь?

— Вот именно. Ну что ж... Наверное, как увидел кучу долларов, так обо всем и забыл. А может быть, ему еще и за молчание приплатили!

На телеэкране отговорил диктор; появилась разноцветная мозаика — тестовая программа, которой начинались все передачи с «Дэниэла Буна».

— Слушай, Сурен, чего ты развоевался-то? Может, и ни при чем здесь твой Майкл? Сами дознались, там умников тоже хватает. А Донован сидит в Майами и горюет в своем павильоне, что его обскакали...

— Вряд ли, Танюша! — вздохнув еще тяжелее, ответил бортинженер. — Такой второй головы, как у Майкла, там нет!

Началась передача. Изображение было мутным, колеблющимся, по экрану бегали полосы; временами картина пропадала, превращалась в хаос скачущих линий. Но именно эти сбои подтверждали, что радиоволны приходят из невообразимой космической пропасти; подчеркивали реальность, подлинность телемоста длиной в сто с лишним миллионов километров... В поле зрения оказалась одна из солнечных батарей космолета — шахматная доска с блестящими клетками. Она занимала нижний угол экрана. А дальше круглился хорошо знакомый Сурену купол Марса в спиральных разводах вихрей, и висела над ним грифельно-серая угловатая глыбина — Деймос...

Робот начал свои походы именно с этого спутника, меньшего и более отдаленного от планеты. В следующих передачах земляне увидели, как маленькая ракета, похожая на «Аннушку», доставляет на поверхность Деймоса круглую плоскую коробку; как у этой коробки, лежащей на дне полустертого временем кратера, «вырастают» длинные суставчатые ноги и телескопические глаза объективов... Похожий на гигантского дальневосточного краба, но несравненно более быстрый и лов-

кий, робот за пару часов обшарил весь спутник. На затемненной стороне он ярко светился — огненные пунктиры были прочерчены по ногам, по окружности тела, сходились звездой на верхнем, чуть выпуклом щитке корпуса... Им можно было залюбоваться. Из стальных конечностей по мере надобности выдвигались лопаточки, буры, захваты для взятия разных анализов. Иногда компьютер «Дэниэла Буна» передавал на Землю изображение Деймоса с «точки зрения» робота. Сплошная изъезженная скала, надоедливо одинаковые микрократеры, многие размером с чайное блюдце. Абсолютно мертвый мирок, которого никогда не касались вода или ветер.

Затем настал черед Фобоса, похожего издали на картофелину с отгрызненным боком. Ракета доставила робота прямо к «пещере», паук сначала обшарил и обшелкал фотоаппаратом кратер Стикни, громадную черную впадину, занимавшую треть планетки. А потом, с пугающей стремительностью и легкостью преодолевая отвесные барьеры, выбрасывая прожекторные лучи в черных ущельях, перемахивая трещины, робот помчался к вожделенной точке. Он уже не «притворялся», что занят общим обследованием Фобоса. Было видно, что великолепную машину влечет определенная цель.

Эту передачу смотрели в кабине «нашего министра» те, кому было известно о биосигналах, посылаемых неведомым устройством из толщи скал, — члены коллегии, ведущие конструкторы, руководители Звездного.

— Самый напряженный момент в истории человечества! — не удержавшись, шепнул Тарханову Панин.

— Наверное... если не считать тех секунд в прошлом веке, когда за океаном чуть не отдали команду об атомном залпе. А таких ситуаций было несколько!

— Кто знает, чем еще обернется эта авантюра. Даже представить себе трудно...

И вот два миллиарда землян (именно столько, по статистике, смотрело эту передачу, пришедшуюся на середину буднего дня) увидели «глазами» робота выемку

с гладкими стенами, будто сделанную во внутреннем склоне кратера экскаватором-великаном. И козырек над ней, и лаз тоннеля под козырьком, похожий снизу на ласточкино гнездо...

Объектив камеры случайно (наверняка случайно) наклонился вниз, к ногам робота, и Сурен вскрикнул. На девственном слое пыли рельефно выделялись отпечатки рубчатых подошв. Редкая цепь, расстояния метров по пять-шесть, это его, Акопьяна, следы, ничуть не расплывшиеся со времен полета «Вихря»... имеющие немало шансов выглядеть такими же свежими через миллионы лет! Картина сегодня была на редкость четкой...

Американский диктор, захлебываясь от восторга, так что речь его подчас становилась совершенно невнятной, комментировал каждое действие робота. (При этом диктор не забывал между прочим похвалить фирму, снабдившую механического разведчика такой чудесной оптикой, или трест, в лабораториях которого был разработан неподражаемый сплав для корпуса... а то и производителя пасты, с помощью которой робот начищен до блеска!) Вот сейчас «гениальная» машина устанавливает на куске базальта телекамеру, предназначенную для показа робота крупным планом, — ведь объективы «Дэниэла Буна», зависшего над Фобосом, при всей своей увеличивающей способности не смогут удовлетворить интерес зрителя к деталям. Вот расставляются другие приборы — сверхчувствительные микрофоны, сейсмодатчики, гравитометры, измерители разных полей... Мало ли какая информация может пойти из «пещеры»! («Кстати, приборы выпуска «Элистер норт компани», которые вы можете найти в фирменных магазинах, незаменимы и для сугубо земных целей!»)

— ...К сожалению, друзья, наши телеметрические системы пока что не в силах донести до вас сигналы, посылаемые и принимаемые роботом на волнах биологической связи! А между тем настал долгожданный миг:

робот ждет импульса из «пещеры»! Того безмолвного зова инопланетян или их волшебных компьютеров, который впервые дошел до человеческого слуха около двадцати лет тому назад... («Ах, сукины дети!» — яростно прошептал Акопян.) Он не воспринимается сознанием, этот голос галактической Сирены, манящей в свое царство, — человек просто идет, как замороженный, в объятия неведомого... Мы надеемся, что биоприемники робота окажутся достаточно чувствительными, чтобы... — Диктор сделал эффектную паузу. — Внимание! Пошел сигнал! Слуховая зона робота фиксирует команду извне! Братья по разуму протягивают нам руку!..

— Если у них есть руки, — буркнул, съеживаясь в кресле, чрезвычайно недовольный Акопян.

— Полжизни за то, чтобы увидеть сейчас данные телеметрии в их ЦУПе... — бормотал Тарханов, поедая глазами экран.

Робот, стоявший перед отшлифованной стеной, подобрался на высоченных паучьих ногах, будто действительно прислушивался. А затем, двумя красиво замедленными прыжками одолев пространство до скалы, ринулся вверх по ней и исчез в отверстии.

Теперь зрители видели все происходящее только «глазами» электронного разведчика. Знаменитый тоннель с перилами... Пологий спуск в непроницаемую камеру... Качнулся вогнутый свод, рябь пробежала по экранам — это, споткнувшись, робот провалился третьей правой ногой в одну из коварных ямок. Ничего, выбрался... Осторожно, прощупывая сразу и пол, и стенки хода, точно настоящий паучище в какой-нибудь щели старого дома, робот спускался дальше.

И вот наконец она — кубическая комната, почти два десятилетия будоражащая воображение землян, не то вырубленная в породе, не то сделанная из некоего, алмазной твердости неземного материала. Размером невелика — метров шесть по ребру... Недаром самые ретивые защитники гипотезы о визите внеземлян называли

ее «шлюзом звездолета». Луч прожектора бежит по шероховатому красновато-коричневому потолку, перебрасывается вниз, на толстое одеяло пыли, в которой утонули до первого сустава ноги робота. Снова поднялся луч... Акопян тщетно искал на глухой броне камеры следы своего лазера. Ни выемки, ни царапины...

Прошла минута, другая. Редкостные мгновения, когда на всей Земле стоит настороженная тишина и сотни миллионов людей объединены одним нетерпеливым ожиданием. Вот уже пять минут шарит по камере прожектор разведчика. Никаких перемен. И в голосе американского диктора исчезает наигранная бодрость, проскальзывают ноты неуверенности.

— Непредвиденный поворот событий, дорогие друзья!.. Впрочем, мы были готовы к любым неожиданностям, которые могли случиться в этом таинственном уголке Вселенной. Судя по поступающим к нам, в ЦУП, показаниям приборов, робот продолжает получать сигналы на волне биополя. Но они не вызывают в нем никаких ответных реакций. Мы, к сожалению, не можем вмешаться, поскольку, как я уже говорил, биоэнергетическая связь по радио не транслируется. Но это не страшно, поверьте мне! Наш космический разведчик сконструирован таким образом, что-может, исходя из конкретных условий, принять решение и начать действовать... немногим хуже, а может быть, и лучше, чем средний человек. Ведь у него нет чувств и эмоций, мешающих объективно воспринимать окружающий мир. (Сурен шумно вздохнул.) Может быть, робот уже действует, просто мы этого не видим, поскольку из-за расстояния между Землей и Марсом информация запаздывает на пять с половиной минут... Что ж, подождем. Если робот не примет никакого решения — ему поможем мы. Руководители полета уже совещаются с учеными из НАСА и другими «яйцеголовыми»...

Внезапно робот ожил. Доселе стоявший на середине камеры и безучастно водивший прожектором, он подо-

брался, как гончая собака, на стойке, и зашагал вперед.

— Учужал что-то! — прошептала Марина.

— Вот сейчас «сезам» и откроется! — без особого удовольствия откликнулся Панин.

И только Акопян впервые за все время передачи улыбнулся, хлопнул себя по колену и воскликнул:

— Ни шиша он не учужал! Может, я и средний человек, но эта жестянка наверняка не умнее меня!

На экране вплотную приблизилась стена тупика. И вдруг полыхнула на ней, под ударом невидимого луча, разбрызгала во все стороны сполохи слепящая алая звезда...

— Нет, пожалуй, он все-таки глупее тебя, Сурен! — поощрительно сказал через некоторое время Тарханов, на что получил язвительное «спасибо».

Действительно, если Акопян достаточно быстро сообразил, что полосование тупика лазером не даст ничего — броня оказалась не по зубам земной технике, — то робот старался до тех пор, пока не израсходовал всю свою энергию. Наверное, то ли не успели остановить его приказом из ЦУПа, то ли не сумели. Погасло раскаленное пятно на стене, и камера погрузилась во тьму. Диктор пролепетал нечто беспомощно-успокоительное, и передача оборвалась...

За три месяца до этого репортажа далеко от Звездного, в Майами, случилось происшествие, не получившее никакой огласки, но тем не менее определившее весь ход событий. В то время, как Майкл Донован возле причала для частных судов присматривал за ремонтом своей «камбалы», в гавань вошла парусная яхта с претенциозным названием «Сказка»... Пожалуй, она не была самой роскошной или эффектной среди тех, что бороздили воды курортного побережья, но сразу привлекла наметанный конструкторский взгляд Майкла... С подня-

тыми парусами яхта шла к свободному месту у пирса. Вымпел на гафеле был украшен изображением рулетки — эмблемой «Корпорейшн оф гейминг системз», «материнской» фирмы Донована: тот же символ красовался над входом в каждый игровой павильон. Возле самого пирса «Сказка» сделала резкий поворот на месте, который, пожалуй, был бы не по силам обычному рулевому. Ни один человек не появился на пустой палубе, однако паруса единственной мачты — трисель и топсель — мигом подтянулись на рифах, и яхта пришвартовалась кормой. На пирсе зажглось сигнальное табло, показав наличие жесткого контакта. Старинная романтика парусного флота мирно уживалась с последними достижениями электроники и автоматики. Уж кто-кто, а Донован великолепно знал, как на подобных (скромных с виду, но чудовищно дорогих) судах работают компьютеры восьмого поколения, осуществляя без вмешательства человека даже самую сложную программу плавания, управляя парусами с помощью магнитного такелажа...

Майкл заворуженно созерцал маневры кибернетизированной «Сказки». Но вот открылся люк, и владелец павильона разглядел блестящую кокарду выбравшегося на палубу яхтсмена в белоснежном костюме. Это был явно не рядовой матрос-оператор или матрос-программист. Человек на яхте поднес ко рту мегафон, и Майкл внезапно услышал свое имя.

— Я рад тебя видеть, старина! — гремел рупор над идиллической бирюзой залива. — Не узнаешь? Это я, Грегори! Приглашаю на холодное пиво! Сейчас пришлю лодку...

Губы Донована тронула теплая усмешка. Он не изменился, Грег Андерсон, племянник того самого Андерсона, который много лет назад в полуголодном оборванце по имени Майкл разглядел редкостный талант конструктора-электронщика...

Легкая, как ореховая скорлупа, пластмассовая

лодка с радиоуправлением мигом «слетала» за Донованом, и через пять минут давние знакомые уже крепко обнялись на палубе «Сказки». Если характер Грега, судя по первым проявлениям, остался прежним, то внешность претерпела значительные изменения. Андерсон-младший обзавелся изрядной лысиной, растолстел, у него появились лиловые мешки под глазами и привычка шумно отдуваться, как будто он нес груз. Майкла время почти не тронуло, хотя он и не был племянником миллионера и одним из директоров громадной фирмы, как Грег...

— Хо-хо, дружище! — шумел Андерсон, ведя гостя на ют, где под полосатым тентом располагались воздушно-прозрачные кресла и столик. — Это просто счастье, что я тебя сразу увидел! Я знал, что твое хозяйство где-то в этих краях, но чтобы вот так, в первые же минуты... Ну, это просто подарок судьбы!

— Ты искал меня?

— Я бы тебя обязательно нашел — через муниципальный компьютер!

— Да, действительно, как в сказке... — Майкл спохватился, глянул в голубые близорукие глазенки старого приятеля. — Слушай, а как ты меня углядел на таком расстоянии? Неужели вылечился, зрение исправил? У меня вроде глаза дай бог каждому, и то тебя не узнал с берега...

— Контактные линзы, брат! Толщина пять микрон, в жизни не разглядишь... — Андерсон вплотную приблизил свои зрачки к лицу Майкла. — Ставил сам Итагава, содрал чертову кучу денег, но я доволен!..

— Ничего, ты не обеднеешь...

Проходя по яхте, Донован отметил про себя, что судно приспособлено не только для развлекательных каботажных плаваний, но и для настоящих океанских походов. Высокий фальшборт, внушительные комингсы люков — все это должно было защитить от штормовых волн. Да и рубка, за стеклом которой виднелся одино-

кий бородач-навигатор, была слишком прочной для прогулочного судна, обтекаемой, точно кабина самолета...

Они сели за столик. Грег хлопнул в ладоши, и негр-стюард принес на подносе дюжину запотевших банок пива, тарелку вареных креветок и поджаренный хлеб.

— Далеко плаваешь? — осведомился Майкл, открыв первую банку и подняв ее в знак приветствия.

— Всяко бывает... Во всяком случае, предпочитаю эту лохань любому другому виду транспорта. Вот недавно посетил отделение корпорации на Гавайях, оттуда сходил в Сидней... Теперь здесь.

Донован с удовольствием отхлебнул свежего, в меру горьковатого пива, взялся за креветочную «шейку».

— Значит, с инспекцией, Грег? Проверяешь нас, грешных?

— Есть такое дело... Но больше для своего удовольствия. У меня, брат, не судно — волшебный сон... Эй!

Андерсон махнул рукой навигатору, все время смотревшему на них, и покрутил в воздухе пальцами.

— Маленький круг по заливу...

В ту же секунду яхту будто оттолкнули от пирса, мягко и сильно; послышались негромкие щелчки магнитных фалов и шкотов. Кливер забрал ветерок, берег стал быстро удаляться.

— А теперь поворот... Смотри внимательно!

«Сказка» резко наклонилась на правый борт, описывая крутую дугу, — но палуба, а значит, и их стол остались горизонтальными. Это поражало: мачта, сильно наклонившаяся в своем гнезде, скособоченная рубка — и ровный, как городская площадь, палубный настил...

— Система гироскопов! — продолжал хвастаться Грег. — Действует и при бортовой качке, и при килевой... Кругом шторм, а я себе попиваю пиво, как на веранде моей виллы!..

Майкл счел нужным восхититься яхтой — но она и вправду могла поразить воображение...

Очевидно, после выпитого Грег сделался не в меру

говорлив. Собственно, он и прежде был болтуном — шумным, хвастливым малым. Но теперь Андерсон побил все свои прежние рекорды. Яхта, повинаясь поворотам своих автоматических парусов, описывала сложные спирали и восьмерки по заливу, а ее владелец все трещал, торопясь, захлебываясь, будто хотел этим потоком слов заглушить неуверенность... может быть, страх. Да, безусловно — блеклые глазенки казались все более потрясенными.

— Давай к берегу, Грег, — предложил Майкл. Ему почему-то становилось все тревожнее рядом с этим истерически многословным толстяком. — А то без меня рабочие такого напартачат... Я ведь не ты, у меня денег на другое судно не хватит!

— погоди, дружище, сто лет как не сиживали... Ну-ка, попробуй вот этого! — И Грег подвигал все новые банки. — Новозеландское, но вкуснее нашего, ей-богу... А вот немецкое, «Шварце-бир»... Германия — родина пива... Нет, дружба — великое дело, брат! Только человек умеет дружить. Звери либо враждуют друг с другом, либо пристраиваются к тем, кто посильнее, чтобы подбирать объедки.

— Разве у людей так не бывает? Давай, давай, Грег, командуй своему парню, пусть поворачивает обратно!...

Но Андерсона нельзя было остановить:

— Человек, да... А что такое, собственно, человек? Есть много определений. «Человек — это животное, наделенное разумом...» Разъяснили, называется... Что такое животное? Что такое разум? Или вот еще: «Человек — единственное существо, способное познать бога». Тоже очень конкретно... Если бог есть — откуда мы знаем, что птицы или рыбы неспособны его ощущать? «Всякое творение да славит господина...»

«Совсем одурел», — подумал Майкл и оглянулся в сторону борта. «Сказка», продолжавшая кружить по синей бухте, проходила совсем близко от рейда, где за-

стыло скопище контейнеровозов и барж. Рукой подать до греческого катамарана «Флоракис»... В конце концов можно просто прыгнуть в море. Он чувствует себя в воде, как рыба. Должно быть, Грег, проспавшись, сам явится просить прощения...

— ...Счастье! Вот в чем отличие человека от зверя! В том, что человек не бездумно блаженствует, а умеет осознавать себя счастливым и добиваться этого состояния. И у каждого из нас счастье свое, а у животных оно одинаковое — в сытости... Математик Эйлер говорил: «Истинное счастье в покое и довольстве самим собой». Но великий Паскаль утверждал: «Мы думаем, что ищем покоя, а на самом деле ищем только волнений...»

У Майкла внезапно zakружилась голова. Тошнота подступила к горлу. Он попытался встать, но мешком рухнул обратно в кресло. Сознание было чистым, тело отказывалось повиноваться.

«Ловушка! То, о чем предупреждали русские!»

Так вот почему так бегали глазки у Грека Андерсона! И это его волнение, неестественная болтовня... Тянул время! Неужели купили?! Миллионер Андерсон... Или запугали?

Некогда гадать. Грег все еще треплется, сыплет евангельскими текстами вперемешку с какой-то индийской премудростью. «И тогда сказал Кришна Арджуне...» Да будь ты проклят! Сейчас надо собрать всю свою волю... всю, до последней капли... и заставить себя подняться. Встать. Сбросить эту проклятую одурь. До рейда он не доплывет... Или доплывет? Главное — оказаться в воде... Может быть, подберут...

А ну-ка встать!

Страшным волевым усилием Майкл поднял себя из кресла. Грег завизжал, шарахнулся. Загремели о палубу пивные банки. Донован сделал шаг, другой... Он шел, точно слепой, протягивая перед собой руки. Споткнулся. Падая, ударился головой о комингс. Мир погас.

Андерсон все пятился прочь от стола, будто не в си-

лах остановиться. Из открывшегося люка выпрыгнуло двое молодых людей в расписных шортах и маечках, но с ухватками тренированных «командос». Они брезгливо обошли Грега, и он крысой юркнул в трюм, словно был не хозяином суперяхты, а нищим попрошайкой из «цветного» квартала...

Молодцы привычно, как опытные гробовщики, ухватили обмякшее тело Майкла и поволокли его в недра судна. Кровь из рассеченного лба капала на безукоризненно белое покрытие палубы.

Люк закрылся. Угрюмый бородач навигатор положил пальцы на сенсорную панель ввода. Сделав немислимый разворот на месте, «Сказка» заскользила в море. Когда берег Майами стал желто-зеленой полосой в солнечном мареве, яхта внезапно преобразилась. Паруса подтянулись вплотную к рангоуту, мачта легла вдоль палубы. Под кормой заурчал мощный водометный двигатель. Выбрасывая пенные струи из двух сопел, яхта устремилась на север...

Глава IX

НОВАЯ РОЛЬ АКОПЯНА

Рано или поздно приходит конец даже самому напряженному ожиданию, самой утомительной работе, на которую, кажется, уже не хватает ни сил, ни нервов...

Космический корабль «Контакт» был готов к полету.

Специалисты из НАСА сдержали слово — последние полгода они работали бок о бок с советскими учеными и техниками. Многие элементы путешествия были рассчитаны на американских компьютерах: аппаратура из Штатов соседствовала на корабле с нашей, отечественной. В интернациональный экипаж было включено трое астронавтов США, в том числе — штурман, очень важ-

ное лицо на космолете. Заокеанские коллеги рекомендовали его как опытного пилота и инженера, имевшего двадцатилетнюю полетную практику, единственного оставшегося в живых после катастрофы «Нейла Армстронга». Сухощавый жилистый северянин, упорно не желавший заново пигментировать свой седой «ежик», Джеймс Брэдшоу как приехал в Союз полгода назад, так и не вернулся в Штаты до самого запуска. Впрочем, бобыля Джеймса никто не ждал дома... Невероятно трудолюбивый и дотошный, он дневал и ночевал на испытательных полигонах, в лабораториях, в последние недели — на астероидном космодроме, откуда должен был отправляться «Контакт». Разумеется, такие качества будущего штурмана не могли не понравиться будущему командиру. А капитаном «Контакта» был назначен Виктор Панин, ветеран первого «Вихря» и астероидной эпопеи.

Итак, серебристый «Контакт» высился на заатмосферной пусковой площадке, точно памятник многолетним усилиям тысяч людей, сумевших сделать корабль мощным, надежным и неуязвимым для космических бурь.

Корабль был огромен, словно Эйфелева башня, — строительство в условиях невесомости позволяло не стесняться в размерах, — но далеко не столь изящен, как знаменитая эмблема Парижа. Он ничем не напоминал отбегаемые ракеты прошлого. Загадочное для непосвященного нагромождение ферм, труб, шаров, пристыкованных «шлюпок»... Безвоздушье астероида делало ненужным аэродинамическую форму — отсюда с одинаковой легкостью могли взлететь и классическая «сигара», и вот такая многокорпусная конструкция, отдаленно напоминающая детский волчок... Ну а сажать «Контакт» на Марс или на Фобос и поднимать его оттуда никто не собирался. Гигант корабль останется на ареоцентрической орбите. Все остальное сделают «шлюпки» — внуки той самой «Аннушки», что два-

дцать с лишним лет назад принесла Акопяна к таинственному тоннелю...

В последние недели Сурен был крайне возбужден — даже для «пылкого кавказца», которым он себя любил называть, хотя родился действительно в Свердловске. Шутка ли — сбывалась мечта, которую он лелеял два десятилетия! Акопян полностью отдавался работе, просил занять его в любых исследованиях и экспериментах, лишь бы они имели отношение к будущему полету.

Единственное, что омрачало детскую радость Сурена, — это глубокая обида на Майкла Донована. После той истории с роботом, улавливавшим биополе, Акопян решил самостоятельно докопаться до истины. Он позвонил в Майами — и не застал Майкла. Электронный секретарь-автоответчик доложил, что мистер Донован в отъезде, вернется к такому-то числу и просит абонента назвать свое имя, а также, если необходимо, передать информацию, для чего отведено тридцать секунд... Сурену почему-то не захотелось представляться, он повесил трубку. Задним числом удивился: почему на пленке секретаря записан не голос Майкла, а какой-то чужой, правда, хорошо поставленный?.. Уже совсем было решил не звонить, даже Татьяне объявил об этом своем намерении — и все-таки не выдержал. Едва дождавшись указанной секретарем даты, набрал длиннющий ряд цифр. Донован оказался дома — завтракал перед тем, как ехать открывать павильон. Приветствовал Сурена радушно, весело, с шуточками: справился о делах, о здоровье, о «вашем замечательном полете»... И все-таки Сурен учуял недоброе. Бог его знает, можно ли действительно почувствовать за тысячи километров вибрации чужого биополя, но то, что в голосе, в тончайших его оттенках кроются очень важные сведения о человеке, — это факт. Только надо уметь слушать... Через полминуты Сурен не сомневался, что щебечущий Донован фальшивит. Ломает какую-то подозрительную комедию. Не был он раньше таким шумно-беспечным, на-

рочито-беззаботным. Зато присутствовали откровенность, серьезность... Разве не рассказал бы тот, прежний Майкл уже в первых фразах, где он пропадал почти месяц? А здесь — ни одного намека, будто вчера расстались...

Слушая трескучую болтовню этого странно обновленного Майкла, его плоские вымученные остроты, Сурен вдруг понял, что так и не задал главный вопрос. Слишком, слишком было важно: имеет ли Донован отношение к системам суперробота на «Дэниэле Буне», улавливающим биоимпульсы? И если имеет — то почему, на каких условиях отдал свое изобретение хозяевам частного планетолета? Отчего промолчал об этом? Друг называется... Нет — такого Майкла Сурен ни о чем подобном не спросит. Потому что — и это ясно заранее — собеседник в Майами заюлит, разразится потоком обтекаемых, ничего не говорящих словес; сведет все на очередную клоунскую шутку, на анекдот... «Да Майкл ли это, право?!» — усомнился на мгновение Акопян...

Но он в самом деле говорил с Майклом. Об этом свидетельствовали и голос, и смех, и любимые словечки, и целый ряд фактов, о которых знали только они двое. Значит, произошло некое страшное изменение. «Что поделаешь, если уж человек продается, то он продается до конца!» — мудро решил Сурен, окончил разговор обоймой улыбок, добрых пожеланий... и отключился.

Бортинженер долго ходил с тяжелым осадком. Но каково же было его «кавказское» негодование, когда Волновой откуда-то выкопал номер флоридской газетенки, где «известный мастер электронно-биологических чудес», «волшебник из Майами» Майкл Донован давал интервью по поводу своих автоматов! В таком игриво-пренебрежительном тоне «волшебник» упоминал о своем знакомстве с советской делегацией: о том, как «русские, претендующие на равенство с нами в области тех-

ники», были «просто ошарашены» разноцветными игрушками павильона («вели себя, как малыши на ярмарке»), а «бедняга астронавт» Акопян ликовал, случайно выиграв кучу долларов...

Нет, подменили Майкла. Купили? Запугали? Теперь уж вряд ли когда-нибудь удастся узнать...

Но все второстепенные тревоги и заботы отступили перед напряженными буднями подготовки к полету.

...В один из коротких дневных перерывов Акопян пил крепчайший кофе под тентом летнего кафе в Звездном, рядом сидел Брэдшоу. Штурман предпочитал слабый кофе со сбитыми сливками, чем и заслужил от Сурена обвинение в «женственности».

— Э, бросьте! — хрипел Джеймс. У него были не в порядке голосовые связки, однажды при аварии космоланкера надышался испарениями химического топлива. — По-вашему, мужчина только тот, кто хлещет крепкие напитки, курит дешевые «термоядерные» сигареты и отказывается от сладкого? Вам бы родиться в Техасе...

— Шучу, — махнул рукой Сурен. — Сам люблю сладкое. И сигареты курю ароматизированные.

— Забавный вы народ — русские! — посмеиваясь в чашку, сказал Брэдшоу. — И похожи на нас, грешных, и вместе с тем какие-то особенные. Других таких в мире нет.

— Я, собственно, не русский... Я армянин.

— А, это все равно. Россией мы для удобства называем весь ваш союз наций. И в этом тоже ваше сходство с нами, американцами. Великий народ — всегда смесь из десятков и сотен малых. Рождается качественно новый сплав! И возникает национальный характер. Советский, американский. Нечто объединяющее...

— А что вы видите особенного в нашем характере? — спросил Акопян, не желая увязать в споре.

— Хм... Как бы это сформулировать? — Штурман на минуту задумался. — Прежде всего вам свойственно

какое-то беспокойство... искания, что ли? Такое что-то... не очень взрослое, но трогательное и даже достойное восхищения. Фермер, шофер, рабочий — не просто работают по специальности, а выдумывают, фантазируют... Они недовольны самими собой, они хотят все делать лучше и очень обижаются, когда им мешают. Их не удовлетворяет хороший заработок. Нужно еще нечто неуловимое... таинственное!

— Это неуловимое называется — творчество! — решительно сказал Акопян.

— Возможно. Но заметьте, как часто вам не хватает других качеств: собранности, предприимчивости, дисциплины! Какой-нибудь ваш полуграмотный гений мог придумать паровой двигатель или радио, а внедряли изобретение англичане, немцы, французы... Разве не обидно?

«Нет, без спора не обойтись!» — вздохнув, решил Акопян. И сказал, быть может, с излишней категоричностью:

— Обидно, конечно. Но, знаете, в глубине души еще обиднее другое: мы этих немцев и французов прикрывали грудью от всех нашествий, давали возможность мирно жить, внедрять новые изобретения, а они на нас же еще шли войной. И, кстати, при всем при том у нас вырастали отнюдь не «полуграмотные гении», а образованнейшие люди, ученые мирового класса. И через четыре года после самой разрушительной в истории войны мы уже имели свою — начиная с самых первых расчетов, целиком свою! — атомную бомбу. А еще через восемь лет первыми на Земле вышли в космос...

— Пощадите! — поднял руки Джеймс. — Честное слово, я не хотел задеть ваши патриотические чувства! Вы, конечно, во многом правы. А я, ей-богу, просто люблю вашу страну, потому и размышляю о ней, и делаю какие-то выводы... Не скрою: вы милы мне потому, что между нами, я повторяю, есть огромное сходство. Масштабность дел, широта души, такая здоровая

бесшабашность — от щедрости! И космос мы вот уже полсотни лет ломаем вместе, и вместе приносим ему жертвы.

— Точно, — сказал повеселевший Акопян. — И поэтому следующую порцию кофе беру я. Чтобы доказать широту души. Вам опять со сливками?

Он был доволен собой и жалел, что их диалог не слышал Игорь Петрович.

Еще несколько дней Сурен часто встречался с Брэдшоу и двумя другими, только что приехавшими американскими членами экипажа — Шварцкопфом и Сегалом. Затем программа подготовки разлучила их. Акопяну предстояла новая, совершенно необычная для космонавта роль. Он становился центральной фигурой планируемого полета. И при этом, как ни странно, должен был трудиться куда меньше, чем остальные космонавты. Можно сказать, даже просто отдыхать...

Как известно, посылка на Фобос сверхчувствительно и высокоинтеллектуального робота дала нулевые результаты. Стальной паук чуял искусственные биопульсы из-за преграды, но либо «не понял» команды, заключенной в них, либо не сумел ее выполнить. Вероятно, сигналы устройства, запрятанного неведомыми посетителями Фобоса, рассчитаны не на кибера, пусть даже самого совершенного, а на живое разумное существо.

И все-таки, даже посылая в таинственную «пещеру» человека, следовало повысить шансы на удачу. Ведь первый визит Акопяна ничего не дал. Приглашение войти, сделанное на частоте биополя, Сурен принял, но забрел в тупик, без толку рубил стену лучом лазера, и «сезам» не открыл двери. Скептики говорили, что у Акопяна и не могло ничего получиться: то ли за стеной камеры глухая скала, то ли механизм, открывающий проход, просто одряхлел с годами... как знать — не за миллионы ли лет? Но оптимисты, а таковых было большинство, не соглашались с этим. Если был передан и

принят приглашающий сигнал — значит, механизм работает. И робот с «Дэниэла Буна» ощущал другие импульсы, уже находясь во внутреннем помещении, — это зафиксировано... А тому, что Сурен во время первой экспедиции не сумел услышать и понять новые команды, могло быть много причин. Помехи, психическое состояние бортинженера, отсутствие готовности — «настройки» на биоконтакт. Но главное, вероятно, усталость. Огромная, не столько физическая, сколько нервная усталость, накопившаяся за месяцы полета.

Вот ее-то, усталости, решили не допустить.

Идею, как ни странно, высказал сам Волновой, а точнее — его жена Валерия Сергеевна. В этом признался сам руководитель отряда космонавтов. На дворе стоял зябкий, неуверенный март; супруга доктор медицинских наук, светило отечественной гастроэнтерологии, устраивала Игорю Петровичу регулярные разносы по поводу того, что он ест мало зелени. «Как бы хорошо мы ни питались всю зиму, весной все равно наступает ослабление организма. Это биологический ритм, ему миллионы лет... Сейчас как никогда важно вводить в организм витамины, — впускала Валерия Сергеевна. — Вон, медведь что делает после зимней спячки? Сразу ищет первую травку. А у тебя верный инстинкт подавлен разумом...» — «Что? Что ты сказала? — вдруг оживился Волновой. — Верный инстинкт подавлен разумом?» — «Ну да», — удивленно подтвердила жена.

«Значит, после зимней спячки рефлексy у медведя обострены?» — «Конечно. Ведь мозг на протяжении нескольких месяцев находится в состоянии полного отдыха». — «Ну ты же у меня и умница!» — внезапно умлился Волновой, расцеловал Валерию Сергеевну... и нескладанно обрадовал ее, истребив целую миску салата.

Через три дня Игорь Петрович собрал в своем просторном кабинете руководство Звездного городка: присутствовал также новый, усиленно напущавший на себя

серьезность заместитель министра. В углу скромно пристроились Стрижова, Панин и Акопян.

Волновой, как всегда, изложил свою мысль кратко, без словесных узоров. Ни у кого нет сомнений в том, что искусственную «пещеру» на Фобосе должен обследовать ее первооткрыватель — Акопян. Но чтобы увеличить вероятность успеха, Акопяна надо подготовить особым образом. Сигналы из толщины скал адресованы непосредственно мозгу? Значит, мозг должен быть в наилучшей форме для приема этих сигналов. Факторы перелета действуют угнетающе? Стало быть, надо свести действие этих факторов к минимуму, чтобы на Фобосе вышел свежий человек, не измученный ускорениями, перегрузками, многомесячным сидением в стальной коробке. Как этого добиться? По расчетам, сделанным по просьбе Волнового на компьютере центра психофизиологической, гипнотического отдыха будет недостаточно. Есть предложение погрузить Акопяна в долговременный сверхглубокий сон — анабиоз. Пусть проведет время вплоть до прибытия к цели в специальном боксе, при пониженной температуре. Такие устройства есть в институте криогенной биологии. Все жизненные процессы будут приостановлены. Сурена следует «разбудить» только перед самой высадкой на Фобос. Он приступит к работе полностью отдохнувший, с чистым мозгом и «обновленными» реакциями, чуткими, как у новорожденного.

— Интересно, а кто будет исполнять обязанности бортинженера? — не выдержал в своем углу Акопян.

— Бортинженеров у нас хватает, — строго сказал Волновой. — А человек, побывавший в «пещере» Фобоса, пока один. Если тебя не устраивают твои новые штатные обязанности, можешь отказаться. Твое право.

Сурен поспешно сказал:

— Нет-нет, я готов. По крайней мере принесу пользу людям, как утешал петух, когда его несли на кухню!

Участники собрания оживились, прозвучал смех.

— Я бы на вашем месте не спешил с изъяснением готовности! — покачал головой замминистра. — Мы пока еще только выслушали предложение товарища Волнового. Оно несколько... э-э... неожиданно, и его следует подробно обсудить. Ваше мнение, Семен Васильевич?

Тарханов, мгновенно обретая академическое величие, наморщил лоб и задумался. Все ожидали в молчании. Наконец начальник психофизиослужбы сказал, пожимая плечами:

— Не знаю. Вроде бы симпатичная идея. У меня особых возражений нет. Пожалуй, только небольшое дополнение. Вы не боитесь, что за время спячки организм изрядно истощится? Тогда и чуткость мозга пострадает...

— Ну нет! — возразила Марина. — Обмен веществ будет настолько замедлен, что ткани не успеют отдать свои запасы.

— Пожалуй, — кивнул Тарханов. — К тому же можно будет все время оценивать состояние «спящего» по данным приборов. Если надо, подкормим. То ли с помощью зонда, то ли ненадолго разбудив. Там решим.

— Допустим, — густым басом сказал коренастый, густобровый начальник комплекса тренажеров. — А как с адаптацией? Ведь уснет он при искусственном тяготении, в то время как на Фобосе практическая невесомость. Такой резкий переход может также отрицательно сказаться на работоспособности, на нервных реакциях...

— Вот именно, — назидательным тоном сказал замминистра. Ему явно не нравилось предложение Волнового, и он искал предлога, чтобы восстановить присутствующих против идеи анабиоза. — Как вы решите проблему адаптации?

— Ну на этот вопрос, наверное, я и сам отвечу, без помощи медиков. — Игорь Петрович поднял указательный палец. — Гипноз! Мы проведем адаптацию в ускоренном темпе, за несколько часов, перед самой высад-

кой. В эти часы может быть вложено субъективное ощущение нескольких прожитых суток. Сначала Сурену будет казаться, что он работает при нормальном земном тяготении — «единице»; затем при половине, при четверти и так далее, вплоть до нуля. Подобные опыты проводились. Верно, Семен?

— Верно, — подтвердил Тарханов. — Но все равно, прежде чем принять окончательное решение, надо будет поставить эксперимент. Скажем, анабиоз на двое-трое суток с постепенным выходом в условиях гипновнушения.

— Правильно! — обрадовался замминистра. — Сейчас ничего не будем решать. Сначала — эксперимент! Так и постановим...

— В принципе и мне идея кажется интересной, — задумчиво произнес главный конструктор корабля, старик с традиционной «профессорской» внешностью. — Но... здесь кто-то говорил о необходимости поместить в корабль устройство для анабиоза? А мне помнится, что оно представляет собой этакий саркофаг с собственной системой жизнеобеспечения, весом не в одну сотню килограммов. Знаете, сколько это потребует добавочного топлива? Не говоря уже о том, что «Контакт» полностью собран, готов к полету; весь корабельный инвентарь, все экспедиционные запасы распределены по местам, на учете каждый кубодециметр помещений... Куда вы намерены поставить ваш ящик? — Конструктор воинственно задрал седую бородку клинышком.

В кабинете опять воцарилось долгое, тревожное молчание. Только лицо замминистра окончательно прояснилось, даже легкая улыбка заиграла в углах губ. Он никак не хотел отвечать за космонавта, три с лишним месяца покоящегося в охлажденном саркофаге на грани смерти...

— Гм... Можно мне? — как школьник, поднял руку Акопян. Волновой с сомнением покосился на «кавказца», но все же разрешил.

— Я, конечно, не ученый, но своим инженерским умом так понимаю... Что главное для устройства анабиоза? Герметичность и теплонепроницаемость. Этим условиям прекрасно соответствует «Аннушка»... то есть автономная капсула, «шлюпка». Положите меня внутрь той самой «шлюпки», в которой я позднее полечу на Фобос: проведите туда все необходимые коммуникации, и... И не надо никаких добавочных площадей, резервов топлива! Просто и дешево.

Против такого предложения было трудно возразить. Посовещавшись, решили включить в эксперимент и это условие: превратить ракетную «шлюпку» в камеру для анабиоза.

Затем осталось обсудить несколько мелких деталей, что и сделали буквально за минуту. Кто-то высказал сомнение: справится ли экипаж «Контакта» с новым, не предусмотренным в штатном расписании набором обязанностей — наблюдением и уходом за «спящим»? Скептику ответил главный кибернетик ЦУПа: основную нагрузку возьмут на себя не люди, а компьютеры, которые, как известно, имеют хороший запас информационных емкостей. Другой участник собрания предложил провести адаптацию Акопяна к невесомости без гипноза, с помощью искусственного тяготения. Тарханов возразил — гипноз необходим для ускоренного приспособления, чтобы втиснуть часы субъективного времени в минуты реального. Наконец, Стрижова предложила провести эксперимент на астероиде-спутнике и «разбудить» Сурена при почти полном отсутствии веса. Это будет как бы имитация высадки на Фобосе.

Предложение Марины приняли единогласно. Затем высокие должностные лица отбыли; секретарша Волного внесла чай, и Семен с облегчением хлопнул Акопяна по плечу:

— Завидую! Вот уж отоспишься — на сто лет вперед...

ВРЕМЯ УСКОРЯЕТСЯ

— ...Если для расшифровки подпорогового сигнала не хватит мозга Акопяна, даже освеженного, мы его подстрахуем. Корабль оборудован специальными компьютерами двух родов, и они будут все время связаны с датчиками на теле Сурена. Машины первой группы должны зафиксировать импульс из «пещеры» и усилить его, если не заметит человек. Вторая группа, с большой емкостью памяти, со способностью самонастройки и самообучения, предназначена для того, чтобы раскрыть код сигнала, а если надо, то и предложить человеку программу действий, подсказать, как себя вести...

— Компьютеры! — «Наш министр» слегка усмехнулся — едва скривил губы, — но главный кибернетик почувствовал обиду. — Думаю, на «Дэниэле Буне» они были не хуже... — И, заметив выражение глаз собеседника, поспешил добавить: — Вы уж меня извините; может быть, я ретроград, но... Боюсь, что здесь не помогут даже самые совершенные машины. Это задача для человека, и только для него. Если Сурен не справится, значит, придется отложить эксперимент на много лет. Подготовить второй такой полет — задача непростая и недешевая... К тому же у космофлота много других дел.

— Полагаю, что, если Акопян не выполнит задания даже с помощью наших машин, то не помогут и годы! — не без яда ответил главный кибернетик. — Значит, орешек не по зубам человечеству!...

— Ну почему же... Есть люди с повышенной чувствительностью к биоизлучению. Когда-то их неправильно называли экстрасенсами — сверхчувственниками. Может быть, удастся составить экипаж из таких людей...

— Так отчего бы с этого и не начать?! — взвился

ученый, все еще кипевший обидой. — Зачем вам Ақопян, с точки зрения чувствительности человек вполне средний?

— По многим причинам... — Геннадий Павлович сдержал улыбку, чтобы вконец не расстроить ранимого собеседника. — Прежде всего он первооткрыватель и имеет некоторое моральное право... э-э... довести начатое дело до конца. Во-вторых, Ақопян не столь уж средний, это доказано опытами. В-третьих, чтобы выявить по миру хороших экстрасенсов, а затем обучить их и сделать космонавтами, тоже нужны годы и годы. Может быть, самые чувствительные окажутся вовсе не пригодными для полета... Стало быть, эта экспедиция своевременна и необходима. И именно в таком составе. Проиграем — что ж, будет время испытывать другие варианты...

— Ага! — воскликнул кибернетик, поднимая палец. — Теперь я вижу, как вы настроены! Если тайна Фобоса будет раскрыта, все лавры достанутся вашему гениальному Ақопяну, а о моих машинах не будет сказано ни слова. В случае же провала вы лишний раз подчеркнете бессилие компьютеров и будете искать телепатов и ясновидцев...

Тут уже Геннадий Павлович не выдержал и по-мальчишески прыснул...

Вероятно, Сурену было бы лестно узнать об этом разговоре министра с маститым кибернетиком. Но наш герой, увы, не был посвящен в секреты «высших сфер». И потому чувствовал себя достаточно неуверенно, расхаживая по залу подмосковного космоаэропорта Чкалов. Что-то ждет его там, в заоблачной выси, на астероиде, превращенном в сплошное скопление цехов и лабораторий? А вдруг он не выдержит назначенного испытания — сорокавосьмичасового сна-анабиоза и его придется «разбудить»? Или окажется, что гипнотерапия не дает нужного эффекта — отдыха мозга, и полет вообще бессмыслен?..

Он ходил вдоль прозрачной стены второго этажа; видимое с высоты, до горизонта расстиралось зеркально-серое пластобетонное поле с красными посадочными полосами. За краем неестественно-гладкой, как озеро в штиль, равнины можно было разглядеть волнистый гребень леса и нечто вроде настольного украшения — подставки с игрушечным самолетиком. То была знаменитая чкаловская горка, вернее, ее точная копия, установленная несколько лет назад. Именно отсюда великий летчик прошлого века стартовал со своими отважными товарищами, начиная прыжок через океан — фантастический для того времени перелет, не менее дерзкий, чем сорок лет спустя рейс на Луну или еще через три десятилетия — к Марсу... Для взлета тяжелой машины, «под завязку» заправленной горючим, потребовалась специальная горка разбега. Потом ее сняли и восстановили лишь недавно, к юбилею подвига. И предмет, казавшийся издали игрушкой, был на самом деле натуральным, взятым из авиамузея самолетом АНТ — близнецом того самого... Машина с огромными буквами СССР на широких толстостенных крыльях (прямо в крыло вливали топливо) неподвижно стремилась к небу. Сурен не раз бродил по лесопарку вокруг памятника и думал: почему не кажется ни наивным, ни неуклюжим этот мамонт авиации? Очевидно, совершенная форма, полностью соответствующая назначению машины или орудия, кажется прекрасной всегда. Находим же мы красоту даже в каменных, любовно отшлифованных топорах неолита... И ведь всего-то неполное столетие лежит между этим красавцем на горке и орбитальными суперсамолетами, величаво проезжающими чуть ли не рядом, по упругому пластобетону. И живы еще глубокие старики, детьми видевшие проезд Валерия Чкалова по московским улицам, под дождем цветов...

К описываемому времени астероид обзавелся весьма пристойным пассажирским космопортом; он принимал рейсовые машины из Москвы, Нью-Йорка, Виннипега,

Ленинграда, Мехико, Каира... Лайнер, который должен был везти Сурена, уже запрошенный и готовый к посадке, стоял под вокзалом — чудовищная китообразная машина ростом с пятиэтажный дом, короткокрылая, облепленная пуговицами иллюминаторов. Казалось странным, что такая конструкция вообще может взлететь, — но орбитолеты давно стали надежным, безотказным средством передвижения.

Слава богу, для Аэрофлота двухтысячных годов погода ровно ничего не значила. Точно по расписанию зажглись зеленые табло, и голос дикторши, от прабабушек унаследовавший традиционную интонацию — мол, надоели вы мне, товарищи пассажиры, — монотонно сообщил, что у третьего выхода начинается посадка на транзитный орбитолет, рейс 327, Москва — Молодежный — ИСЗ «Восток». (Именно так, в честь гагаринского корабля, назывался теперь астероид. Акопяну мельком подумалось: а можно ли называть вторую Луну «искусственным спутником»?..)

Сурен подхватил сумку на длинном ремне и с юношеской резвостью устремился вниз по просторной лестнице. Проводов он не терпел, жена осталась дома. Навстречу эскалаторы несли толпу прибывших, в основном темнокожих и пестро одетых — приземлился лайнер из Мозамбика... Лавируя между бесчисленными указателями, информколонками, рекламными стендами и киосками со всякой всячиной, мимо опаловой выпуклой стены ресторана, Акопян выбежал к устью телескопического посадочного тоннеля.

Входя в тоннель, ему пришлось шагнуть сквозь широкую овальную раму — в толщину она была усеяна стеклянными глазками, светящимися и темными. Хитрые сенсорные устройства этого пропускника проверяли багаж и одежду пассажира — на металл, на взрывчатку, на наркотики. В случае необходимости могли мгновенно упасть с двух сторон стальные щиты и даже хлынуть усыпляющий газ. Но Сурен прошел и эту

преграду, и следующую — электронного контроля. Авиабилеты давно были заменены перфокартами, которые следовало сунуть в соответствующую щель. Никелированная штанга отодвинулась, и бывшего бортинженера подхватил ленточный транспортер. Акопян бы и сам прекрасно добрался, но пассажиры бывали всякие, в том числе и весьма почтенного возраста. Комфорт орбитолета позволял описывать заатмосферные траектории и старикам, и грудным детям. Впереди Сурена ехала на упругой ленте опрятная старушка патриархального вида, в белом платочке и темном платье, с двумя пухлобокими кошелками — явная сельская жительница. Что там, в сумках? Нечерствеющий домашний хлеб? Масло в горшочках? Румяные яблоки?.. Наверное, все это и еще многое другое. Кого она летит навещать — сына, дочь, внука? Кто этот потомок скромной крестьянки из-под Пскова или с Полтавщины? Вахтенный оператор в Молодежном? Гелиометаллург на «Востоке»? Физик-вакуумист, гляциолог, генетик... или простая медсестра? Странные настали времена. Девчонкой-дошкольницей слушая по радио в отцовской избе сообщение ТАСС о полете первого космонавта, могла ли подумать нынешняя бабуся, что переживет грозное и увлекательное XX столетие, и со всеми привычными пирогами да соленьями спокойно войдет в XXI, и теперь вот отправится со скоростью восемь километров в секунду повыше и подальше, чем Гагарин?!

Место Сурена было в носовом салоне третьего яруса. Благодаря изолирующей обивке звук разгоняемых двигателей был почти неслышим, но все равно этот салон считался привилегированным. Устраиваясь в кресле, Акопян отметил, что орбитолет куда теснее, чем давешний дирижабль, на котором он летал в Америку. Место все же приходилось экономить. К тому же здесь не было ни ресторанов, ни баров. Даже вот такой транзитный перелет, фактически вокруг планеты, продолжался не более двух часов. В лучшем случае тележка-

робот развозила бутерброды, соки и чай (в эластичных «грушах», по-космически).

Сурен из щегольства не откинул спинку кресла до предела, как это рекомендовалось при взлете. Все же он межпланетный «волк»! Но ремни застегнул как полагалось, иначе на мнемосхеме в штурманском отсеке горел бы тревожный сигнал...

Старт прошел без приключений. Могучий органичный рев, точно через подушку; дрожь гигантского корпуса, покачивание на разбеге... головокружительная секунда отрыва, тяжесть, наваливающаяся на грудь... Но подъем совершается плавно, постепенно, и через пять минут все неприятные ощущения проходят. А скоро, говорят, на орбитолетах будут стоять генераторы искусственной гравитации; тогда даже младенец не проснется на руках у матери...

Слой облаков был пробит почти мгновенно; неправдоподобно чистая голубизна сгустилась до гуашевой синевы, почернела; остро сверкнули в ней граненые алмазы звезд. Лайнер выполнял дугу над основной массой атмосферы, в мире черной пустоты и слабых ионосферных сполохов. Вес исчез; тело Сурена, воспарив, натянуло мягкие ремни. Затем созвездия размазались светлыми полосами, снизу краем бело-голубой пенной чаши поднялась планета. Тяжесть вернулась толчком, на мгновение к горлу подкатила тошнота. Коррекция с помощью бокового двигателя, небольшое исправление курса...

Сквозь сплошные тучи орбитолет приземлился на Берег Принца Улафа. В ледяной пустыне был с идеальной точностью вышлифован космоаэродром; за окнами мелькал белый, отполированный лазером борт многокилометрового «корыта». Тряски было не больше, чем на пластобетоне Чкалова. Навстречу вставал из снежного тумана влажный пузырь Молодежного — второго по величине города Антарктиды. Над секущей поземкой тянулся к орбитолету хобот тоннеля. Бац! «Состыкова-

лись», — привычно определил Сурен. Судя по табло информатора, за бортом было 55 градусов мороза. Никто из прилетевших так и не почувствует дыхания Южного полюса... если, конечно, сам не попросится на лыжную прогулку за пределы города под куполом.

На сей раз Акопяну не суждено было повидать пальмовые рощи и синие озера с лотосами, скрытые под прозрачной броней Молодежного. Мелькнуло, вставая дыбом, однообразно-белесое побережье с пологими горами; забитая ледяной кашей бухта и над ней солнечно-желтый шар японского города Сева... И снова орбитолет устремился к звездам.

Чтобы догнать астероид и состыковаться с ним, пришлось сделать полный виток вокруг Земли. «Вторая Луна» летела в ночной течи. Сначала она виделась крупным мерцающим светляком, затем стала гроздью необычайно ярких разноцветных огней. Сурен различал свет жилых корпусов, причальные прожектора, цепочки фонарей вдоль подвесных дорог...

...— Значит, для начала температуру тела мы понизим градусов до тридцати двух — тридцати четырех. Если будет недостаточно, заморозим глубже.

— Не прерывая опыта?

— Ну конечно. Все равно сигналы организма выведены сюда, — если будет что-то тревожное, успеем прервать...

— Хм... А я бы предложил сразу до двадцати пяти.

— Могут пострадать форменные тельца крови.

— Вряд ли. Последние эксперименты Лорена и Висбаха...

— Господи! — воскликнул Акопян. Он лежал в раскрытой «Аннушке», одетый в специальный гермокостюм, точно гигантская муха, окутанная паутиной проводов. — Болтают, как будто меня тут нет! «Успеем прервать», «вряд ли...» А если не успеете?!

— Ну что ж, я лично прослежу, чтобы барельеф

на мемориальной доске был похож на дорогого усопшего! — не моргнув глазом, ответила Марина.

— Особенно благородная кавказская линия носа, — добавил Тарханов.

— Людоеды... Что ж! Я связан и беспомощен, пейте мою кровь!

— Сейчас, только стаканы принесем, — откликнулся Семен и приложил палец к сенсорной панели пульта. В медцентре астероида, под низким куполом с традиционными «бегущими облаками» их было трое: Тарханов, Стрижова и профессор Добрак, специально ради такого случая бросивший свою виллу в Чешских Татрах, где он жил теперь почти безвыездно. «Аннушка» стояла за прозрачной стеной, на полу большого экспериментального отсека, из которого было вынесено почти все оборудование.

Створки ракетной шлюпки медленно сомкнулись. Теперь лицо Сурена можно было видеть лишь на одном из многочисленных телеэкранов. Легкое движение пальцев Тарханова, и опускается забрало гермошлема. В динамиках звучит театрально-напыщенный голос подопытного:

— И мучители закрыли крышку гроба над своей невинной, заживо погребенной жертвой!

— Мало того, они при этом еще развлекались приятной музыкой! — сообщил начальник психофизслужбы, включая гипнофон. Теперь Акопян слышал в наушниках тщательно подобранные нежные, завораживающие мелодии; по лицу его, странно меняя внешность, пробегали разноцветные световые волны.

— Беспробудный свинцовый сон... э-э... сковал его члены, и могильный холод... м-м...

Сурен хотел договорить до конца очередную остроту, но гипнопрограммисты знали свое дело. Язык уже не слушался. С минуту продолжалось бессвязное бормотание; затем приборы сообщили, что подопытный спит глубоким сном.

— Отлично, — сказал Тарханов. — Теперь фиксация.

Марина коснулась пульта. Из-под ложа Акопяна в «Аннушке», будто щупальца спрятавшегося осьминога, выхлестнули две пары мягких манипуляторов, обхватили руки и ноги.

— Вращение!

Приглушенно зажужжали сервомоторы, край эластичной «кушетки» чуть поднялся. Теперь Сурен вместе с ложем будет вращаться вокруг своей оси со скоростью один градус в час. В полете это послужит для предотвращения пролежней; пока что — лишь для точного воссоздания полетных условий...

— Порядок. Что ж, теперь можно и охлаждать.

— До какого уровня? — поднял седые брови Добрак.

Семен почесал переносицу, размышлял. Затем ответил:

— Как говорится, ни по-нашему, ни по-вашему, пан профессор... Давайте до тридцати, а?

— Вам бы в старое время конями торговать, кого угодно уговорите...

— А что? Во мне есть цыганская кровь. Со стороны прабабки...

Ко времени описываемых событий гипотермия — охлаждение живых организмов в научных и лечебных целях — перестала быть чем-то необыкновенным. Ее сплошь и рядом использовали в селекции, генной инженерии: можно было хоть на другую планету перевозить замороженные половые клетки, хранить их бесконечно долгое время, спокойно вмешиваться в ход многократно замедленного развития, в структуру хромосом, «остановленных» на определенном этапе деления. Охлаждение мозга во время сложных медицинских операций до тридцати и ниже градусов также стало привычным и не оставляло никаких следов. Часто гипотер-

мий отдельных органов больного или всего тела заменяла наркоз: болевые сигналы просто не успевали добраться до мозга. У хирургов появилось время подумать и посоветоваться (между собой или с ЭВМ) даже в самые острые моменты операций, которые без целебного холода обернулись бы трагедиями. В случае угрожаемого состояния пациента жизнедеятельность клеток тормозили холодом — и сколь угодно долго проводили консилиумы, вычисляли, экспериментировали, решали, как лечить дальше. Стали рядовыми случаи, когда быстрое замораживание больного служило для остановки самого обильного кровоизлияния: предотвращало инфаркт, перитонит, рост опухолей и многие другие смертельно опасные ситуации.

Да, сама по себе гипотермия не представляла для наших героев ничего особенного. Другое дело — совмещенный с ней гипноз. Ведь в ходе сорокавосемичасового эксперимента Тарханов и его коллеги собирались проверить «эффект субъективного времени». То есть заставить Акопяна на несколько минут переживать «добавочные» часы или сутки. Это было необходимо, во-первых, для того, чтобы испытать гипноадаптацию — внушение, с помощью которого Сурен ускоренно приспособится к тяготению на Фобосе. Во-вторых, следовало установить: действительно ли мозг настолько «отдыхает» в анабиозе, что становится чутким регистратором биосигналов? В реальном масштабе времени — за двое суток — мозг попросту не успеет настолько очиститься от накопленной усталости. Экспериментаторы попробуют внушить Сурену, что он почивает не менее месяца. Если гипноз не даст нужных результатов, придется опять усыплять будущего разведчика и держать его в гипотермии чуть ли не до самого старта: может быть, тогда мозг «отдохнет», так сказать, естественным путем... Но подобная затяжка нежелательна. Ведь во время подготовки к полету ученым нужен бодрствующий Акопян — для него есть немало других задач. На-

пример, никто, кроме самого Сурена, не сумеет должным образом наладить связь между мозговой деятельностью Акопяна и компьютерами — тут надо пробовать, подключаться, отключаться, искать наиболее плодотворный вариант «сотрудничества»... Кроме того, проводочка в несколько недель, натурный опыт с анабиозом могут поставить под удар весь полет. А вдруг схема не сработает? Мозг после охлаждения откажется реагировать на сигналы биополя? Что тогда? Ломать график, переносить запуск, искать другого, более чуткого разведчика — или наобум, наудачу посылать Сурена? Без всякой гипотерапии? Авось справится... Нет. Надо все знать заранее. Без гипотетического ускорителя времени не обойтись.

Итак, механизм был запущен. Дежурство на пульте шло днем и ночью. Тарханов, Стрижова и Добрак сдали свою «смену» опытным операторам из астероидной клиники. Но когда на вторые сутки пошло ускорение времени, Семен не утерпел, снова взял пульт в свои руки и не отдавал его до конца опыта, хотя и падал с ног от усталости. Старый Иржи Добрак трудился рядом — и, надо сказать, намного превосходил работоспособностью младшего по возрасту коллегу. Суетливый, с «артистической» седой гривой профессор будто не чувствовал потребности в сне или передышке: в отличие от Семена, он даже не пользовался крепким кофе: «боюсь за сердце». Марина боролась с усталостью по-своему и тоже вполне успешно: пару часов работала, затем минут тридцать-сорок спала, свернувшись в кресле, и опять, освеженная, садилась к пульту. («Это не простой сон, а йоговский. Тоже вроде анабиоза, только усилием воли», — объясняла она.)

...На многочисленных табло дышали цифры и графики. Неподвижное лицо подопытного в раме телеэкрана уже порядком приелось, на него не смотрели, зато табло вызывали неизменный интерес. Уж на них-то Акопян был в полном смысле слова виден насквозь. Температу-

ра на поверхности тела... под кожей... внутри грудной клетки... в правом предсердии... Электрохимические потенциалы... Прохождение импульсов по нервам... Содержание воды в организме... Ага — пониженное! Сухость во рту... Все — компьютер среагировал. Повышена влажность воздуха в «саркофаге». Через мундштук, введенный манипулятором в уголок рта, течет струйка воды. Табло номер восемь фиксирует глотание... Табло номер двадцать один сообщает: началось выделение желудочного сока...

Но все это было лишь физиологическим фоном процессов, происходивших в мозгу. Тех главных процессов, ради которых и был затеян эксперимент. Вот уже несколько часов попеременно, а то и параллельно работали две гипнопрограммы. Два голоса звучали под шлемом спящего Сурена — нашептывали, пели, уговаривали, кричали. Записи, разработанные международным коллективом гипнологов, были начитаны лучшими актерами. Один голос убеждал, что тело Акопяна становится все легче — как пузырь, надутый воздухом, — что постепенно теряют вес пальцы рук, пальцы ног, ладони, ступни, локти... Это шло внедрение чувства невесомости — вопреки реальной тяжести, которую поддерживала гравитационная установка медцентра. Второй голос внушал, что Сурен слышит стук часов. Вот ползет минутная стрелка; если смотреть долго, можно заметить и движение часовой... Навязанный гипнозом темп времени был в двадцать четыре раза быстрее подлинного. Сутки ощущаемой жизни за реальный час. Каждые полчаса Акопяну наговаривали то образ солнечного восхода, то впечатление ласкового летнего заката. В промежутках проходили внушаемые дни — бесконечно долгие, ленивые дни у моря, наполненные нехитрыми курортными развлечениями. Купание, игра в мяч на пляже, веселый обед с новыми знакомыми, прогулка по горам, легкий «отпускной» флирт с блондинкой из Ленинграда... Гипнопрограмма не предусматривала ника-

ких напряжений, умственных занятий. Полный тридцатидневный отдых.

Правда, в последние «дни», судя по сигналам приборов, характер сновидений Акопяна изменился и вроде бы вышел из рамок внушенного сюжета. Впрочем, это не мешало отдыху: мозг не напрягался, состояние нервов было спокойное, эмоции самые приятные. Более того, Сурен явно наслаждался своими новыми, не предусмотренными программой переживаниями!..

Пришлось применить метод съемки импульсной картины с сетчатки глаз — тот самый, которым пользовались во время гипнорепродукции. Компьютеры превратили пляску биотоков в четкие цветные видеок cadры. Оказывается, Сурен и «не думал» покидать морской берег. Только теперь уже не купался, не гонял по песку футбольный мяч, а... летал. Целыми днями, подобно дремлющему орлу, парил то над пляжем, то над мелководным заливом, чьи желто-зеленые прозрачные воды лишь у горизонта переходили в синеву глубин. Нежил-ся в потоках восходящего теплого воздуха или отлетал на несколько километров, подхваченный струей свежего ветерка. Как это ни странно, «запрограммированная» ленинградская блондинка была тут как тут: днем загорала на красном матрасике, вечером прогуливалась под пальмами по набережной... и ждала, пока к ней слетит из подоблачных высей крылатый Сурен. Но тот, увы, уже не мог спуститься на грешную землю, словно был не человеком, а воздушным шаром; самое большее, что удавалось Акопяну,— это зависнуть над головой своей «симпатии» и поддерживать светскую беседу, сопротивляясь порывам ветра...

Просмотрев с двадцатичетырехкратным замедлением видеозапись «ускоренных» снов и непочтительно посмеявшись над подопытным, медики без лишних споров сделали вывод: первую гипнопрограмму спутала вторая! Полетами над морем обернулась для Сурена внушенная невесомость...

И лишь в последние минуты перед пробуждением появилось нечто действительно тревожное, загадочное... Правда, это неожиданное состояние продолжалось всего несколько секунд: но Сурен, вопреки всем намерениям очистить его мозг и оздоровить нервы, прямо-таки излучал страх, ненависть, злобу...

...Тарханов остался доволен результатами опыта. «Воскресший» Акопян действительно чувствовал себя, как после месячного отдыха у моря. «Только что не загорел», — шутил он. Мозг чутко и остро воспринимал даже слабые биоимпульсы. Правда, это была не та степень, которая требовалась для работы на Фобосе, но главная проверка состоялась: анабиоз повышает чувствительность. Приспособление к подлинной невесомости, как и реадаптация к искусственной тяжести прошли легко и без заминок. К бурной радости подопытного, Семен официально рекомендовал «включить Акопяна Сурена Нерсесовича в состав экипажа космического корабля «Контакт» в качестве космонавта-исследователя». Все ближе становился день запуска...

...Лишь эту коротенькую видеопленку Тарханов так и не решился показать Сурену. И коллег-врачей попросил помалкивать... Нечто на пять-шесть секунд взорвавшее все программы. Диковинный всплеск подсознания. Темнота ночных зарослей: древко копья, судорожно зажатое в руке, и огненные глаза хищника впереди...

Глава XI

СВЯЩЕННАЯ ЖЕРТВА

...Он лежал на груде мягких, но дурно пахнувших пушистых шкур. От прежнего Акопяна осталась, пожалуй, только внешность. Появилась новая личность, почти начисто вытеснившая сознание Сурена. Теперь это был обитатель пещеры, который не обращал внимания

на смрад плохо выделанных шкур, на копоть, стелившуюся от костра, на острые запахи гнилого мяса и человеческого пота. Все было привычно, естественно. Тот, другой, уже целую вечность жил в этой высоченной, словно неф католического собора, вечно темной пещере. Ему был известен до мельчайших подробностей этот природный «зал» с парусами гигантских стрельчатых сводов, которые сходятся самой настоящей семилучевой звездой, будто сделанной по проекту архитектора: со стенами, сплошь поблескивающими изморозью маленьких кристаллов. Он сотни раз пробирался бесчисленными коридорами, расплзающимися от центрального «зала», ведущими то к солнцу, то в глубь земную, то сжимающимися наподобие крысиной норы, то выводящими в иные просторные помещения, где минеральные натёки за тысячи веков образовали подобия лиан, могучих стволов, фигуры сказочных зверей. Самые смелые охотники племени бывали еще дальше: они рассказывали о подземных озерах, где плещутся белые безглазые рыбы: о том, как, потревоженные светом факела, вихрем срываются мириады летучих мышей... Некоторые, по их рассказам, встречались под землей с самыми невероятными чудовищами: но он давно научился отличать правду от выдумки, даже самой затейливой... Он был молод, но в племени его ценили за мудрость, храброе сердце и талант охотника.

Собственно, потому он и выбран в жертву... Один из двух лучших. Второго уже нет. Вчера не стало.

...Охотник лежал на груди шкур, рассматривая чуть видимые в багряных бликах костра изображения на каменной стене. Плоскость высотой в четыре человеческих роста и длиной в сотню шагов почти сплошь покрыта рисунками. Для непривычного глаза это неимоверная путаница линий и цветовых пятен. Для посвященного — летопись племени за много-много снегов. Наверное, еще сосал материнскую грудь прадед нынешнего Старика, когда стену начали разрисовывать, отме-

чая все выдающиеся события. Вот знаменитая охота, случившаяся до его рождения: целое стадо быков, нарисованных рыжей охрой и мелом, жирно обведенных по контуру углем, мчится прямо в ловушку, обозначенную двумя линиями, сходящимися клином. Проламывая замаскированный настил, животные низвергаются в громадную яму, а вокруг пляшут человечки с кольями, готовые добывать пойманных быков. Есть тут и мамонт, три снега тому назад растоптавший Носача, лучшего врачевателя, знатока магических заговоров и целебных трав. Вон как задрал свой бивни, закрученные чуть ли не в спираль, а под ногой распластанная фигурка... Был бы жив Носач, наверное, не случилось бы нынешней беды. И Друг остался бы в живых. Ну да что горевать попусту! От Праматери, из недр земли, расположенных глубоко под обитаемой пещерой, еще никто не возвращался. Щербатому, уверявшему, что он видел далеко внизу, сквозь колодец в каменных пластах, как сидят вокруг своих костров ушедшие,—Щербатому верить не приходится. На самом деле, никто не знает, что делается там... Может быть, раньше знали? Среди рисунков есть изображения странных существ в длинных накидках—они вдвое выше, чем люди, у них большие головы и круглые, как у совы, глаза. Старик утверждает, что это духи преисподней, слуги Праматери, явившиеся к далеким предкам, чтобы возвестить им волю владычицы. Им-то, духам, мы и приносим жертвы. Они вольны дать щедрую охоту или обречь племя на голод, залить землю дождями или иссушить зноем. Они посылают болезни и возвращают здоровье. Неподалеку от большеголовых изображен человек в странной позе. Он как будто летит, раскинув руки. Жертва, священная жертва!—человек прыгает со Столбовой Скалы,—она не нарисована, но это точно известно. Вчера с этой же самой скалы, похожей на костлявый старушечий палец, бросился Друг. Великая жертва, но велико и горе, которое она должна предот-

вратить! Гибель Друга оказалась бесполезной, духи не смягчили гнев. Значит, скоро его черед...

Странно, но факт. Память — не Сурена, а того, чужого, который почти начисто вытеснил личность Акопьяна, — говорит о годах, десятках лет, проведенных в этой пещере. Кажется, отсюда выходили только в лес на охоту... не так давно в поисках добычи он прокружил по зарослям до глухой темноты, и его чуть было не задрала громадная кошка, непохожая ни на одного из известных Акопяну кошачьих хищников. Да еще несколько лет назад выгнало всех вон мощное весеннее наводнение... Впрочем, жилье — его и его семьи, состоявшей из двух-трех женщин и целой кучи неимоверно грязных детей, — находилось совсем не здесь, а в извилистом боковом ответвлении. Место под «летописной» стеной считалось почетным. Здесь могли устраивать свое ложе только самые уважаемые люди племени: сам Старик, его взрослые сыновья, Хромой — художник-летописец... и священные жертвы, если таковые приходилось избирать!

Они с Другом стали священными жертвами недавно, не более половины луны назад. Почести им воздавали... если учесть крайнюю нищету племени, то можно сказать, что царские. Три-четыре раза в день подростки притаскивали жареное мясо и, в полном соответствии с местным этикетом, угощали, тыча самый жирный кусок прямо в рот...

Жертвы следовало приносить потому, что духи наслали на Старика болезнь. Большого несчастья, чем преждевременная смерть Старика, с племенем случиться не могло. Другое дело, если патриарх умирал от старости, выполнив до конца свой долг перед соплеменниками. Тогда уходящий Старик сам объявлял, что не желает долее пребывать на земле... а иногда и просил, чтобы младшие помогли перешагнуть порог царства духов, прервали дыхание... Сейчас было другое. Издревле люди знали: если Старик уйдет до времени, убитый

зверем или унесенный болезнью, начнутся страшные беды. Пошатнется мировое равновесие. Племя сгинет от морозов, засухи, бескормицы, от черного моря или стихийных бедствий... В это верили свято. Поэтому вчера прыгнул со скалы Друг. Старику немного полегчало — возможно, он прибодрился от самого торжественного ритуала, от потрясения, вызванного гибелью жертвы. Но к утру возбуждение прошло, и глава племени снова хрипит и мечется в жару на шкурах под заунывное пение колдуний, под треск их магических погремушек...

Собственно, какой же это Старик? Хотя он невероятно грязен, космат и изуродован кожными болезнями, все-таки можно понять, что патриарху не более пятидесяти лет. Но... он действительно старейший из мужчин! Здесь редко кто доживает даже до тридцати. Враждебная природа, неукротимые и многообразные недуги жестоко расправляются с людьми. Соплеменники очень рано взрослеют: отцами здесь становятся в девятнадцать лет, матерями в десять. Надо торопиться. Тем более что из пяти новорожденных выживает один...

Как скверно, что погиб Носач! Конечно, колдуны, глубокие сорокапятилетние старухи, знают целебную силу змеиных ядов, лесных трав, сушеного гриба или паутины. Но их искусство оказалось бессильным, как и бесконечные причитания, танцы и треск погремушек. С Носачом не мог сравниться никто. Он заставил бы духов сменить гнев на милость, Старик непременно выздоровел бы...

Ерунда, обернувшаяся трагедией! Скорее всего у этого Старика нечто вроде болотной лихорадки. А может быть, опасная разновидность гриппа. Тут, среди дыма, зловонья отбросов и полусырых кож, он обязательно умрет. Но наверняка хватило бы несколько ампул одного из наших антибиотиков, чтобы предотвратить конец патриарха — а значит, и роковой прыжок охотника со скалы...

Сознание Акопьяна, на краткий миг восторжество-

вавшее в теле первобытного дикаря, снова спряталось куда-то в глубину. Тот, другой — мужчина пещерного племени, готовый умереть для спасения людей и вместе с тем безумно боящийся завтрашнего дня,— старался принять величавую позу, возлежа на шкурах. Ему в очередной раз коленопреклоненно подавали грубый глиняный горшок с опьяняющим пойлом...

— Плюс двадцать пять, Семен Васильевич. И продолжает расти. Давление до ста шестидесяти: обобщенный показатель ноль-ноль семьдесят пять минус сорок.

Дежурный медик-оператор «Контакта» окончил очередной доклад и уткнулся в книгу. Корабль уже находился в сорока миллионах километров от Земли, и ответа Тарханова (даже если академик ни на мгновение не задумается) придется ждать более четырех минут.

Ага, наконец...

— Что у вас взято за ноль?

— Наземный анабиоз, шестнадцатый объективный час...

...Гипотермия Сурена была длительной, одной из наиболее длительных в истории медицины — если не считать, конечно, «экспериментов», которые ставили над собой западные толстосумы, решившие пролежать в искусственной летаргии сотни лет и таким образом попасть в будущее. Увы, ни один из них не вернулся к жизни... Акопян находился в холодном чреве «Аннушки» не дольше месяца — но и за этот срок у наблюдавших врачей появились серьезные опасения. Акопяна буквально лихорадило; прыгало кровяное давление, температура... Причина нарушений недолго оставалась тайной. Кадры, смоделированные компьютерами по глазным импульсам, рассказали о призрачной «второй жизни» Сурена; о странном и необычайно жизнеподобном сновидении, которое продолжается круглые сутки. Не помогали никакие гипнопрограммы. Спящий, волею непонятных механизмов подсознания «перенесенный» на десятки тысяч лет назад, в каменный век, буквально

перевоплотился в первобытного охотника. На «почетном месте» в глубине гигантской пещеры, вмещавшей целое племя, охотник ждал своей участи — смерти в качестве священной жертвы. Он должен был прыгнуть со скалы и разбиться, чтобы тем «умилостивить духов», якобы терзавших тело больного вождя. Жизнь рядового члена племени считалась ничтожной в сравнении с жизнью «мудрого и всеведущего» Старика. Вождь обладал магическими знаниями, обеспечивавшими союз человека с силами природы. По его просьбе, обращенной к сверхъестественным существам, могла меняться судьба всех соплеменников.

Разумеется, не само по себе сновидение, пусть даже и необычайно длительное, привело к нервным и органическим расстройствам. Оно было сопряжено с целым рядом острых, изматывающих переживаний: подавленностью, страхом перед неминуемой гибелью, горячными попытками найти выход, избежать страшного конца. Даже в обычном сне человек зачастую испытывает настоящий ужас, просыпается с криком, в холодном поту. Что же говорить о непрерывных, многодневных видениях галлюцинаторной яркости! Конечно, проще простого было бы «разбудить» Акопяна, вывести из состояния анабиоза. Но... фон психической подавленности, нервной усталости сохранялся бы еще долго. Вернуть Акопяна к сознательной жизни и больше не «усыплять» — значило поставить под угрозу срыва эксперимент, ради которого был затеян полет «Контакта». Успокоив подручными медицинскими средствами, снова погрузить в гипотермию? Но кто даст гарантию, что тогда не заработает опять скрытый где-то в недрах мозга, в лабиринтах клеток источник жутких галлюцинаций?..

Что делать с Акопяном? Над этим ломали голову на борту корабля, неуклонно мчавшегося к Марсу, в ЦУПе, в центре психофизиологии и во многих других учреждениях, причастных и не причастных к полету.

Предлагали свои варианты решений космослужбы других стран — главным образом, представленных в интернациональном экипаже «Контакта». Тарханов предполагал, что всему виной перепады тяготения, хотя и смягченные гравитационной установкой, но все же ощутимые. Бодрствующий космонавт легко приспособит свое сознание, свои реакции к увеличению или уменьшению веса, тем более не слишком резкому. Другое дело — спящий в глубоком анабиозе, совершенно беспомощный человек. Кровь, которую толкает по сосудам его сердце, становится то тяжелее, то легче, меняются ощущения, режим работы органов, ускоряется или тормозится обмен веществ. А на экране подсознания все это отражается в виде образов, причем образный ряд говорит о постоянном чувстве неудобства, нездоровья, тревоги... Отсюда и диковинный сюжет с мрачной пещерой, грязными косматыми сородичами, с ожиданием насильственной смерти. Сурен не может самостоятельно очнуться, стряхнуть с себя паутину кошмара — этому мешает охлаждение. Возможно, постоянное желание освободиться от пугающих картин сна и невозможность это сделать, чувство скованности, обреченности — добавочные причины стресса...

Объяснение Тарханова было признано правдоподобным. Но от этого не стало легче. Следовало найти способ погасить взрыв отрицательных эмоций спящего. Ученые на Земле и в космосе совещались, спорили, загружали электронику, а резкий ступенчатый подъем активности всех сигналов Суренова организма, крик нервов и плоти нарастал, превращался на графиках во взрывающуюся прямую... Акопян приближался к границе безумия.

...Впрочем, был еще один человек, о котором начинали все сильнее беспокоиться врачи. И человек этот, хотя и был в отличие от Акопяна в полном сознании, но также не поддавался медицинскому вмешательству — из-за своего редкого упрямства.

Семен Тарханов и прежде во время наиболее важных исследований целыми сутками не выходил из своего кабинета в психофизцентре. Здесь он и ел (если ел, а не наскоро глотал две-три чашки кофе), и спал (если вообще спал), сюда сходились коммуникации от всех служб и лабораторий, здесь проходили селекторные видеосовещания, которые Тарханов по-старинному называл пятиминутками... нисколько не греша против истины. Но даже этот, достаточно изнурительный режим был бы бессилён подорвать богатырское здоровье Семена, если бы не ещё одно обстоятельство. Глава психофизиологов настолько вживался в эксперимент, что все осложнения с подопытными, все неудачи космонавтов становились его личными бедами.

Доходило до вещей почти невероятных — сила самовнушения у Тарханова тоже была огромная. Сотрудники центра рассказывали, как легенду, случай с новым орбитальным самолетом. Во время первого испытательного полета произошла разгерметизация пилотской кабины. Аварию ликвидировали быстро, но один из членов экипажа заболел острой формой реактивного психоза. Тарханов, следивший по приборам за мельчайшими подробностями болезни, буквально «заразился» недугом космонавта... и попал в госпиталь с нейрогенной язвой желудка! Сейчас, когда там, в невообразимой космической пропасти, страшные галлюцинации мучили беспомощного Акопяна, у Семена опять началось психическое «заражение». Он ослабел, изнервничался: ночами бредил, вскакивал с диким криком, но упорно отказывался от лекарств и успокоительных процедур. Академик Тарханов не желал разрывать духовной связи с Суреном, даже если эта связь приносила ему настоящие страдания.

По его собственному выражению, он боялся «отупить», приняв лечебный курс; утратить тонкость нервного восприятия. Тогда исчезнет столь нужное для хода исследований углубленное понимание состояния Акопя-

на. Врачи настаивали, Семен отбивался; члены семьи трезвоили, зазывая домой, но упрямец продолжал стелить постель рядом с кабинетным пультом, спать вполглаза и метался в жару, изнемогая от кошмаров... В конце концов вмешался «наш министр» и попросту приказал Тарханову привести себя в порядок. Семен попробовал апеллировать к президенту Академии медицинских наук, но тот ответил еще строже. Пришлось Тарханову, ворча и проклиная все на свете, сдать «смену» одному из своих заместителей и отправиться сначала в блок физиотерапии, где его подбодрили и освежили разными процедурами, а затем сесть в ожидавшую машину. Там академика ухватили с двух сторон жена и дочь и не отпускали до самого дома...

Семен отдыхать не умел. Слонялся по своей просторной квартире, брал с полки и ставил обратно книги. Оживился только тогда, когда вечерние теленовости показали корабль «Контакт».

Планетолет — волчкообразное сооружение из шаров, труб и ферм — был виден удивительно крупно и четко. И это был не телевизионный эффект, а самая что ни на есть натуральная съемка. Будто не в пятидесяти миллионах километров от Земли, а чуть ли не по небу над головами плыл «Контакт».

Причиной такой удивительной близости был новый способ слежения, опробованный совсем недавно — одновременно у нас, в Китае и в США. Корабль не просто наблюдали в телескоп, его изображение «рисовали» потоки космических частиц. Эти беспрерывно пронизывающие пустоту невидимые ливни, состоящие главным образом из положительно заряженных атомных ядер, некогда представляли серьезную опасность для кораблей. Обладая высокой проникающей способностью, они грозили космонавтам лучевой болезнью. В первые десятилетия дальних полетов экипажи находились под защитой специальных сплавов, толстых оболочек. Позднее научились защищаться по-иному, более надежно:

стали одноименно заряжать поверхность планетолета. Теперь потоки частиц отталкивались от корабля и послушно обтекали его, не причиняя вреда. Эту картину — облик космического аппарата, воспроизведенный обтекающими со всех сторон струями ядер — научились наблюдать с помощью системы особых орбитальных телескопов. Ясным и четким делал изображение «читающий» компьютер...

Как бы то ни было, громоздкий, переливающийся багрово-зелеными красками «Контакт» висел в сиреновом небе с оранжевыми клубками звезд (окрашивать «рисунок» частиц в естественные цвета еще не научились), и Семен тяжело вздыхал у объемного экрана, пока этот сюжет теленовостей не сменился какими-то соревнованиями по балету на лыжах...

...Старику не становилось лучше. Об этом сообщала, время от времени появляясь в пещере и преклоняя колени перед меховым ложем, главная из колдуний, Коротышка — очень маленькая и на редкость (даже для обезьяноподобного племени) кривоногая женщина, ревностно ухаживавшая за вождем. Пока Старик был здоров, она постоянно вертелась около него, примазывалась, угождала, сломя голову бросалась выполнять приказания. Теперь неотлучно дежурила у постели больного. Поговаривали, что в случае смерти патриарха (от чего да спасут нас духи!) Коротышка может принять верховную власть. В конце концов еще не так давно, судя по стенной летописи, пещерными людьми правили именно женщины, да и по сей день в мире духов царствует Праматерь... В благодарность за раболепную заботу Старик передал Коротышке тайны владения громом и дождем, приманивания дичи и отпугивания моровых поветрий. Так говорят. Однако и она, подходя к ложу охотника, сгоняет с широкого татуированного лица выражение спеси и становится смиренной, робкой. Священная жерт-

ва — это почти уже не человек, это высшее потустороннее существо...

Сегодня Коротышка пришла не одна. С ней были двое соплеменников, лохматых, угрюмых и безмолвных. Они привели незнакомого юношу, почти мальчика, тощего и нескладного, с длинными льняными волосами. На бледной коже выделялись струпья недавних ран. Очевидно, была стычка с чужими, это пленник. Вообще межплеменные свары случались редко — делить было нечего, лесов и рыбных угодий хватало на всех. Но уж когда завязывалась драка, обе стороны старались не столько убивать врагов, сколько брать пленных. Раб, которого можно было содержать впроголодь и требовать от него самой тяжелой работы, ценился дорого.

Юношу грубо приволокли к разрисованной стене, бросили на камни охапку шкур... И вдруг поведение конвоиров изменилось самым неожиданным образом. Один из них, угодливо изогнувшись, жестом предложил пленному занять ложе. Другой бережно поставил в изголовье кувшин хмельного питья. Затем охотники и Коротышка упали на колени, стараясь встать таким образом, чтобы почести могли принять на свой счет оба смертника — прежний и новый...

Да, «островок» сознания Акопяна сразу понял: пленник — третья священная жертва. Значит, уже скоро, очень скоро фатальный прыжок. Тот, в чьем мозгу «поселился» Сурен, не сегодня завтра поднимется на Столбовую Скалу. Третий обреченный — на тот случай, если Старику не полегчает и после второй смерти...

А в сознании первобытного охотника нарастал хаос. Подлинный обитатель пещеры, «приютивший» съежившуюся личность Акопяна, и панически боялся гибели, и одновременно испытывал детскую гордость при мысли о том, что он — священен... После сытного ужина, в скользких объятиях очередной покорной утешительницы, торжествовала тщеславная ипостась. Он представлял, как на него с песнями и причитаниями наденут ве-

ликолепный плащ из беличьих шкурок; как тронется из пещеры праздничное шествие; как в сопровождении колдуний, вопящих и грохочущих погремушками, он медленно и важно взойдет на ступени, кое-как выдолбленные в боку утеса. Разинув рты, уставятся снизу вверх сородичи — и мать, и братья, и Щербатый, жестоко бывший его в детстве... такие маленькие, подавленные его величием!..

А под утро, в жестокой бессонной ясности, приходило совсем иное. Кто его знает, этот мир духов, — оттуда-то никто не возвращался, на длинной ленте стенной хроники за тысячи лун нет ни одного упоминания о таком диве... Может быть, и не горят там костры, и не едят возле них охотники легкодоступное мясо подземных мамонтов, а ждет ушедших нечто хитрое, темное, коварное, какая-нибудь бездонная трясина, где придется барахтаться целую вечность. Или просто — тьма и давящая тишина, как в самых глубоких ответвлениях пещеры... Нет, ему определенно не хотелось на тот свет! Там не будет воздуха, леса, реки, не будет вкусной жареной дичи и сладкого тела женщины. Становилось страшно до одури, до дрожи.

Стуча зубами возле остывающих угольев, охотник лихорадочно искал выход. Бежать? Но ведь летописная стена недаром находится в самом отдаленном от входа тупике зала. Избранники, живущие возле нее, находятся под защитой всего племени... или под охраной всего племени! Попробуй незаметно пробраться к выходу мимо десятков вооруженных мужчин, мимо детей и женщин, которые моментально поднимут визг, если увидят, что священная жертва сошла с почетного места; наконец, мимо часовых, денно и ночно стерегущих выходы! Перед началом церемонии, когда процессия уже двинется к Столбовой Скале, бегство будет вообще неосуществимым. Что же делать? Что?! Если первые ночные часы охотника, хмельного и удовлетворенного женски-

ми ласками, проходили в безмятежном сне — перед рассветом начиналась настоящая мука.

Ум метался в ловушке, все чувства напрягались до предела... Скрыться в закоулках пещерного лабиринта, в изрытых недрах горы? Но, во-первых, и там почти наверняка, хотя и не сразу, найдут беглеца сородичи, с их звериным нюхом и острым зрением, с факелами и прирученными хищниками, привыкшими участвовать в охоте, — полуволками, полушакалами, не иначе, как предками собак... Во-вторых, даже если оправдается один шанс из сотни и ему удастся уйти от погони, он неминуемо заблудится и погибнет.

Ужасы пещерного царства превосходят воображение, а ходы, ведущие к солнцу, наперечет известны племени... Может быть, подкрасться ночью и убить Старика? Его логово не так далеко, оно — в углублении под средней частью стены, и оттуда порой долетают выкрики колдуний. Боязно, конечно, — а вдруг на самом деле со смертью патриарха начнутся все предсказанные беды?.. Но подобные опасения, основанные на слепой вере, задерживались в душе ненадолго. Испытания сделали обреченного охотника почти «материалистом». Он уже не был уверен (особенно под утро), что жизнь Старика дороже, чем его собственная, и с удовольствием прикончил бы вождя, спасая тем самым себя и возможные будущие жертвы... Другое дело — удастся ли смелое предприятие? Больного берегли как зеницу ока старые ведьмы во главе с Коротышкой. А если бы и получилось задуманное — кто гарантирует, что многочисленный клан Старика тут же не расправится с убийцей?

Стало быть, и это не выход.

...Разум Акопяна — загнанный в подвалы чужого сознания, сжатый его давлением, но все-таки интеллект человека XXI столетия — пытался прийти на помощь полудетскому уму дикаря. Сурен тоже перебирал варианты спасения, волновался, просчитывал все новые хитроумные схемы, отвергал их, начинал сначала. Отвлечь

внимание многочисленных сторожей — но как? Напугать племя — но, опять же, каким образом, без орудий технической эры? Кого-то подкупить — но чем, с голыми руками? Кого-то уговорить, склонить на свою сторону — но ведь словарь пещерных жителей крайне беден, а религиозный фанатизм велик... И так далее, по замкнутому кругу — до полного изнурения, до отчаяния, которое росло с каждым часом.

Сурен неоднократно останавливался на мысли, что все происходящее с ним — фантазмагория с пребыванием в чужом теле — только затянувшийся кошмарный сон. И сон окончится прыжком со скалы. Надо лишь потерпеть, если не можешь проснуться... Но потрясающая реальность обстановки внушала подозрения, что дело обстоит не так уж просто. Сурен, абсолютно осознанно отдавая себе отчет в каждой мелочи, воспринимал ничтожные подробности замкнутого мирка первобытной пещеры: фактуру плохо обработанных шкур, кишевших насекомыми; твердость кремневого ножа или бус, украшавших женскую шею; сомнительные ароматы, по которым можно было определить, жарят ли на обед мясо или варят похлебку из диких овощей с салом, бросив раскаленный камень в глиняный котел... Осуществлять обратную связь, то есть управлять поступками охотника, Акопян не мог даже в малой степени. Зато все, что происходило с носителем Суренова сознания, чувствительно отражалось на «островке» личности космонавта. Сурен чувствовал боль, если охотник ушибался или брал в рот слишком горячий кусок, голод, сонливость с приближением ночи, опьянение от хмельного напитка... В общем, пещерное бытие оказалось до предела реальным. Во сто крат убедительнее любого сна. Жизнь в теле священной жертвы оказалась не менее «живой», чем предыдущие сорок семь лет обитания Акопяна в атомно-космической эпохе...

Значит, и момент ритуального самоубийства может не кончиться просто пробуждением. Значит, прыжок со

Столбовой Скалы опасен не только «снящемуся» охотнику далеких тысячелетий, но и самому Сурену. Что ждет беспомощного космонавта? Имитация смерти — мрак, выключение сознания? Боль от падения на камни?.. Может быть, бесконечно растянутая боль?! Или... сама мысль о таком исходе почти смертельна... или вместе с сознанием разбившегося дикаря действительно выключится и...

Настали минуты, когда собственное отчаяние Сурена сравнивалось с душевной разбитостью и загнанностью пещерного смертника. Теперь оба сознания, слившись, представляли собой сплошной вопль о спасении, клубок панического, безумного страха...

У главного пульта психофизцентра на Земле стонал и хватался за голову Семен Тарханов. В конце концов его насильно вытащили из кабинета...

И настал вечер, когда Коротышка торжественно разложила перед обреченным мантию из беличьих шкурок, украшенных разноцветными птичьими перьями. Это была праздничная одежда жертвы. В пещере били барабаны. До начала церемонии оставалась одна ночь...

Глава XII

ОСОБОЕ МНЕНИЕ ДОБРАКА

Добрак подошел к окну. Вернее, к капиллярной панели, которая могла становиться прозрачной — целиком или участками. Сейчас панель по желанию профессора была окрашена в успокоительный салатно-зеленый цвет — цвет раннего мая, невыгоревшей на солнце листвы. К центру окраска бледнела, и середина стены была невидимой, как воздух. По контрасту с «майской зеленью» панели казались особенно холодными и застывшими газоны под толстым снежным одеялом, низкие деревья в белых шапках.

— ...Но я прошу вас, Иржи, я просто умоляю: посоветуйте, как нам поступить! Хотя бы ради меня лично. Я извелась, у меня впервые в жизни стало шалить сердце... Через двенадцать дней Акөпяна надо возвращать к активной деятельности. А по сюжету «сна» его завтра должны приносить в жертву. Что же делать?

Добрак раздраженно передернул худыми лопатками и сказал, не оборачиваясь:

— Я думаю, что у спецгруппы уже есть мнение по данному вопросу.

— Не скрою, есть. Мы решили прекращать анабиоз немедленно, в сегодняшнюю ночную смену. Но нам не хватает вашей мудрости, вашего совета, Иржи!

— Кажется, до сих пор вы без него обходились.

— Иржи! Вы не имеете права бросать человека на произвол судьбы из-за вашего оскорбленного самолюбия! Вы врач и давали клятву Гиппократу! — воскликнула Стрижова и так энергично поставила чашку на блюдце, что брызги кофе разлетелись по столу. — Если с Суреном завтра что-нибудь случится, в этом будет и доля вашей вины!

— Вы тоже давали клятву, коллега! — вспыхив в свою очередь, резко отвернулся от окна маленький взъерошенный профессор. — И тем не менее третий месяц бездействуете! Весь центр космической психофизиологии занимается болтовней, вместо того чтобы по-настоящему изучать этот удивительный феномен!

— Но ведь вы же прекрасно знаете, насколько трудно... почти невозможно разобраться в процессах, идущих при охлаждении. Все замедленно, все характеристики изменены. Ореол биополя такой, что сам господь бог не поймет!

Старый гипнолог «остывал» так же быстро, как и возбуждался, особенно когда на него смотрели глаза красивой женщины. Вот и сейчас — тщетно попытавшись пригладить ладонью седые космы, прошелся взад-

вперед по кабинету. Сел рядом с Мариной, взял ее за руку:

— Голубушка! Лично вас никто ни в чем не обвиняет. Да попробовал бы кто-нибудь, я бы ему... я бы ему внушил, что он болотная жаба, и до конца дней не разгипнотизировал! (Марина усмехнулась.) Мы, конечно, действуем вслепую... Но боюсь, что происходит это по вине нашего с вами шефа, Семена Васильевича. Извините, я человек откровенный...

— Господи, да посмотрели бы вы на него сейчас! Не ест, не спит, похудел чуть ли не вдвое, а вы...

— Ну, похудеть ему не вредно... А вина Тарханова не в отсутствии трудолюбия.

— Тогда в чем же?

— Прекрасно знаете! В консерватизме и упрямстве. Вздыхнув, Марина опустила глаза к чашке; а Добрак уже почти кричал, снова распаляясь:

— Да, именно так! Если бы тогда Семен Васильевич соизволил принять во внимание мои взгляды, он бы не загружал сотни людей абсолютно бессмысленной работой! И вся космическая братия не терзалась бы нелепыми тревогами!

— Но ведь он консультировался с генетиками, с Марголесом...

Ответом был яростный взмах руки. Добрак вскочил и опять побежал к окну, как будто вид заснеженного парка снимал душевное напряжение...

«Тогда», о котором упомянул чешский врач, обозначало беседу в кабинете Тарханова, случившуюся больше месяца назад. После нее Семен в отсутствие обидчивого Добрака частенько подшучивал над профессором. Называл старого медика «фантаст», «наш Уэллс»... Действительно, с точки зрения здравого смысла было достаточно странно слушать речи, которые вел Добрак в столь серьезном месте, перед высокоучеными собеседниками.

— Мозг! — восклицал маленький профессор в обыч-

ной для него пылкой манере, бегая взад и вперед по комнате, в то время как Семен и трое его заместителей восседали вокруг стола. — Не мне вам о нем рассказывать. Терра инкогнита: до сих пор, невзирая на все наши разнообразные просвечивания, анализы, имитационные модели и прочее — земля неведомая! Что таится в триллионах сплетений его клеток? В клеточных ядрах?.. А если вспомнить о сложности всего организма, на несколько порядков превосходящей мозговую, о том, насколько прочно связан наш «кормчий» с каждой частицей тела, — становится удивительным, как мы вообще сумели хоть что-то распознать в этой нашей внутренней вселенной, вывести какие-то закономерности...

— Гм... Если можно, ближе к делу, уважаемый коллега! — вежливо перебил главный рентгенолог психофизцентра. — Мы оторвались от дел по вашей просьбе, чтобы выслушать некое конкретное предложение...

— Причем селекторной связью вы воспользоваться отказались! — подняв палец, прогудел Тарханов. — Так что, будьте любезны, переходите к основному.

— Хорошо. Отлично. Хотя когда я перейду к основному, коллеги, вы поймете, почему я напомнил вам, блистательным профессионалам, некие школьные истины о тайнах мозга... Итак... — Добрак заложил руки за спину, словно лектор, читающий студентам. — Состояние анабиоза — простите за еще одну банальную истину — характеризуется резким понижением активности головного мозга и всей нервной системы. Почти засыпают даже такие чуткие сторожевые пункты коры, как пищевые центры. Кора чуть ли не бездействует. Работа тактильных рецепторов, барорецепторов, болевая чувствительность — все притуплено, все вяло... И вдруг — такая эмоциональная буря! Образы такой неслыханной яркости! Такая, я бы сказал, шекспировская драматургия! Чтобы спасти жизнь престарелого патриарха некоего явно палеолитического племени, в жертву духам собираются принести молодого, полного сил охотника. И в

«шкуру» этого охотника почему-то попадает наш усыпленный, охлажденный Акопян! Откуда, я вас еще раз спрашиваю, подобный взрыв ощущений в полуживом мозгу?! Впечатление такое, что именно анабиозная «дремота» коры, снятие всех привычных импульсов, сопровождающих активную работу, превратили мозг в некий экран, пригодный для проекции чувств и образов из глубинной памяти! Из какого-то хранилища информации, расположенного в самых недрах нашей биологической структуры...

— Откуда же, позвольте узнать? Из подкорки? — скептически прищурился самый молодой из заместителей Тарханова, франтоватый начальник отдела биокibernетики.

— Точнее, через подкорку: но генератор пугающих галлюцинаций не там... Он дальше, глубже: в информационных недрах, которые абсолютно неподвластны мозгу, но в обычном состоянии подавляются, экранируются его деятельностью... В генах!

Воцарилось молчание, нарушаемое деликатным покашливанием. Семен изобразил на лице некое колебание — «ну конечно, все может быть...», — мину явно наигранную. Рентгенолог откровенно посмотрел на часы.

— Да-а... — сказал после паузы Добрак. — Представляю я, коллеги, как бы вы меня слушали по селектору... А так — воспитание не позволяет прервать сразу. А я, человек невоспитанный, воспользуюсь этим и договорю до конца. Итак, я полагаю, что анабиозные видения Акопяна, уникальные по продолжительности, связанности, чувственной реальности, не являются ни сном, ни галлюцинацией. Что перед нами — первое зарегистрированное, — гипнолог значительно постучал по столу, — потому что я уверен, что этот феномен наблюдали в разной степени тысячи раз, — первое зарегистрированное проявление генетической памяти! Да, я не сомневаюсь, что многие странности человеческой психики вроде воспоминаний о никогда не происходив-

ших событиях — дасть этой памяти! Быть может, она в какой-то степени влияет на вкусы человека, на выбор рода деятельности... не знаю. Во всяком случае, вера в метампсихоз — переселение души — наверняка построена на этом... на каких-то примитивно, неверно истолкованных сведениях о наследственной памяти.

— Одним словом, вы считаете, что... — надменно забасил из угла чернобородый богатырь, ведавший всем техническим оснащением центра.

— ...Совершенно верно, что в настоящее время Сурен Акопян переживает события, случившиеся на самом деле с его невообразимо далеким предком много тысяч лет назад, в каменном веке. Но почему «включились» эти надежно схороненные в хромосомах... а может быть, и не в хромосомах... записи давно минувшего? Трудно сказать. Мы не знаем ни кода, ни материального носителя, ни способа записи... Только одно могу сказать наверняка: феномен связан с необычным, никогда не испытанным людьми состоянием Акопяна. Люди погружались в анабиоз — но это происходило не на борту космического корабля, где движение со скоростью десятков километров в секунду, ускорения, торможения, скачки тяжести, хотя и смягченные искусственной гравитацией, однако не снятые полностью, создают очень своеобразный и непредсказуемый психофизиологический фон. Может быть, эти «сны» из прошлого станут препятствием на пути космонавтов, которым придется прибегать к гипотермии, чтобы преодолеть расстояния до звезд...

— Ну-с, межзвездными перелетами мы пока не занимаемся! — авторитетно заявил рентгенолог. — У вас все, коллега? Тогда я попросил бы Семена Васильевича отпустить нас на рабочие места...

Тарханов, уважавший Добрака, как великолепного гипнолога-практика, был готов простить профессору «старческую блажь» и дать ему выговориться полностью, но приходилось считаться с главными специалистами. Отпустив их, Семен попытался утешить сразу на-

хохлившегося старика, предложил ему изложить гипотезу письменно, с обоснованием, с каким-то научным аппаратом... но, очевидно, недоверие к «сумасшедшей» идее лишило слова Тарханова убедительности. Добрак ушел обиженный, наглухо замкнувшись в себе... и больше не возвращался к теме наследственной памяти. По крайней мере в официальном кругу.

А полет тем временем приближался к самой важной, завершающей фазе. Панин умело и уверенно вел «Контакт» знакомым маршрутом. Неожиданностей почти не было — ни внутри корабля, ни вне его, все системы, как говорилось в донесениях, работали нормально. Неприятные сюрпризы ограничились легкой формой лучевой болезни, которую по собственной оплошности получил инженер реактивной защиты Шварцкопф, да небольшим переполохом в связи с тем, что метеоритная пыль повредила солнечные батареи. «Контакт», по проекту самый быстрый из обитаемых планетолетов, когда-либо отправлявшихся с Земли, достиг максимальной скорости — около ста километров в секунду. Одним словом, по выражению Волнового, марсианский рейс проходил «вполне штатно». Беспокоил только Акопян...

Семен хотя и не допускал мысли о возможной правоте Добрака — уж слишком фантастичной казалась гипотеза, — но все-таки «для успокоения совести» передал суть предположений чешского врача директору Института генетики Матвею Юрьевичу Марголесу. Этот высокий, сутулый и нескладный старик в огромных старомодных очках (контактными линзами, а тем более искусственными хрусталиками он принципиально не пользовался) считался непререкаемым авторитетом именно по части наследственной информации. На запрос Тарханова академик ответил добросовестно и пространно, со многими структурными формулами; краткое содержание ответа сводилось к тому, что так называемой «генетической памяти», то есть записанных кодом нуклеиновых кислот сведений о событиях жизни далеких предков,

быть не может. Во-первых, хромосомы и так «перегружены» данными о строителъстве организма, там просто нет места для столь крупных информационных массивов. Во-вторых, если бы такая «память» существовала, то у животных не было бы нужды в обучении детенышей; новорожденные знали бы ровно столько же, сколько и родители... Было еще и «в-третьих», и «в-десятих»; в общем, Марголес камня на камне не оставил от идеи Добрака. Правда, говаривали про почти столетнего академика, что он был студентом биофака еще в те годы, когда генетика носила ярлык лженауки — и с тех пор, мол, сохранил обыкновение встречать в штыки любой новый, небанальный взгляд на привычные вещи. Но кого пощадят злые языки! В конце концов Марголес давным-давно искупил грехи юности созданием целой школы генетиков-исследователей. Оспаривать его выводы не решался никто, и...

...И на много дней замкнулся Добрак, фактически отошел от работы спецгруппы по изучению состояния Акопяна. То есть присутствовал на совещаниях у Тарханова, но при этом не высказывался и на все вопросы отвечал: «Мнения по данному поводу не имею».

Тем временем группа вела бесконечные споры, и каждый подтверждал свое мнение и опровергал чужие, оперируя целыми километрами диаграмм, графиков и печатных лент. Применить гипноз, попробовать переключить «сны» Сурена на другую, более оптимистическую тематику? Но все попытки такого рода неизбежно проваливались, будто внушение натывалось на некий барьер в мозгу «спящего». Что бы ни внушали гипнологи, какие бы ухищрения они ни применяли, Сурен все так же ждал своей гибели в смрадной пещере, в теле первобытного охотника. Прекратить анабиоз? Но тогда скорее всего будет сорвана программа полета: Акопяну, и без того измученному призрачными страхами, придется бодрствовать до конца пути, он вконец устанет и не проявит должной чувствительности к биосигналам

на Фобосе. «Разбудить» подопытного, провести над ним успокоительную психотерапию и снова охладить? Тоже нет гарантии успеха. Пускай не память генов, но некие скрытые от самых тонких приборов, загадочные живые механизмы все же проецируют на мозговую кору этот жуткий «видеофильм», и как знать — не начнется ли вместе с началом нового анабиоза следующая, еще более угнетающая «серия»?..

В конце концов руководство психофизцентра вынесло соломоново решение: «выведем Акопяна из состояния анабиоза, а там посмотрим, что делать». Но Тарханов не спешил отдавать приказ о прекращении гипотермии. Для него Добрак, хотя и объявивший бойкот действиям спецгруппы, все же оставался первоклассным психофизиологом, и Семен обязательно хотел с ним посоветоваться. Зная, насколько гипнолог подвластен «чарам» Стрижовой, начальник центра избрал, как ему казалось, наилучшую тактику — послал к старику Марину.

Момент был критический, до возможного необратимого перелома в психике «священной жертвы» оставалось часов десять-двенадцать; по сути, одна смена дежурства спецгруппы. Пусть даже Добрак не захочет отбросить свою «безумную» гипотезу — как врач с огромным практическим опытом, он интуитивно может подать ценный совет. В конце концов главное, чтобы он верно предсказал развитие событий, а теоретические обоснования — это дело третье. Средневековые медикусы, весьма искаженно представлявшие себе работу организма, веровавшие в «витальную силу» и прочую чепуху, тем не менее часто недурно лечили...

Разумеется, последними своими мыслями Тарханов с Мариной не поделился. Просто попросил сделать все возможное, чтобы вернуть профессора в стан борцов за здоровье Акопяна и успех полета...

— ...Марголес! Марголес ухитрился до конца прошлого века, насколько это было в его силах, бороться с геной инженерией: а биоэнергетики, кажется, до сих

пор не признает. Матвей Юрьевич — ретроград милостью божьей: он изменяет традиционным взглядам; только когда его припирают к стенке...

Выговорившись, Добрак опять утихомирился: подошел к столу, засыпал в кофемолку новую порцию жареных зерен. Перекрывая жужжание машинки, Марина повысила голос:

— Да пусть он будет кем угодно, но ведь Сурена мы все любим, это прекрасный, добрейший человек и замечательный работник! Ради него, ради меня, Иржи, скажите: вы согласны с нашим выводом? С тем, что его надо размораживать и приводить в сознание — по крайней мере на данном этапе?

Гипнолог заглянул в умоляющие глаза Марины. Снял руку с крышки старенькой кофемолки «Страуме». Стрижовой показалось, что взгляд Добрака на мгновение стал лукавым, словно профессор решил про себя разыграть некую хитроумную комбинацию... Нет. Вряд ли. Добрак сейчас настроен слишком серьезно.

— Вам еще заварить или хватит на сегодня? Я, увы, злоупотребляю...

— Иржи, не мучайте меня! Вы согласны, что анабиоз надо прервать?

— Согласен, — сказал Добрак, и Марина на секунду благодарно уткнулась лбом в его локоть. — Только с одним условием... если Тарханова или вас в самом деле интересует мое мнение...

— Условие заранее принимается, — бодро сказала Стрижова, получившая от Семена достаточно широкие полномочия.

— Ну тогда... Я бы хотел сам провести сегодняшнее ночное дежурство на главном пульте и подготовить «воскрешение» Акопяна так, как считаю нужным. Без подсказок со стороны.

— Иржи, но... Вы понимаете, какую ответственность хотите взять на себя?

— Полторы тысячи! — торжественно сказал Добрак, засыпая смолотый кофе в турку.

— Чего полторы тысячи?

— Не чего, а кого... Больных я вылечил за свою жизнь, так-то!

— Сдаюсь. Придется принять ваши условия.

— Поверьте, это в наших общих интересах. И в интересах бедняги Сүрена, конечно...

Гипнолог залил кофе водой, поставил на электроплитку. Марина расцеловала его в обе старческие щеки и, торжествуя, отправилась к Семену. А Добрак, прищурясь, помешивал ложечкой в турке и язвительно улыбался своим мыслям... улыбался впервые за много дней.

Глава XIII

ПРАВНУК ШТАНДАРТЕНФЮРЕРА

Клаус Шварцкопф, инженер реакторной защиты, достаточно быстро оправился от лучевой болезни и получил уверение судового врача в том, что ни малейших дурных последствий не осталось: проживет Клаус весьма долго и наплодит здоровых детей.

Он был еще довольно молод (чуть ли не младший член экипажа «Контакта»), юношески нескладен, со слишком большими руками и ногами и нежно-розовой кожей белобрового, типично немецкого лица. Предки Клауса были выходцами из Германии. Его прадед по отцу, штандартенфюрер СС, в год крушения «тысячелетнего рейха», простоявшего всего двенадцать лет, сломя голову сбежал из Берлина... не забыв, впрочем, прихватить супругу, видную деятельницу национал-социалистского женского движения, и чемодан награбленных драгоценностей. Прадед, имевший основания опасаться правосудия нескольких европейских стран, осел под чужим именем в небольшой «банановой» республике, по-

лучил ее гражданство. Скоро он стал видной фигурой в тамошней немецкой колонии... состоявшей главным образом из коллег по спецслужбам рейха, заслуживших два-три повешенья каждый, членов их семей, адъютантов и денщиков. Партайгеноссе Шварцкопф, волшебным образом преобразившийся в сеньора Гонсалеса, дождался до старости и благополучно скончался от инфаркта, не понеся наказания за кровавые свои «подвиги», как и многие другие беглые палачи, мирно обитавшие под сенью «бананового» флага. Точнее, Шварцкопфа и присных его укрывал от справедливой кары не столько флаг, сколько бессменный президент республики, диктатор и земной бог, старая горилла в опереточных генеральских галунах, правитель государства чуть ли не со времен первой мировой войны. Горилле, державшейся исключительно на терроре, шпиках, осведомителях и тайных убийцах, были позарез нужны хорошие консультанты по заплочным делам. Сорок пятый год обернулся для диктатора грандиозной удачей. Из Германии потянулись безработные коменданты концлагерей, начальники тайной полиции, виртуозы пыточных застенков и великие знатоки борьбы с подпольем. Ну как же было не приграть их, не снабдить новенькими паспортами на имя разных Санчесов и Родригесов, почтенных коммерсантов и безупречных банковских служащих.

Итак, прадед американского астронавта проживал на вилле с тропическим садом и бассейном голубого кафеля, официально числясь вице-директором некоего земельного банка, а на деле был наставником и тренером диктаторских телохранителей, покуда не почил на маленьком лютеранском кладбище. Осталась безутешная вдова с сыном, родившимся уже здесь, на новой родине Шварцкопфов. Будущий дед Клауса подрастал в просторном доме, к его услугам были великолепная детская и немало других комнат. Но благодаря усилиям матери, ее бесконечным театральнo-патетическим и слезливым рассказам о «звездном часе Германии», об исто-

рической миссии арийской расы мальчик предпочитал проводить свободное время в кабинете отца. Фрау Шварцкопф устроила там своеобразный музей, вернее — алтарь сгнувшего рейха: за стеклом витрин блестели нагрудные знаки воинских частей, спортобществ, «гитлерюгенда», «союза немецких девушек»... Под одной стеной, увешанной фотографиями Шварцкопфа-старшего, красовался манекен в парадной форме СС, со всеми регалиями и Рыцарскими крестами, с другой — испытующе смотрели вожди.

Парнишка, родившийся через три года после краха фашизма, робел и трепетал перед украшенной круглыми очками крысиной физиономией рейхсфюрера СС, а мнимовдохновенное, клоунское лицо самого, со срамными ушишками и приклеенной прядью, приводило юнца в благоговейный экстаз, он возносил молитвы «первому из немцев» и поверял ему самые тайные мысли...

«Арийскому» воспитанию помогала и немецкая школа колоний, где на специально заказанных географических картах Германия простиралась от Калининградской области до Эльзаса... Когда сыну сравнялось двадцать лет, решено было отправить его на учебу в Соединенные Штаты — в конце концов дети за отцов не отвечают. Могучий северный сосед, оказывавший самое щедрое покровительство «банановому» диктатору, смотрел сквозь пальцы на хорошо известное ему гнездо нацистов. Фанатичный молодец вначале волчонком смотрел на янки, бывших союзников России при разгроме Гитлера. Кое-как ему внушили, что Америка в последние десятилетия «исправилась», стала истинным другом арийцев и вместе с ними мечтает поставить на колени зловещих восточных варваров. Шварцкопф поехал учиться — и в старом университетском городе познакомился с очаровательной девятнадцатилетней студенткой юрфака, немкой по происхождению. Хотя ее родители не были нацистами, предки перебрались в Новый

Свет очень давно — убеждения девушки оказались до странности близкими идеям... вернее, религии сына штандартенфюрера.

Его возлюбленная принадлежала к молодежной фашистской организации, члены которой разъезжали на мотоциклах в касках вермахта и со свастиками на жилетах, а также устраивали сборища в дни «знаменательных дат» рейха. С точки зрения Шварцкопфа, ребята это были правильные, но какие-то несерьезные: массовые убийства мирного населения. Освенцим и Майда-нек они считали «красной пропагандой» (в то время как сын эсэсовского бонзы твердо знал, что эти акции были и диктовались высшей необходимостью), суть расовой теории понимали расплывчато, поскольку в организации были даже мексиканцы, а суровых воинов фюрера представляли себе киногероями, суперменами в романтической черной форме с черепом, любившими исключительно поразмять кулаки и пострелять. Приезжий, быстро войдя в «штаб» группы, начал просвещать и образовывать буйных мотоциклистов, вдавливать в их косматые головы то, что он считал истиной. И вдруг напоролся на сопротивление с неожиданной стороны. Один из штабистов, постарше возрастом, уже давно не студент, намекнул новоявленному пророку «классического» нацизма: все, что делается в организации, — делается отнюдь не стихийно. Именно такой, романтизированный, навешанный комиксами, легко доступный среднему американскому парню вариант национал-социализма угоден тем, кто поддерживает и финансирует группу. Пусть молодые, здоровые ребята и девчонки из среднего слоя, не забывая себе головы даже людоедски-примитивными доктринами «Майн кампф», тешатся крестами и нарукавными повязками, орут «Хорст Вессель» на пьяных шабашах... и между прочим, потихоньку приучаются к слепому повиновению, обретают готовность, не рассуждая, убивать или умирать по приказу...

Одежки и декорации «третьего рейха», фашистские

обряды как нельзя лучше подходят для воспитания будущих смертников.

Старший штабист пооткровенничал со Шварцкопфом, поскольку считал его глубоко «своим»: студента-немца связывали с организацией не только убеждения, но и нежные чувства к одной из активнейших функционеров... Однако молодой член штаба, несмотря на впитанный буквально с молоком матери фанатизм, был умен и очень скоро понял: можно пойти на внешние видоизменения нацизма, даже на отказ от ряда важнейших, но явно устарелых принципов (как-то ненависть к американцам вообще и к неарийцам в особенности), чтобы сохранить главное. Главной была цель — расправа с инакомыслящими, установление во всем мире идеального порядка, исключающего бунты эксплуатируемых, обеспечивающего божественную власть господ. Есть некто весьма влиятельный и богатый, кто подкидывает деньжонки мотоциклистам со свастикой? Очень хорошо. Надо выйти непосредственно на этого «мецената», узнать, чего он хочет: может быть, начать новую игру на паритетных началах, с куда большими возможностями... Шварцкопф был наследственно честолобив, ему постоянно грезилась роль американского фьюрера.

Со временем благодаря умелой дипломатии студента приятель раскрылся еще более и как-то после крепкой пивной попойки (ритуал есть ритуал — пили черное баварское, качались до одури, схватив друг друга за плечи) сообщил под огромным секретом, что покровитель — вовсе не вздыхающий по фашизму щедрый миллионер, а... Вот кто на самом деле подкармливает мотоциклетную гвардию, покрывает ее дебоши перед полицией — этого толком не знал и сам рассказчик. Лишь догадывался. Но, к большому огорчению Шварцкопфа, так и не высказал своих догадок прямо. Напускал туману: мол, «меценат» — не частное лицо, а тоже организация, только не самостоятельная, как у них, а госу-

дарственная и, может быть, из самых влиятельных в стране...

Но ни выйти на «хозяев», ни тем более стать национальным вождем студенту так и не удалось — можно сказать, по объективным причинам. Однажды, перебрав пива, а возможно, и чего-то более крепкого, члены буйного братства в полной «парадной форме», то есть обвешавшись всеми гитлеровскими побрякушками, решили посетить дансинг. И то ли обошлись они там неаккуратно с чьей-нибудь девушкой, то ли встретили людей, которых возмутили свастики и фуражки с черепом, но в большом студенческом танцевальном зале началась потасовка. Поклонники рейха, всегда таскавшие в карманах ножи или кастеты, не замедлили пустить их в ход против безоружных студентов. Полиции пришлось применить водометы. Может быть, и обошлось бы все, как говорится, легким испугом, но один из раненных ножом имел наглость скончаться в больнице, а родители другого, лишившегося глаза, оказались большими занудами и дошли до Верховного суда... Словом, скандал разразился такой, что даже могущественным невидимым покровителям не удалось замять его полностью. Правда, никто особенно не пострадал, убийцы не сели на скамью подсудимых, но организация была распущена, штаб-квартира ликвидирована, наиболее ярых рейхоманов, осмелившихся появляться в университете или в городе с какой-нибудь фашистской эмблемой, попросту били. Пришлось затаиться, собираться в кафе или по квартирам. Они называли этот период весьма пышно: «партия в подполье». Шварцкопфа некая сильная рука также уберегла от судебных разбирательств. Еще больше повезло его возлюбленной. Она даже не была вызвана как свидетельница, хотя бурно призывала к расправе и полоснула кого-то осколком бутылки. Но страдало честолюбие, рушились радужные планы «фюрера»... Вытерпел, вспомнив уроки матери: «может быть, самым верным придется ждать своего часа десятки лет, может

быть, не одно поколение...» Вскоре женился на своей подруге. После окончания университета уехал в родной город жены — Вермонт и остался там навсегда. Сначала был юрисконсультom в небольшой фирме, выпускавшей кухонное оборудование, позднее завел собственную адвокатскую контору — помог тестю, известный правовед. В 1974 году у счастливых супругов родился сын. Мужская линия Шварцкопфов продолжалась...

Шварцкопф-самый-младший, будущий отец астронавта, был воспитан в лучших арийских традициях, видоизмененных на американский манер. Его школьные годы совпали с ужесточением внешней политики, с нагнетаемой свыше ненавистью к «красной» половине человечества, он не таскал поддельных Железных крестов или повязки штурмовика СА (хотя и знал, что солдаты фюрера были настоящие ковбои и только по дурости тогдашних властей США дрались с янки), зато гордо носил майку с надписью: «Убей русского». Где-то высоко над головой, в черном ночном небе, лучшие в мире американские «шаттлы» развешивали спутники с боевыми лазерами, чтобы сбивать, точно ворон, советские ракеты. Шварцкопфу-самому-младшему это здорово нравилось, дух захватывало от космической военной игры, от ощущения, будто живешь в фантастическом видеофильме и готовишься отразить нападение каких-нибудь кровожадных осьминогов с гаммы Водолея... Под непрерывный грохот военных приготовлений он выучился, во время великого финансового краха 90-х годов познал прелести безработицы, бродяжничества и жизни впроголодь, после Договора о ядерном разоружении, когда экономика снова встала на рельсы, стал инженером на первой термоядерной электростанции — его всегда влекла техника. Женился — в соответствии с «вольнодумными» веяниями нового времени, уже не на немке, а на чистокровной ирландке: по доброй традиции Шварцкопфов, произвел на свет сына, а затем еще трех дочерей. Сына, дабы сделать приятное и немецким,

и ирландским дедушкам и бабушкам, нарекли двойным именем Клаус Патрик...

Мировоззрение Клауса Патрика Шварцкопфа, астронавта Соединенных Штатов, инженера реакторной защиты на корабле «Контакт», отличалось своеобразием... впрочем, главным образом внешним. Опять-таки воспитанный в правилах величайшего презрения ко всем «недочеловекам» — коммунистам, неграм, желтокожим и т. д., — прекрасно осведомленный о деяниях своего прадеда — штандартенфюрера, Шварцкопф-самый-самый-младший понимал мировую ситуацию очень просто. Проклятые «комми» заставили героических американцев, последних рыцарей чести, демонтировать атомные боеголовки и снять с орбит лазерные батареи: мягкотелые либералы и болтуны пробрались в сенат и конгресс, заняли Белый дом... Что ж! «Самым верным придется ждать своего часа десятки лет». Остались другие методы борьбы: печатное слово и тайно посланная видеокассета, ампула с ядом и мина в безобидном куске мыла... Клаус свято верил, что в Штатах уцелело лишь одно благородное сообщество, не поддавшееся соблазнам военной и политической разрядки: религиозный орден, по-прежнему нетерпимый к еретикам: последний оплот для белых американцев, не желающих перечеркнуть свою величественную историю... То было Центральное разведывательное управление.

И ЦРУ заметило своего преданного поклонника. Сначала юный Клаус — звезда школьного бейсбола — «случайно» попал в компанию парней постарше, которые с пониманием слушали его разглагольствования о добром старом времени и необходимости для Штатов вернуть былое первенство в мире. Затем, как бы между прочим, он выполнил несколько деликатных поручений своих новых друзей: последил за поведением одного из знакомых, вызвал на откровенность другого, стащил письмо из почтового ящика третьего... Вскоре Шварцкопф, занявший одно из первых мест на олимпиаде по

ядерной физике среди школьников штата, был премирован поездкой в Европу. Уже не слишком скрывая свою служебную принадлежность, «друзья» вручили ему несколько документов и чеков на крупные суммы денег: все это Клаус должен был передать определенным лицам в Париже, Цюрихе, Вене...

Он стал сотрудником ЦРУ — обрел полное душевное спокойствие, чувство собственной нужности. Может, и вправду настали дурные времена для разведки, и нынешний президент всячески урезал ее права и возможности (где ты, эпоха всемогущества?), и во главе управления стоял жалкий либерал, в каждом шаге отчитывавшийся перед сенатом, но суть мировой паучьей сети осталась прежней. ЦРУ контролировало (или пыталось контролировать) политические режимы в десятках стран, общественное мнение, межпартийную борьбу, настроения и симпатии народов. В некотором смысле власти у «ордена» даже прибавилось. Ведь больше не было ни ядерных арсеналов, ни громадных, вечно угрожавших друг другу армий — только внутренние полувойенные формирования сил порядка да миротворцы в голубых касках, войска ООН. Стало быть, реальное воздействие на международную обстановку, кроме дипломатов, могли оказывать только тайные спецслужбы. Клаус рассудил верно: боеголовки были уничтожены — значит, выросли в цене отмычки, микрофотоаппараты и прочий шпионский инвентарь. Надо было любыми путями ослабить социалистическую систему, доказать ее конечную историческую нежизнеспособность...

Новые покровители не оставляли Шварцкопфа своими милостями во время обучения (как и отец, он прошел специальный курс инженеров-ядерщиков), а после защиты диплома позаботились о том, чтобы Клаус сразу обрел хорошую, высокооплачиваемую работу. Он поступил в НАСА, принял участие в нескольких полетах. Не без деликатного нажима со стороны Лэнгли, молодого инженера включили в экипаж «Контакта»...

Как ни был предан Шварцкопф идее американского первенства в мире, как ни нравилась ему работа на «самую романтическую» организацию кислых времен разоружения, но и его обдало холодом задание, полученное перед самым запуском. Клаус заколебался: это не ускользнуло от лица, передававшего задание. Лицо участливо спросило: что смущает столь опытного агента? Шварцкопф откровенно ответил, что боится. Слишком огромна ответственность — все-таки важнейший международный полет, — слишком громкий возникнет шум в случае неудачи; а уж им, маленьким агентом, наверняка пожертвуют, как пешкой... Лицо посулило золотые горы и внеочередное повышение в должности, намекнуло, что опасность провала операции весьма проблематична — предусмотрены самые ничтожные детали, все отклонения, даже самые маловероятные, просчитаны на компьютере, — зато отказ столь информированного сотрудника выполнить сверхсекретное задание наверняка повлечет большие неприятности... Шварцкопф в отчаянии заявил, что любые земные неприятности все же ничто в сравнении с судьбой агента, застигнутого «на горячем» в открытом космосе... там, где командир корабля и царь, и бог, и верховный судья. Тогда лицо пустило в ход последний козырь. Зная наследственную немецкую сентиментальность Клауса и его верность семейным традициям, оно напомнило об одной давней-предавней истории... Тогда в маленьком университетском городке действовало некое сообщество... пусть по-детски наивное, но воодушевленное, в общем, правильными, твердыми идеями. Среди молодых людей, входивших в эту группу, были дедушка и бабушка нынешнего астронавта. Сообществу помогали щедрые и влиятельные, хотя и неизвестные благодетели. И даже тогда, когда смелым ребятам грозила настоящая беда — судебный процесс, затеянный кучкой хлюпиков-интеллигентов, — добрая сила вмешалась, заставила юристов прикрыть дело. Среди спасенных от позора были и уважаемый покойный

дед Клауса, и ныне живущая глубокая старуха бабка... А снабжала деньгами, прикрывала от всех неприятностей и в конце концов спасла от тюрьмы молодых американских нацистов как раз та самая служба, что теперь ждет послушания от последнего в роду Шварцкопфов. Так что долг платежом красен...

Клаус был подавлен этой исторической справкой. Колебания его кончились. Он стал готовиться к выполнению задания...

В первый раз инженеру не повезло. Он не рассчитал время своего появления возле реактора, попал туда в период самого активного ядерного «горения» и, несмотря на защитный костюм, получил дозу в сто с лишним рад. Оправдаться, почему он был рядом с атомным котлом, не составило особого труда: профилактика, нужды текущего техобслуживания. Клауса жалел весь корабль: ему приносили в санотсек вкусные вещи, читали вслух: несколько раз навестил сам Панин. В те годы лечение лучевой болезни уже не представляло собой ничего особенно сложного. Не прошло и двух недель, как Шварцкопф снова приступил к выполнению своих обязанностей. И — на сей раз скрупулезно ознакомившись с графиком работы реактора — снова полез в недра корабля заниматься «профилактикой»...

Двигатель «Контакта», отнесенный весьма далеко от жилых помещений, конструктивно ничем не выделялся среди обычных, давно проверенных систем, установленных на атомных планетолетах. Отличие было только в мощности реактора и в более высокой температуре нагрева рабочего тела, что, естественно, привело к резкому увеличению удельной тяги сопел. Рабочее тело — сложный состав, в котором преобладал жидкий аммиак — насосами подавалось в камеру двигателя. Там жидкость смешивалась с газообразным ядерным горючим, нагнетавшимся с другой стороны. Достигнув критической величины, масса газа разогревалась и моментально передавала свое тепло рабочему телу. Сделан-

ный из сверхтугоплавкого сплава; окруженный слоем тяжелой воды и коконом магнитного поля, удерживавшего ионы топлива, реактор выбрасывал струю перегретого аммиачного пара. «Контакт» строили и запускали в безвоздушном пространстве, в условиях фактической невесомости; это обстоятельство позволило прицепить к кораблю два десятка баков с рабочей жидкостью. То есть, конечно, можно было бы соорудить и одну емкость размером с добрый небоскреб; но тогда пустячный микрометеор мог лишить «Контакт» всех запасов двигательной силы...

...Проплыв вдоль темной трубы охлаждающего тракта, по которой насосы толкали жидкость к топке, Клаус медленно влетел в круглую низкую камеру, тесно уставленную множеством стальных колонн. То были центробежные форсунки, через которые рабочее тело вбрызгивалось в активную зону. Под бронированным полом (а может быть, за стеной — в невесомости такие понятия относительны) неслышно бушевал раскаленный радиоактивный вихрь. Впрочем, сейчас там царил покой — «Контакт» находился на инерционном участке полета. Красный квадрат на рукаве неуклюжего, медведеобразного белого скафандра высшей защиты, в который был одет Шварцкопф, не пылал, отмечая опасный для жизни поток частиц и квантов, а лишь едва светился в полумраке — все-таки помещение было здорово «заряжено»...

Быстро отыскав нужную «колонну» — канал запасной форсунки, которая могла быть использована только в случае порчи одной из основных, — Клаус вороватым движением отпер замок, откинул выгнутую боковую заслонку. Делом нескольких минут было снять и вытащить шпек распылителя. Массивную спираль, похожую на винт мясорубки, он сунул в приготовленный мешок. Канал был свободен. Когда он вернется в диспетчерскую, надо будет незаметно выключить эту форсунку из электросхемы — чтобы, не дай бог, если испортится ка-

кая-нибудь основная, дежурный оператор не перекинул поток именно в нее! В конце концов запасных тут восемнадцать штук, шансов на то, что одновременно откажет столько основных, попросту нет... Ну да последняя часть операции, легкая корректировка схемы, для такого специалиста, как Шварцкопф, — плевое дело. Главное предстоит сейчас... вот именно сейчас...

Здесь за ним никто и никаким образом не мог следить, и все же руки в белых рукавицах, похожих на клешни омара, заметно дрожали, когда Клаус вынимал из мешка черную полуметровую сигару и вставлял ее в освобожденный канал форсунки, толстой частью к соплу.

Глава XIV

ВЫЗОВ БРОШЕН...

Погода стояла просто редкостная — или, может быть, тогда, десятки тысяч лет назад, на Земле, чье лицо еще не было изменено цивилизацией, такое утро считалось обыкновенным? Перед рассветом хлестал дождь, раскаты грома были слышны даже в глубине пещеры. Девушка на ложе белобрысого Новичка боязливо взвизгивала и заползала под шкуры. Но ливень прекратился с восходом солнца, и когда процессия под треск погремущек и безумные завывания колдуний вышла из подземного обиталища племени, люди увидели чистейшее светло-голубое небо. Местность была залита потоками, водопадами света, явившего глазам самые потаенные, обычно дремавшие в полумраке ущелья и провалы. Справа от тропы, протоптанной многими поколениями пещерных людей по некрутому склону, буйно зеленел непроходимый смешанный лес: высоченные, в рогах отмерших сучьев, сосны и буки поднимали свои шапки над морем кудрявых молодых деревьев. Лес вли-

вался в долину между двумя горными цепями — сизокоричневыми, почти голыми, в этом чрезмерно щедром свете похожими на декорацию. Слева скалы вплотную подступали к тропе, а в промежутках между каменными громадами виднелось ровное пространство, усыпанное щебнем, поросшее редким жестким кустарником. Среди равнины одиноко высился костлявый палец в полсотни человеческих ростов — Столбовая Скала.

Охотник, в чьем черепе жило присланное из будущего сознание Акопяна, не захотел женщины в свою последнюю ночь. Хорошенько поужинав, он безмятежно уснул (бодрствовавший «островок» личности Сурена, невероятно переживавшего перед завтрашним днем, был просто поражен таким героическим спокойствием — охотник отнюдь не казался тупым или бесчувственным). Крепко проспав до смутной предутренней поры, смертник очнулся с первыми раскатами грома и больше уже не засыпал. С быстротой и ловкостью, опять-таки показавшими, что интеллект далекого предка отличается от нашего лишь характером сведений, дающих пищу мыслям, но никак не качеством мышления, он продумывал варианты спасения. Ему помогало безукоризненное знание местности; зрительная память с необычайной для человека технической эры, какой-то незамутненной яркостью представляла один за другим отрезки будущего пути к Столбовой Скале: утесы и водомоины, истерзанный ветрами колючий куст...

Маршрут повторялся в уме снова и снова, «прокручивался», словно кольцо видеопленки. Охотник, разумеется, не стал бы «слушать» советов Акопяна, если бы тот вздумал их давать: пожалуй, он вообще не замечал присутствия чужеродного включения в своей психике. (Сурен не раз думал о том, что, видимо, волею судьбы, как герой фантастического рассказа, перенесен в прошлое, однако ему не приходило в голову, что все может быть как раз наоборот, и это первобытный охотник со своими приключениями проснулся в его, Акопяна, ге-

нах...) Но, пожалуй, пришелец из грядущего и не смог бы подсказать ничего существенного — так разумны и толковы были соображения «дикаря»...

Как бы то ни было, но шествие началось, и охотнику приходилось участвовать в нем в виде центральной фигуры, совмещавшей качества божка и приговоренного.

Впереди шли собраты «священной жертвы» по ремеслу добытчика, коренастые бородатые мужчины с тяжелыми копьями наперевес и кремневыми топорами наготове. Их цепь окаймляла голову процессии. Так полагалось, мало ли, какая опасность могла встретиться даже на столь коротком и хорошо просматриваемом пути! Акопян (вернее, «островок» его сознания) не раз поражался тому, насколько грозен для человека девственный мир первобытного прошлого. Бесконечные стихийные бедствия; болезни и эпидемии, против которых не было никаких средств; хищники, не слишком боявшиеся примитивного оружия и бравшие с племени обильную дань жизнями... Кучка пещерных людей, единственная группа на много дней ходьбы в любую сторону, порою казалась Сурену чем-то вроде десанта на чужой, враждебной планете. Нет, эта Земля еще не была родной, колыбелью человечества. Редкие и беззащитные носители разума обитали на ней, как пасынки...

Под защитой вооруженных охотников беспрерывно плясали и вертелись, прыгали и катились по земле визжащие, воющие колдуньи во главе с Коротышкой. Они были сплошь размазаны самыми яркими праздничными узорами; при каждом скачке или повороте вокруг тела взвивались привязанные на длинных жилах костяные и каменные амулеты, гремели, сталкивались...

Чем старше и заслуженнее была колдунья, тем гуще она обвешивалась магическими талисманами, на Коротышке было несколько слоев бахромы с прицепленными позвонками, статуэтками, кусочками разных блестящих минералов. Колдуньи трещали погремушками, раскачивали курильницы — глиняные горшки со множеством

проколотых отверстий. Дым ароматных углей окутывал шествие.

За толпой кривляющихся фурий четверо крепких юношей несли на носилках Старика. Он был страшен: воспаленная кожа туго обтягивала кости черепа, дыхание было хриплым, под слезящимися глазами набухли бурые мешки. Несмотря на ласковое солнце, патриарх сплошь укутался в вонючие меха, очевидно, его мучили и свет, и многолюдье, и необходимость куда-то двигаться — даже на носилках. «Не жилец Старик, — четко подумал Акопян. — Пожалуй, еще и Новичка кинут со скалы... дай бог, чтоб дольше не протянул, старый кровопийца!.. Иначе полплемени истребят, а он все равно издохнет».

Его — то есть, конечно, охотника, в мозгу которого жил усеченный разум Сурена — торжественно вели под руки вслед за носилками вождя. Он был обнажен, сплошь размалеван извилистыми линиями и спиралями — белыми меловыми, черными угольными, рыжими охряными. Вокруг глаз нарисованы белые круги — чтобы подчеркнуть близость жертвы к миру подземных большеглазых духов. Два силача конвоира — известный лгун Щербатый и сутулый гориллоподобный молчальник по прозвищу Носорог — держали нашего героя под локти весьма бережно и вообще были раболепно-предупредительны, но при любом резком движении избранника невольно сжимали каменно-твердые пальцы. Далее следовали жены священной жертвы — коротконогие, с отвислыми животами, в праздничной раскраске, с целыми выставками перьев, цветов и раковин в намащенных волосах. Они прямо-таки раздувались от гордости и чванства, даже взглядом не удостаивая прочих соплеменников. Каждая из трех женщин несла на вытянутых руках какой-нибудь предмет погребальной утвари: лощеный горшок, короткое копье с резьбой по накопечнику, ожерелье из медвежьих зубов, охотничьих трофеев мужа... Все это должны были скоро сложить в могилу

разбившегося охотника, на кладбище священных жертв, находившемся рядом со Скалой.

А дальше валила масса возбужденных, горланящих сородичей — всклокоченных, мертвенно-бледных от постоянной жизни без солнца, с глазами, воспаленными в дыму неугасающих костров... Тронулись в дорогу все, даже увечные и матери с младенцами-сосунками. Резал уши пронзительный детский визг.

Охотник шагал спокойно, поддерживаемый своим почетным конвоем, и даже сохранял величавую осанку, смотрел поверх голов, но Сурен «слышал» лихорадочную работу его души. В принципе прошедшей ночью охотник решил, как именно он попытается спастись, окончательный вариант казался надежным, но страх не отпускал. В случае неудачи смерть была бы не быстрой, как после падения с высоты, а долгой и мучительной. Самое «мягкое», что могли сделать с мятежником, — это привязать его к дереву возле логова пещерного медведя... Поэтому он снова и снова взвешивал все детали своего дерзкого плана.

Вот-вот должна была закончиться гряда утесов: приближалась голая щебнистая площадка, над которой, несмотря на ранний час, дрожало марево зноя. Там будет труднее... Сбоку открылась глубокая расселина — охотник знал, что она сквозная, что за ней, под невысоким крутым откосом, начинаются сплошные тростники речной поймы. Если добраться до реки и следовать по топкому берегу за ее изгибами, можно через несколько дней выйти к чудесному озеру, окруженному дубовыми рощами. Там не появляются охотники племени — предпочитают кружить вокруг пещеры. Только он, с юных лет склонный к бродяжничеству, не боявшийся ни зверей, ни сверхъестественных сил, осмелился побывать в том благословенном, пустынном краю...

И пришел долгожданный миг. Медлить было нельзя... «Островок» Суреновой личности будто ошпарило го-

рячим — это охотник, собрав всю свою волю, ринулся выполнять задуманное...

Первым делом он молча, чтобы раньше времени не привлечь всеобщего внимания, рванулся неожиданно для стражей не вперед, а назад. Щербатый, опешив, выпустил локоть охотника и сам чуть не упал, Носорог, на оборот, вцепился в «жертву» обеими руками, но охотник жестоко ударил его ногой в пах, и силач, заревев от боли, скрючился в три погибели... Кажется, никто из окружающих так и не успел ничего понять, покуда охотник не приступил к выполнению главной части плана. Опомившись, Щербатый замахнулся острокопечным топором, но бунтарь боднул его головой в живот, конвоир повалился на спину, топор отлетел, и охотник мигом подхватил его. Прыжок, другой...

Топор обрушивается на затылок одного из юношей, державших носилки со Стариком... Сурен невольно пропустил несколько эпизодов борьбы. Ясность вернулась, когда двое из носильщиков уже лежали на камнях, густо обрызганных кровью. Двое оставшихся сбежали в толпу, носилки рухнули, голый размалеванный смельчак стоял коленями на груди Старика, занеся свое окровавленное оружие. В этом и была соль единственно возможного плана спасения: шантажировать все племя, взяв заложником самого патриарха! Слишком уж глубокой была вера в то, что разбушевавшиеся стихии, морозы, поветрия, нашествия зверей сотрут племя с лица земли. Потому никто из десятков мужчин, вооруженных тяжелыми копьями, кремневыми ножами, легко пробиравшими череп дикого быка, никто из соплеменников не решался сдвинуться с места. Поза охотника была весьма красноречивой. Одно неосторожное движение кого-либо из окружающих, и голова Старика разлетится, как плохо обожженный кувшин... (Сурен читал — в современном словесном переложении — приблизительно такие мысли мятежника: «Я, конечно, мог бы попытаться взять его за глотку еще в пещере, и не раз подумывал об этом, но

там, чтобы самому оставаться в безопасности, пришлось бы тащить это парализованное чучело до самого выхода, а то и дальше... мне бы наверняка сумели помешать... здесь и сейчас — наилучший момент!»))

Язык племени был еще примитивен и маловыразителен, слова напоминали нечленораздельные выкрики, лай или хрип; Акопян так и не научился понимать речи «своих» соплеменников. Но сейчас в этом не было нужды. Охотник, крича нечто повелительное и гневное, делал такие энергичные жесты руками, головой, всем телом, что становилось ясно: участникам процессии предлагается как можно скорее убраться назад к пещере. Всем без исключения. Старик останется тут. Через некоторое время его можно будет забрать.

Трудно себе представить, какой невообразимый гвалт подняли колдуньи, как угрожающе замахали амулетами и погремушками — будь в этих вещах хоть немного волшебной силы, верно, не осталось бы от святотатца и мокрого места... Но охотник, как прежде, держал топор над самым лбом вождя. Старик уже даже не хрипел, а как-то странно булькал под своими шкурами, мокрый, как мышь, с закотившимися глазами... и вдруг, выпростав тощую руку, вяло махнул ею.

Люди попятились, толкая друг друга. Племя отступало в сторону пещеры, пока не столпилось над осыпью, в сотне шагов от места событий.

В расселине попробовала голос некая скрипучая первобытная цикада. Охотник заглянул в обезумевшие от страха глаза вождя, покосился на его отвисшую, дрожащую нижнюю челюсть; презрительно усмехнулся. И это глава племени, могущественный колдун, повелевающий духами земли!.. (Акопян прекрасно слышал презрение своего «носителя» к поверженному Старiku.) Несколько секунд жалкая жизнь патриарха висела на волоске — бывшая «священная жертва» в раздумье покачивала топором... Исхудававшие ладони сложились молитвенным жестом. Охотник еще раз криво ухмыльнул-

ся... и бесшумной птицей махнул в темную щель между скалами. Те, наверху, заревели, послышался топот — его это уже не интересовало. Буквально скатившись по откосу, беглец ворвался в тростники, столь густые и высокие, что в них скрылось бы бесследно и бычье стадо...

Он не слишком боялся погони. Во-первых, «фора» была изрядная. Во-вторых, запуганные враждебной природой соплеменники вряд ли решились бы преследовать его вдоль реки, уходя все дальше от дома. Даже для него самого, очевидно, храбрейшего (или, во всяком случае, наименее суеверного) человека в пещерном сообществе, нужны были необыкновенные обстоятельства, чтобы отправиться в этот путь... Итак, охотник с полчаса бежал напролом сквозь чащу тростников, вдвое превосходивших его рост; твердые, словно покрытые лаком коленчатые стебли поднимались из желтого, гнилостью пахнувшего ила; сверху на потную разгоряченную кожу, неприятно покалывая, сыпались семена и другой сухой мусор. Наконец он перешел с бега на размашистый охотничий шаг, которым мог, не уставая, преодолевать любые расстояния. Так беглец двигался до тех пор, пока солнце не склонилось на западную половину неба. Тогда он остановился и стал оглядываться. Боевое возбуждение давно прошло, его заменили обычные чувства. Со вчерашнего вечера, когда ему был подан деликатесный предсмертный ужин — мясо с кореньями и медовые пчелиные соты, — у охотника маковой росинки не было во рту. Приходилось срочно искать пищу...

Недолго поразмыслив, он решил, что наиболее вероятной и легкодоступной едой может оказаться рыба. Все же река протекала рядом, хотя и неширокая, но на диво полноводная; судя по бесчисленным уносимым течением кругам, рыбы в ней было видимо-невидимо. На дичь в болотистых зарослях особо рассчитывать не приходилось. Птицу с его вооружением подобьешь едва ли, а четвероногие здесь столь велики, что есть реальная

опасность самому сделаться дичью... Отгоняя от себя тревожные мысли, охотник зашагал к воде...

Ах, не было печали! Буквально из огня да в полымя. Пробираясь к реке, он невольно выбрал свободный проход, полосу, не заросшую тростником. Вся эта глинистая прогалина была истоптана копытами. Очевидно, здесь проходили к водопою быки и кабаны. Ему показалась подозрительной гладкая площадка без единого следа. Но голод притупил бдительность; охотник сделал шаг, другой... земля под ним заколебалась, и он с хрустом, изрядно ободрав бока, полетел в затхлую темноту.

Нет, избранный в жертвы явно недооценивал своих сородичей, их храбрость и охотничье умение. Владения племени непрерывно расширялись; дикий, своенравный мир природы, огрызаясь, все же уступал людям.

За те месяцы, пока смертник томился на «почетном» ложе, мужчины успели проложить тропу к реке и вырыть ловчую яму для самых крупных животных. Пожалуй, здесь мог бы уместиться и мамонт. На дне ловушки, скупо освещенной через дыру, проделанную упавшим человеком, торчали заостренные колья. По счастливой случайности, охотник не напоролся ни на один из них.

Падение никак не отразилось на ловкости и сообразительности беглеца — он умел мгновенно собирать свое тело и приземлился, как кошка, на четвереньки. Затем подобрал отлетевший в сторону топор и принялся внимательно осматривать яму. Вероятно, он был первой добычей строителей ловушки... Медлить не приходилось — ловцы наверняка проверяли свою яму каждое утро; колья скоро нынешним утром племя собралось на церемонию, значит, придут после полудня.

Стены были рыхлые, влажные; в одном месте на полу накапливалась вода. Видно было, что западня не прослужит долго. Охотник выбрал наиболее прочный участок стены и принялся вырубать в нем лунки. Работа спорилась. Скоро он окончил ряд «ступеней», по ко-

торым можно было легко взобраться почти до самого края. Беглец не сомневался, что благодаря своей изворотливости и крепости мышц сумеет, висая на стене, довести «лестницу» до конца. Очевидно, так бы оно и произошло, если бы не новое неожиданное обстоятельство.

За спиной прильнувшего к стене охотника громко затрещало; ловушку залил солнечный свет, и что-то тяжелое мягко упало на пол. Цепляясь левой рукой за верхнюю из выдолбленных лунок, он обернулся... и сразу понял ситуацию. В яме оказалось сразу двое животных. Судя по всему, первое из них — копытное, напоминавшее небольшую косулю, только более лохматое — уходило от погони; а преследователь попал сюда по инерции, не успев затормозить, когда провалилась «косуля». Злосчастное травоядное распорол живот и теперь билось в агонии на колу, оглашая западню жалобным блеянием; хищник остался невредим. Он стоял в замешательстве, видимо, не зная, что предпринять: то ли вцепиться в «косулю», то ли попробовать выбраться наружу. Наконец склонился ко второму и начал обнюхивать стены, прижав уши и упруго размахивая полосатым хвостом. То был странный, с точки зрения Сурена, но хорошо знакомый охотнику зверь, один из самых опасных, с которыми племени приходилось иметь дело: пещерный тигр, кряжистый и приземистый, с жесткой гривой на шее, редкими тусклыми полосами и парой кривых бурых клыков, видимых даже при закрытой пасти. Беглеца объял страх, ничуть не меньший, чем во время шествия, — пополам с кровожадным азартом. Такой трофеей мог прославить человека; такая шкура на плечах — свидетельствовать, что идет герой...

Обежав три угла, тигр остановился под висящим на стене человеком; задрал голову, наверное, размышляя, какое место в его планах может занять эта новая живность. Охотник видел совсем близко мутно-опаловые глаза с вертикальными щелями зрачков; дыхание гигантской кошки обдавало щиколотки. Неизвестно, что

предпринял бы хищник дальше, если бы у беглеца не затекла левая рука и он не шевельнулся бы, слегка меняя позу; земля из-под ног посыпалась прямо на морду тигра, зверь зажмурился и помотал широколобой башкой, а потом глухо зарычал, приседая для прыжка...

И тут Акопян вторично за этот потрясающий день убедился, насколько реакции первобытного человека быстрее и, если можно так выразиться, «умнее», чем реакции далеких потомков. Показав совершенство владения телом, охотник оттолкнулся от стены и, сделав пол-оборота в воздухе, с высоты обрушил топор на переносицу тигра. Может быть, он и не убил зверя первым ударом, но могучий враг был оглушен, а храбрецу понадобилось всего две-три секунды, чтобы вскочить на ноги и довершить начатое... («Островок» сознания Сурена, успевший привыкнуть к сценам расправ — каменный век, никуда не денешься! — уже почти не протестовал.)

Занятно, что первая мысль охотника после победы над тигром была сугубо практической: теперь у него есть и великолепная шкура для одежды, и запас еды — мясо «косули»... И только потом нахлынула огромная радость. Стоя посреди ловчей ямы, голый, как в день рождения, покрытый разноцветными пятнами от стершейся «магической» раскраски, забрызганный кровью врагов, человек потряс в воздухе топором и гортанно, неистово закричал. Облегчил душу, не боясь выдать свое присутствие возможным преследователям. Он больше никого не боялся — ни людей, ни зверей, ни выдуманных духов с совиными головами; он словно бросал вызов всем опасностям, нынешним и грядущим, на тысячи лет вперед, всем, какие только есть во Вселенной...

Лицо Акопяна на самом большом из экранов пульта казалось безмятежным, как у мирно спящего человека, щеки порозовели, грудь равномерно вздымалась и опадала.

— Подъем температуры идет устойчиво?

— Да, товарищ Добрак; уже тридцать три градуса с четвертью...

— Это я и сам вижу, меня интересует плавность кривой активизации по вашим, местным данным...

Шел разговор между старым гипнологом, возглавлявшим смену медиков и операторов, и бортовым врачом «Контакта» Хабибуллой Умаром; время между репликами собеседников достигало уже шестнадцати минут, так далеко от Земли находился корабль. Долгие паузы заполняла оживленная, хотя и не слишком спокойная беседа Добрака с присутствовавшей тут же Мариной и Тархановым, красовавшимся в рамке видеодинамика.

— Все же до сих пор не могу взять в толк: как вы рискнули?! — восклицал Семен Васильевич, хлопая себя руками по пухлым коленям. — Вы, врач с таким опытом? Представляете, что могло случиться с беднягой Суреном, если бы вы ошиблись в своем предположении?...

— Я не мог ошибиться, — упорствовал Добрак. — Вы сами были свидетелем, что видения Акопяна абсолютно неуправляемы. Гипнотерапия против них бессильна, и даже химические средства не смогли нарушить сюжет галлюцинаций. Из этого один вывод: источник сверхдолгого и сверхреального сна пациента расположен в самых глубоких структурах, не поддающихся никакому внешнему воздействию, — в генах!

— Но информационная емкость хромосомы... — заикнулась было Марина.

— Вы мне еще академика Марголесу вспомните! — разом вскипел профессор. — Мы до сих пор и на десятую долю не знаем этой емкости! Может быть, информация записывается на квантовом уровне...

— Ладно, — басил с экрана Тарханов. — Ваша взяла, победителей не судят... Но для чего вам понадобилось применять к Сурену метод «ускоренного времени»? Внушать ему, что час проходит за пять минут?..

— Причина весьма проста. Если бы я оставил время галлюцинаций в реальном масштабе, то есть позволил бы шествию к Скале начаться только сегодня утром, — вы бы под предлогом окончания смены отстранили меня от пульта и «разбудили» бы Сурена задолго до переломного момента, опасаясь, что он, видите ли, трагически переживет гибель своего носителя! А так — час-другой, и вся программа генных воспоминаний прокручена; и Акопян возвращается к жизни не подавленный и перепуганный ожиданием казни, а счастливый, торжествующий победу! Поверьте, его нынешнее состояние покоя и удовлетворенности собой куда лучше соответствует требованиям освежения мозга... Извините!

Трещал зуммер, мигала лампочка, обозначая прием радиogramмы с «Контакта», — и Добрак выслушал очередной краткий доклад о состоянии Сурена, задавая потом новые вопросы. Электромагнитная волна уносила сварливый голос профессора в мировое пространство; дождавшись паузы, Семен или Марина снова начали доклад с пристрастием:

— Ну хорошо, с ускорением времени понятно, но зачем вы как раз в самый ответственный момент, когда охотник нападал на своих конвоиров, разыграли этот балаган с якобы перепутанными коммутациями? «Ой, извините, сигнал не проходит, сейчас исправим...» Дежурный наладчик сразу понял, что отказ машины — липовый, спровоцированный вами!

— Цель та же, чтобы вы не успели вмешаться и что-нибудь испортить... По резервному каналу видеомagnетофон записал и эти минуты «сна», фильм получится цельный, только просматривать его придется с двадцатикратным замедлением...

— Жаль, что я вас тогда сразу не отстранил, авантюрист вы этакый, пират! — погрозил пальцем Семен, но было видно, что гнев не слишком серьезен.

— Все равно оказалось бы поздно, охотник уже спасся...

— Но, черт возьми, если вы были так уверены, что видения Акопяна не представляют для него опасности, зачем вообще было его будить?! — уже не в шутку рявкнул Семен.

— Если бы я решал этот вопрос, — Добрак язвительно подчеркнул «я», — то, вероятно, так бы и поступил; и лежал бы он у меня в капсуле до самого Фобоса... Это же вы заторопились, как на пожар! Ах, ах, перепугается, с ума сойдет... А теперь неизвестно, как повлияют на него дни бодрствования перед финишем. Ну, будем надеяться, что не успеет устать...

— Ладно, — примирительно сказала Марина, кладя ладонь на сгиб локтя Добрака. — Обо всем этом можно спорить до потери сознания — что надо было делать, чего не надо было делать... Меня интересует другое, Иржи. Скажем, наличие генной памяти доказано. Но почему вы были так уверены, что Акопяну надо прожить до конца эпизод возможной гибели? Почему не боялись шока, мощного стресса?

— Потому что я знал: пещерный человек окажется триумфатором, а это положительно повлияет на состояние нервов и психики подопытного...

— Но откуда вы знали, ради всего святого?!

— Дитя мое, это же так просто... — Добрак растроганно шмыгнул носом. — Если бы охотник не выжил, то как бы он передал своим потомкам запись в генах?..

Глава XV

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

...Впервые за много-много дней и ночей Семен Тарханов откинулся на спинку кресла; раскинув руки в стороны, сладко, до хруста в костях потянулся; зажмурил глаза...

Все. То есть почти все. Планетолет «Контакт» про-

шел двести миллионов километров пути за неслыханно короткий срок — неполных четыре месяца! Это рекорд для кораблей с экипажем. Притом двигатель «Контакта» куда мощнее, чем у знаменитой «молнии космоса», американского беспилотного корабля «Дэниэл Бун», и мог бы развить в несколько раз большее ускорение, но люди не роботы, и даже гравитационная установка не спасла бы их от чудовищных перегрузок...

Как бы то ни было, но гигантский «волчок», слепленный из шаров, кубов и трубопроводов, выключив атомные сопла, плыл по ареоцентрической орбите. Навстречу ему из-за рыжего, расписанного вихрями полушария планеты бежал, повинаясь законам небесной механики, вожделенный Фобос. Нет, на этом витке тайна еще не будет разгадана. Предстоят сложные маневры. Космонавты во главе с Паниным, утомленные перелетом, буквально на втором дыхании готовят прыжок исследовательской капсулы... нервы уже не то что на пределе, давно за пределом, только сеансами магнитофонного гипноза ребята и держатся. Зато первооткрыватель, Сурен Акопян, бодр и свеж, как после долгого отдыха на самом лучшем курорте. И третья, и десятая проверки подтвердили: если на этот раз мозг Сурена не сумеет принять и расшифровать волны искусственного биополя, значит, их нет вовсе...

Несколько дней назад высказал новые опасения профессор Добрак. Мол, целая неделя мозговой активности — время до высадки на Фобос — с непривычки измучит Акопяна и сведет на нет благотворные последствия анабиоза. Кроме того, в программу полета, отрабатанную на Земле, входила гипноадаптация к невесомости — это не было выполнено опять-таки в связи с аварийной поспешностью «пробуждения». Но в том, что касалось последнего пункта, врачи были настроены оптимистически. Во-первых, не «разбуди» они Сурена, видения генной памяти препятствовали бы любому внушению. Во-вторых, нормальную гипноадаптацию, без

анабиоза, провести не сложнее, чем выпить стакан чаю, — опыт огромный... Не слишком верилось и в быстрое уставание Акопяна — до того он был заряжен здоровьем, весельем, жадой деятельности. Пожалуй, даже слишком заряжен...

Все его эмоции как бы обновились, стали яркими, их проявления — бурными даже для «сына Кавказа». Он хохотал во всю глотку, отчаянно злился, от малейшего огорчения плакал настоящими слезами. А кроме того, искал любой деятельности. Никаких обязанностей в штатном расписании экипажа для него не предусмотрено. «Ты, брат, теперь не только не бортинженер, но даже и не пассажир, — полшутя сказал ему перед стартом Волновой. — Ты — груз! Верх, не кантовать, боится сырости...» Сурен буквально бежал за членами экипажа, просил дать какое-нибудь поручение. Панин позволил ему вести полетный журнал; доктор Умар нагрузил какими-то не слишком важными лабораторными исследованиями; штурман Брэдшоу допустил к радиолокаторам и тоже дал пустяковое задание, вроде записи координат встречных сгущений метеорной пыли. Более серьезные нагрузки настрого запретил Тарханов... Наконец Сурен, испытывавший, как выяснилось, некий писательский зуд, принялся сочинять беллетризованный очерк о полете, надеясь после возвращения опубликовать его в толстом журнале... Он теперь очень много и бурно говорил, философствовал, спорил; речь стала поспешной, захлебывающейся. Часто, не дослушав собеседника, Сурен обрывал разговор, резко переходил на другую тему. И еще — строил фразы «телеграфным» стилем, будто экономил время. На него поглядывали чуть ли не с опаской — может, это отпечаток генной «игры», необратимое изменение личности?

Сам Акопян не замечал ровно ничего. Вернее, не замечал за собой. Зато... предъявлял претензии к экипажу, к своим товарищам!

— Трудно с ними! — кричал он во время радиопе-

реговоров с Тархановым. — Понимаешь — сонные мухи! Едва ползают! Все! А как будто крепкие люди, все тесты прошли перед запуском... Странно. Я даже ем вдвое быстрее, чем они. Но ведь им еще работать и здесь, и на обратном пути — как справятся?!

Через день-другой Сурен уже чувствовал себя одиноким, полностью оторванным от всех... Космонавты вызывали в нем изрядное раздражение.

Добросовестный Хабибулла Умар, потомок древнего рода афганских народных врачей, показал на экране Тарханову некий график. Между осями абсцисс и ординат извивались две кривые — красная и синяя. Красная обозначала расход физической энергии Акопяна в течение суток. Синяя — таковой же расход, средний для экипажа. Красный отрезок взлетал вверх, точно траектория ракеты. Разрыв был огромный. Стрижова испугалась, как бы на борту «Контакта» не возникла ссора — она и помешает выполнению программы полета, и уж наверняка может издергать, утомить столь завидно свежего Сурена. Семен неопределенно ответил, что попытается спустить конфликт «на тормозах»...

Следующим вечером О'Нейл, инженер корабельных коммуникаций, доложил, что Акопян... испортил душ! Скрутил головку электронного дозатора. Тумблер надо поворачивать осторожно, доводить до определенного уровня; затем так же, без применения силы, выставлять температуру воды, насыщенность ионами, ароматизаторами... Сурен же попросту сорвал подряд несколько тумблеров; машина отключила душ, и пришлось ставить запасной дозатор.

Не прошло и нескольких часов, как случилось следующее, столь же курьезное происшествие. Акопян не вышел в назначенный час на связь с Землей, с психофизцентром. Закрытый, адресованный только штату Тарханова телеканал не включался ни с одной, ни с другой стороны. Чуть позже заведующий блоком связи

«Контакта» Христенсен сообщил, что Акопян пережал, вывел за ограничитель кнопку включения канала...

«Умные» машины центра без запинки выдали Семени и его коллегам свою оценку происшедшего: «Нерасчитанное использование силы при работе с органами управления, выход за динамику программных допусков». Казалось бы, яснее не скажешь, но Тарханов проявил дотошность и затребовал параметры этих самых допусков для компьютеров планетолета. Выяснилось неожиданное обстоятельство: в течение полета кибернетические хранители экипажа, обладавшие чуткой обратной связью и умевшие обучаться, мало-помалу снижали величину необходимых нагрузок на кнопки, клавиши, тумблеры... Экипаж утомлялся, физический тонус падал месяц за месяцем — и машины, «чувствуя», как постепенно слабеют пальцы их хозяев, облегчали людям любое действие, приспособляли технику к состоянию космонавтов. По той же причине компьютеры отводили в распорядке дня все больше времени для бытовых забот, еды, сна, гигиенических или физкультурных операций — люди двигались медленнее, любое дело стоило им новых и новых добавочных усилий. Один Акопян, с его нетронутым запасом сил, двигался и напрягал мышцы так, как если бы вовсе не было трехмесячного космоплавания...

Да, конфликт Сурена с более «медлительными» и «слабыми» товарищами был неизбежен. Его уже сторожились. «Он нам весь корабль разнесет!» — сокрушался О'Нейл. «Не могу даже разговаривать с этими тугодумами!» — брюзжал помрачневший Акопян...

— Что будем предпринимать? — спрашивал Волновой.

Тарханов, снова не знавший покоя и порывавшийся почевать около пульты, отвечал:

— Черт его знает... Снизить реакции, утомить его чем-нибудь?

— За что боролись! — напоминал Игорь Петрович. — Он нам нужен нетронутый, как огурчик!

— Если будет так нервничать из-за несходства своего состояния с состоянием товарищей, все равно потеряет пужную нам свежесть.

— Так опять же — твои предложения? Вернуть всем этим выключателям прежнюю упругость?

— Ага, чтобы страдал весь экипаж... Извини, но им еще обратную дорогу проделывать надо. А анабиоз для них не предусмотрен...

Часы бежали неумолимо; «Контакт» приближался к Марсу, он уже летел в режиме активного торможения, выбрасывая перед собой протуберанец фиолетового пламени, а ученые мужи из психофизцентра никак не могли решить, что делать с Акопяном. Коллеги-космопсихологи Соединенных Штатов, Франции, Норвегии и других стран — участниц полета также пока что не могли придумать ничего радикального. Многие предлагали откровенно рассказать все Акопяну, обратиться к его сознанию, к чувству долга — мол, держи себя в руках, следи за собой! Но и этот вариант в конце концов отбросили. Добавочное напряжение может повредить «приборным» свойствам Сурена, понизить его сверхчуткость. Кроме того, большая часть его реакций носит такой характер, что сознательной волей их не изменишь...

Выйти из тупика, как это нередко бывает, помогла случайность. В одно из ночных дежурств на пульте связи с «Контактом» Марина отлучилась на минуту в подсобку, к холодильнику — был уже час ночи, а она еще не ужинала. Проходя мимо комплекса машинной памяти, она краем глаза увидела двоих молодых наладчиков, копавшихся в нутре одного из миниатюрных блоков. Парни в белых халатах что-то бурно обсуждали. Оказалось, их тоже волновала история с Акопяном. И вот, не замечая присутствия Стрижовой, рыжий вес-

нушчатый наладчик в сердцах ударил кулаком по шасси блока и воскликнул:

— Честное слово, сидел бы он там и после пробуждения, в своей «Аннушке», да не мешал людям работать, так и проблем бы никаких не было!

Марина, находившаяся в приподнятом, радостном настроении (ей только что утвердили докторскую диссертацию), возликовала и тут же бросилась к телефону — поднимать с постели Семена. Но тот, как это водилось за ним в периоды ответственной работы, конечно же, не спал, дул кофе и потихонечку от домашних просматривал на дисплее последнюю информацию с «Контакта». Сердитая фраза рыжего наладчика ему понравилась, в ней содержался намек на правильный путь. Едва дождавшись утра, Тарханов связался с Волновым, а тот — с более высокими инстанциями. Буквально к полудню был в деталях разработан хитроумный план. Предполагалось, что его выполнение устранил растущую несовместимость Акопяна с прочими космонавтами... без ущерба для «экстрасенсорных» способностей подопытного.

Переговоры с «Контактом», на которых должна была решиться судьба Сурена, начались ближайшим же вечером. Для них (разумеется, втайне от Акопяна) были подготовлены специальные компьютеры — анализаторы эмоционального состояния. По малейшим изменениям кровяного давления, колебаниям в пульсе, дыхании, го́лосе машины точно определяли то, что еще недавно по традиции считалось «духовным» и «непознаваемым». Они могли бы обнаружить трепет зарождающейся любви раньше, чем сам влюбленный. Задолго до того, как Сурен ответит «да» или «нет», электронные аналитики будут знать, насколько приемлемо для него предложение Тарханова; не вызывает ли оно внутреннего протеста, не повлечет ли реализация плана — откровенно говоря, рискованного — еще каких-нибудь неучтенных душевных последствий...

Перед началом сеанса связи Добрак нечаянно назвал Акопяна «пациентом». Тарханов моментально вспылил:

— Вот! Вот ваше истинное отношение к человеку! Он для вас пациент, и больше никто. И вы, не задумываясь, ляп... то есть скажете ему прямо в лицо что-нибудь этакое: мол, как ваше самочувствие, больной?.. И все пойдет насмарку! Запомните, Иржи: Сурен — полноценный космонавт, командир десантной ракеты... пилот, черт возьми! У него... всего лишь... э-э... некоторые перебои в работоспособности. От этой печки и будем плясать.

Самолюбивый Добрак нахохлился и наговорил бы академику ядовитых вещей, но тут заиграли огни на пульте, затрещал зуммер, и голос дежурного оператора прогремел через динамики уставной формулой: «Заявки на генеральный сеанс связи для всех служб аннулированы, время связи для главной экспертной группы не ограничивается».

Семен наконец включил телеканал... и тут же взялся за решение заранее приготовленного кроссворда. Стрижова принялась разливать чай, Добрак углубился в свежую «Руде право», молодые врачи пустились наперебой обсуждать вчерашний хоккейный матч, а кибернетики и вовсе разложили шахматную доску. Сигнал должен был достигнуть чудовищно далекого «Контакта» лишь двенадцать минут спустя...

Когда на нескольких экранах возникло размытое, пересеченное бегущими полосами лицо Сурена, Тарханов, не теряя времени, кратко изложил суть дела. Недавно эксперты-механики представили в Космоцентр доклад на основании показаний ЭВМ «Контакта». Датчики, с мгновения старта подключенные к «Аннушке» и ее системам, свидетельствуют: полет несколько расшатал электронные цепи и механизмы капсулы. Необходима срочная и эффективная профилактика, может быть, текущий ремонт. Акопяну предстоит лететь на «Аннуш-

ке» к Фобосу. Кому же, как не ему — кстати, опытнейшему бортинженеру, — заняться в последние дни перед финишем проверкой всех узлов маленькой ракеты?!

Итак, Сурену предлагают срочно оборудовать рабочее место в каюте «Аннушки». С целью полного привыкания, наилучшего освоения капсулы Тарханов советует космонавту и есть, и спать в той же каюте. Ведь анабиоз свел к нулю четыре месяца, проведенных Суреном в чреве «Аннушки». После того, как оттуда убрали оборудование для гипотермии, капсула стала совершенно новой и незнакомой. В пользу постоянного пребывания Акопяна внутри ракеты говорит еще одно обстоятельство: полный отдых организма сделал пилота «Аннушки» более сильным, ловким, сообразительным, чем другие члены экипажа. Ему было бы трудно работать с людьми, настолько во всем уступающими... В общем, Космоцентр считает, что именно в качестве единственного и постоянного обитателя десантной ракеты Акопян — пилот, бортинженер, фактический руководитель экспедиции на Фобосе — принесет больше всего пользы, наиболее полно применит свои способности... Причем вычисления показывают: за два-три оставшихся дня Акопян, занятый привычной и любимой работой в спокойной обстановке, не потеряет биоэнергетической чуткости.

Семен рассчитал абсолютно верно. Удалась и маленькая дипломатическая хитрость с якобы необходимой профилактикой «Аннушки». Надо было только погладить несколько самовлюбленного Сурена «по шерсти», и он согласился на добровольную изоляцию от экипажа. Анализатор эмоций показал здоровенный пик — всплеск удовлетворенного тщеславия...

А рыжий, всего пару недель назад поступивший на работу к психофизиологам наладчик компьютеров был несколько удивлен, получив премию в размере месячного оклада «за творческую инициативу».

...Впервые за много-много дней и ночей Семен Тарханов откинулся на спинку кресла; раскинув руки в стороны, сладко, до хруста в костях потянулся, зажмурил глаза...

«Контакт» висел на орбите в сотне километров от Фобоса. Он был подобен хрупкой, изящной серебристой игрушке рядом с асфальтово-серой глыбой марсианской луны. До старта «Аннушки» оставались считанные минуты...

Клаус Шварцкопф, притаившийся между цилиндрами форсунок рядом с кожухом главного реактора, не видел вокруг себя ничего, кроме сплошного металла. Но он отлично знал: именно сейчас сопло двигателя повернуто к Фобосу и в точности под ним расположена та самая группа кратеров. Каменный цирк, скрывающий тайну, буквально на расстоянии протянутой руки...

На секунду сжалось сердце. Все же там, в недрах гигантской «картофелины», скрывалось самое удивительное чудо за всю историю человечества. Нечто, возможно, более ценное для науки и для будущего, чем любое другое открытие, чем атомная энергия или теория относительности. Форпост иного мира, наверняка более цивилизованного и мудрого, чем земной, покоряющего межзвездные пространства... Но то была лишь секунда. В фанатичной, наглухо отгороженной от реальности душе Клауса не нашлось места сомнениям. «Юбер аллес», превыше всего. Он выполнит свой долг, чтобы новая, невиданная мощь не попала в руки «комиссаров», не сделала научно-технический перевес социализма решительным и необратимым!..

Более не колеблясь, Шварцкопф отстегнул клапан кармана на груди противорадиационного комбинезона. Достал крошечный радиопередатчик. Только отсюда его сигнал сможет взвести исполнительный механизм. По-

этому пришлось рискнуть и еще раз пробраться к реактору.

Палец у самой сенсорной панели. Сейчас закончится сложная цепь событий, у начала которой, на Земле, — щедрые хозяева Шварцкопфа из Лэнгли... и наверняка другие, очень высоко стоящие лица, о которых он не узнает никогда. Легкое движение, и торпеда, спрятанная в канале запасной форсунки, скользнет через пустую ныне камеру сгорания в сопло, а оттуда, постреливая собственным крошечным движком, помчится к Фобосу. Последняя память о грозной и величественной эпохе атомного противостояния — катализатор распада кремния... На родной планете его так и не решились испытать — боялись, что весь кремний, какой только есть на земном шаре, вступит в реакцию, и очаг разума станет облаком пыли. Что ж, пожертвуем Фобосом! Наверное, это будет поразительное зрелище — мгновенное исчезновение спутника Марса со всеми его лавовыми полями, горами и кратерами, легкое марево на экранах корабля... Мистический ужас космонавтов, замешательство земных наблюдателей. Клаус уже видел завтрашние газетные заголовки: «Вселенная не допустила проникновения в святая святых», «Дерзость русских наказана»...

Он — один из немногих, кто будет знать правду... и помалкивать. Такое знание убивает.

Палец — на панели. Должно пройти пять секунд, чтобы микрокомпьютер «понял»: прикосновение не случайно...

Внезапный резкий удар выбил передатчик из рук Шварцкопфа.

...Предки О'Нейла были родом из Ирландии. Его прабабка затонула на одном из судов, сраженных фашистской торпедой. Молодой инженер не имел того, что можно было бы назвать стройными политическими убеждениями. Он твердо знал лишь одно: на Землю не могут вернуться времена военного кошмара, массовых

убийств мирного населения, самолетов с бомбовым грузом над незащищенными городами, концлагерей, окоченелых детских трупиков на снегу перед бараком... О'Нейл прочел немало книг о войнах, о фашизме, просмотрел уйму старых кино- и видеохроник. В свободное время он изучал материалы Нюрнбергского процесса, свидетельства очевидцев о напалмовой и химической «обработке» американцами Вьетнама, леденящие кровь описания событий в Кампучии... Наивной, идеалистически-прекраснодушной была его вера в то, что людям «надоест» взаимное истребление, и однажды они, невзирая на все барьеры — классовые, религиозные и иные, — бросятся друг другу в объятия и будут жить в вечной любви.

Этот бледный, сутулый, большеносый брюнет с развинченными движениями прямо-таки вскипал, услышав хотя бы намек на сожаление о «добром старом времени». Каково же было О'Нейлу столкнуться в дни подготовки к полету со Шварцкопфом, у которого сквозь напускную доброжелательность то и дело проглядывали замашки правнука штандартенфюрера СС! Все эти разговоры об утрате мужества, о «беззубом» человечестве, времени разоружения, о боевых походах и овеванных славой знаменах предков были противны О'Нейлу. Клаус, заметив, что инженер корабельных коммуникаций явно сторонится его и даже выказывает неприязнь, начал изощренно насмехаться над ним. Этого было достаточно. О'Нейл возненавидел Шварцкопфа и стал относиться к нему с подозрительностью. Интуиция подсказывала: человек с подобными взглядами не может просто так, благодаря одним профессиональным достоинствам, оказаться в международном экипаже, рядом с неграми, арабами, «красными»... О'Нейлу показались странными и первая (стоившая лучевой болезни), и вторая экскурсии Клауса к реактору. Технически в них не было никакой нужды. Все системы ядерного двигателя управлялись дистанционно, претен-

зий к «котлу» за время полета не было; в излишнюю добросовестность Шварцкопфа, якобы осуществлявшего регулярный техход почему-то в одном и том же отсеке форсунок, верилось с трудом. Поэтому когда Клаус отправился через весь корабль к реактору за минуты до запуска «Аннушки», с риском прозевать столь важное событие, О'Нейл отправился следом, уверенный, что тот задумал что-то недоброе...

Тщетно ожидали шифрованного сообщения джентльмены из ЦРУ, собравшиеся на приватной квартире, — о подготовленной операции не докладывали даже начальнику отдела, не говоря уже о «либерале», «президентском хлюпике», возглавлявшем управление. Руководство ударом по Фобосу осуществлялось из совсем другого офиса — оттуда, где сидел и тоже ждал самой важной в своей жизни радиogramмы чиновник со слишком естественной шевелюрой и зубами куда лучшими, чем природные...

Было еще и третье место, где проходили напряженные минуты ожидания, — старомодная гостиная «фермерского дома» в центре Нью-Йорка. Хозяин с сигарой во рту покачивался в скрипучей плетеной качалке, чувствуя, что скоро не выдержит сердце. «Папаша-фермер», угробивший добрую часть своего капитала на бессмысленный рейс «Дэниэла Буна», опасался новой неудачи... и неизбежного инфаркта вслед за ней.

И лишь злополучный Майкл Донован, имевший прямое отношение к столь опасному развитию событий, не был ни во что посвящен и ни о чем не подозревал. Надвинув пропотевший стетсон, он подсчитывал дневную выручку игровых автоматов. Шляпа скрывала бледный рубец на виске — последнюю память о том, как свалился Майкл без памяти на палубу яхты «Сказка»... Тогда его, бесчувственного, отвезли в некий хорошо оборудованный бетонный подвал, сделали два-три укола — и Донован, не приходя в сознание, подробно рассказал и об устройстве аппарата, улавливающего био-

поле, и о своих разговорах с советскими делегатами. Бедняге конструктору добавили уколов — чтобы забыл все, происшедшее с ним, и более не испытывал дружеских чувств к Сурену и его товарищам. Теперь ему только и оставалось что дремать, толстеть да подсчитывать десятицентовики в павильоне...

Шварцкопф был физически куда крепче О'Нейла, но нападающим двигало настоящее остервенение. Они молча катались по полу. Срывая ногти, Айзек расстегнул ворот скафандра Клауса. Уже задыхаясь, диверсант извернулся и со страшной силой ударил противника стеклом шлема о колонну форсунки...

Их нашли через час, после старта «Аннушки» — сцепившихся в нерасторжимом объятии...

ЗДРАВСТВУЙ, ФОБОС!

(Пролог вместо эпилога)

Отстыковка десантной ракеты произошла четко по программе. Зависнув на расстоянии тридцати метров от раздвинутых створок трюма, Акопян еще раз проверил посадочную площадку, якоря. Ровно в двадцать один час по московскому времени на «Аннушке» были включены маршевые двигатели. На фоне басистого рокота в динамиках — сначала на «Контакте», а через пятнадцать минут и под сводами ЦУПа в Звездном — прозвучало традиционное уже для трех поколений космонавтов прощание: «Поехали!»

— Ни пуха ни пера! — не выдержал оператор на планетолете. Панин и Брэдшоу сделали вид, что не заметили этого нарушения уставного языка связи.

— К черту, — не задумываясь, откликнулся Акопян.

Один за другим летели через пропасть в двести миллионов километров короткие рапорты с борта корабля-матки:

— Двигатели окончили работу, капсула выходит на

околоспутниковую орбиту. (Бегут, бегут золотисто-зеленые цифры, выстраиваются в столбцы рядом с главным табло ЦУПа, где вычерчена схема Марса, кружком указан Фобос и ползет к нему, изгибаясь, жирная алая линия — маршрут «Аннушки».)

— Высота заданная.

— Полный виток.

— Готовность к выходу на посадочную трассу...

Глуховато звучит голос Виктора Сергеевича:

— «Севан», «Севан», я «Аврора»! Сообщите готовность к посадке.

— «Аврора», я «Севан». Готовность ноль. Прошу разрешения посадить вручную. Место посадки узнаю.

— «Севан», ручную посадку разрешаю. Включите дополнительные мощности аппаратуры слежения.

— Вас понял, «Аврора». Перехожу в активный режим... (Снова рокот реактивных сопел. На малых табло возникают строки цифр и знаков — это датчики, введенные в скафандр, через телеметрию рассказывают о психофизиологическом состоянии Акопяна. Несмотря на остроту момента, даже сердце бьется ненамного чаще, чем обычно. Медик-оператор докладывает Тарханову: «Обобщенный критерий качества деятельности близок к единице».)

— «Севан», я «Аврора»! Выходите на трассу.

Брэдшоу — от себя, тоже не по уставу:

— Держу вас в локаторном луче, мой мальчик, в случае чего подхвачу, как перышко!

— Спасибо... «Аврора», я на трассе, «Севан».

— Доложите захват.

— Понял, доложить...

На экране внутреннего обзора «Аннушки» видно: Акопян в скафандре жадно следит за пультом, руки лежат на рычагах.

— «Аврора», я «Севан»! Захват — двадцать один тридцать три двадцать.

— «Севан», отслеживай!

- Понял... Идет сносно, скачками.
- Выравнивай креном.
- Понял, «Аврора»...

Поверхность Фобоса стремительно приближалась — шершавая, морщинистая, как слоновая шкура. Еще несколько секунд, и капсула перешла в горизонтальный полет. Она почти касалась равнины растопыренными крючьями якорей. Вдали виднелся тот самый, ослепленный зубьями кольцевой хребет скал. Сурен сажился внутри кратера, надеясь остановить ракету почти точно напротив «тоннеля». Это было рискованно, но профессиональный опыт и новая чуткая реакция Акопяна гарантировали, что в случае слишком большого разгона он успеет включить вертикальные вспомогательные сопла и капсула взмоет над барьером...

Посадка! Толчок, еще толчок... Скорость нулевая. Тело Сурена летит вперед, вон из кресла, натягивая до отказа «привязные ремни», как по традиции называли в космофлоте магнитные присоски. Медленно, так медленно, что это можно проследить лишь по движению пылинок к потолку, капсула опускается на грунт. Здесь почти невесомость... Еще раз «Аннушку» слегка встряхивает; пол кабины накреняется, но гироскопы немедленно выравнивают его. На «Контакте» и в ЦУПе слышат шмелиное жужжание — это вгрызаются в камень буры якорей.

— «Аврора», я «Севан»! Табло горит, стыковка полная. Прошу разрешения на выход.

...Он не воспринял сознательно зов, исходивший из темноты рукотворной пещеры. Просто потянуло, непреодолимо потянуло туда. А бесстрастные датчики на планетолете и на Земле зафиксировали: есть импульс чужого биополя! Есть молчаливое приглашение!

Он оттолкнулся и взлетел вдоль отполированной грани монолита, и вошел во тьму, и спустился, придерживаясь за перила: и встал посреди глухой кубической комнаты, и лучик его ручного фонаря побежал по чер-

ным матовым стенам из неземного, сказочного материала, на котором не оставляет следов всесжигающий луч лазера.

И в ответ на новое настойчивое приглашение на беззвучном языке, общем для всех обитателей Вселенной, он сделал то, чего от него ждали в первый раз... То, чего не сможет сделать самый совершенный робот, ибо роботы не имеют желаний и не испытывают жажды открывать и познавать. Он попросту пошел вперед. Безоружный, с протянутыми перед собой руками, пошел навстречу идеальной плоскости тупика, всем сердцем веря, что звавшие впустят его, что любая преграда эфемерна для того, кто хочет войти.

И, не сбавляя шага, он прошел сквозь неощутимую черноту.

И Земля услышала ликующий крик Сурена Акопяна:

— Новый мир! Здесь целый новый, чудесный мир! Как он не похож на наш... и все же как прекрасен!..

ТАИНЫ МАРСИАНСКИХ ЛУН

Марсианские луны Фобос и Деймос стали объектами фантастики еще до своего официального открытия. Многие из нас зачитывались в детстве «Путешествиями Гулливера». Но далеко не каждый обратил внимание на такую деталь: премудрые лапутяне — жители летающего острова Лапуты — знали уже о существовании двух спутников Марса.

Этот факт кажется удивительным, если учесть, что книга вышла в 1726 году, почти за сто пятьдесят лет до открытия двух единственных марсианских лун, которые были обнаружены лишь в 1877 году во время великого противостояния Марса. Что это: гениальное предвидение автора книги английского писателя Джона-тана Свифта или случайная догадка?

Сравним предсказания Свифта с данными современной науки о спутниках Марса. Вот что писал автор «Путешествий Гулливера» более чем четверть тысячелетия назад: «Они (лапутянские астрономы. — *Ред.*) открыли две маленькие звезды или спутника, обращающиеся около Марса, из которых ближайший к Марсу удален от центра этой планеты на расстояние, равное трем ее диаметрам, а более отдаленный находится на расстоянии пяти таких же диаметров. Первый совершает свое обращение в течение десяти часов, а второй в течение двадцати одного с половиной часа, так что квадраты времен их обращения почти пропорциональны кубам их расстояний от центра Марса. Это было убедительным для них доказательством проявления того же закона гравитации, который управляет движением и возле других массивных тел».

По современным данным, внутренний спутник Фобос находится от Марса на расстоянии 1,4 его диаметра, а внешний спутник Деймос — на расстоянии 3,5 диаметра планеты. Что касается периода обращения вокруг Марса, то для Фобоса он равен 7,6 часа, а для Деймоса — 30,3 часа.

Так что Свифт был не так уж точен в своих предсказаниях относительно параметров спутников Марса. Однако на основании каких данных Свифт сделал такое предположение?

Надо сказать, что писатель был неодинок в своем убеждении,

что у Марса должно быть два спутника. В самом деле, раз у Земли один спутник, у Юпитера — четыре, у Сатурна — пять (количество спутников у Юпитера и Сатурна по данным тех времен), то у Марса должно было быть два спутника. Такую аргументацию привел французский писатель Вольтер в своем «Микромегасе», изданном в 1752 году: «Но возвратимся к нашим путешественникам. Покинув Юпитер, они пересекли пространство приблизительно в сто миллионов лье и поравнялись с Марсом, который, как известно, в пять раз меньше, чем наша маленькая Земля; им посчастливилось обнаружить две луны, принадлежащие этой планете и ускользнувшие от глаз наших астрономов. Я не сомневаюсь, что отец Кастель будет опровергать — и даже не без остроумия — существование этих лун, но я сошлюсь на тех, кто всегда и обо всем судит по аналогии. Эти добрые философы понимают, как трудно было бы Марсу, столь отдаленному от Солнца, обойтись менее чем двумя лунами». Не исключено, что кое-какие моменты в «Микромегасе» Вольтер позаимствовал у Свифта. Книги Свифта имелись в личной библиотеке Вольтера.

«Великий законодатель неба» Иоганн Кеплер, открывший три закона планетных движений, был уверен в существовании двух спутников Марса. В своем письме к Галилею Кеплер писал: «Я настолько далек от сомнения по поводу открытия четырех окружающих Юпитер планет, что страстно желаю иметь телескоп, чтобы по возможности опередить вас в открытии двух обращающихся вокруг Марса (по-видимому, количество соответствует требованиям пропорциональности), шести или восьми вокруг Сатурна и, вероятно, по одному возле Меркурия и Венеры».

Вскоре после этого письма Галилей обнаружил кольца Сатурна, но поначалу принял их за спутники. Вскоре спутники исчезли. Теперь-то известно, в чем тут дело: периодически, каждые пятнадцать лет кольца Сатурна поворачиваются к Земле как бы в профиль, и тогда из-за малой толщины их практически не видно. Поэтому у Галилея закрались сомнения насчет своего открытия. Но все же, чтобы сохранить за собой приоритет и избежать насмешек коллег на случай, если открытие не подтвердится, ученый зашифровал сообщение о своем открытии в виде анаграммы и опубликовал ее.

Кеплер неправильно расшифровал эту анаграмму. Он подобрал такую расстановку букв в ней, что у него получилось: «Привет вам, близнецы, дети Марса». Ученый привел расшифровку в своей книге «Диоптрика», второе и третье издания которой вышли в Лондоне в 1653 и 1683 годах. Так что предположение Кеплера о двух марсианских лунах было известно в Англии.

На чем основаны предположения Свифта относительно параметров спутников? И этому можно найти объяснение. Указанные Свифтом (как мы знаем, неточно) расстояния спутников до Марса

очень близки к расстоянию до Юпитера его ближайших лун Ио и Европы, которые были уже известны в то время. Ио отстоит от центра Юпитера на три его диаметра, а Европа на 4,8 диаметра планеты.

А вот объяснить, как Свифту довольно неплохо удалось предсказать периоды обращения спутников, особенно Фобоса, вокруг Марса, несколько труднее. Эти значения путем простой аналогии не выводятся. Возможно, тут Свифту помог профессионал. По мнению американского исследователя Джинджерича, ход рассуждений Свифта или его помощника, по-видимому, был таким. В известном в то время труде Ньютона «Математические начала натуральной философии» утверждалось, что «более мелкие планеты при прочих равных условиях имеют значительно большую плотность». Диаметр Юпитера приблизительно в 22 раза больше, чем диаметр Марса. Если принять плотность Марса в 22 раза больше, чем у Юпитера (сейчас это кажется абсурдно высоким значением), то по третьему закону Кеплера, который был уже хорошо известен в 1726 году, период обращения внутреннего спутника Марса — Фобоса должен быть равен 10 часам (фактическое значение 7,6 часа).

Так лапутянские астрономы с помощью Свифта на полтора столетия опередили американского астронома Холла, официального первооткрывателя спутников Марса.

Надо сказать, что некоторые идеи ученых фантастической страны Лапуты вовсе не так безграмотны, как могут показаться на первый взгляд. Так, например, строительство зданий, начиная с крыши, признано рациональным в наше время. Крышу монтируют на земле, поднимают домкратом; подстраивают под ней верхний этаж, снова поднимают домкратом...

Интересно, что в Лапуте проводились статистические исследования в лингвистике, которые стали в связи с развитием ЭВМ столь популярны в последнее время.

Сбывшиеся предсказания Свифта — еще одно подтверждение того, что в научной фантастике зачастую зреют зерна будущих открытий.

Сюжетной завязкой предлагаемой читателю научно-фантастической хроники «Здравствуй, Фобос!» летчика-космонавта СССР Евгения Хрунова и недавно умершего доктора медицинских наук, профессора Левона Хачатурьянца служит находка на Фобосе во время марсианской экспедиции одним из ее участников Суреном Аюбяном загадочного объекта, по всей видимости, оставленного инопланетной цивилизацией.

Надо сказать, что идея о связи марсианских лун с пришельцами не нова, и, как это сейчас покажется ни странно, ее обсуждали вполне серьезные люди, которых трудно упрекнуть в легкомыслии. В своих воспоминаниях член-корреспондент АН СССР В. С. Емельянов рассказывает об одной из встреч с С. П. Королевым. Она про-

изошла в 1961 году в Кремле в перерыве между заседаниями на сессии Верховного Совета. На вопрос, какие у него самые сокровенные мечты, Королев после непродолжительного молчания ответил:

— Ты в «Комсомольской правде» читал статью Шкловского о Марсе? Собственно, там речь шла не о Марсе, а о его спутниках. Как ты знаешь, у Марса два небольших спутника — Фобос и Деймос. В статье Шкловского изложена легенда о них. Но сами спутники — астрономическая загадка, ставящая многих астрономов в тупик... Кое-кто из астрономов считал, что это случайно захваченные Марсом астероиды. Но если это так, то непонятно, почему они движутся точно по круговым орбитам, лежащим в плоскости экватора. Спутники очень маленькие: диаметр Фобоса всего 16 километров, а Деймоса вдвое меньше. Фобос вращается на расстоянии всего шести тысяч километров от поверхности Марса. У этих спутников есть много поразительных отличий от всех других спутников планет Солнечной системы. Шкловский говорит, что с Фобосом происходит то же, что и с искусственными спутниками Земли: их движение тормозит сопротивление, они снижаются, но при этом ускоряют свое движение. О причинах торможения Фобоса астрономы и астрофизики высказали много разных предположений, но ни одно из них не подтверждается расчетами. Только одна гипотеза может объяснить все недоуменные вопросы, если предположить, что Фобос полый, пустой внутри. Шкловский отрицает возможность существования естественного полого космического тела и приходит к выводу, что оба спутника Марса имеют искусственное происхождение. Его статья так и названа «Искусственные спутники Марса»... Чего же я хочу добиться в первую очередь? Установить, действительно ли спутники Марса полые. А если они полые, промерить толщину стенки хотя бы одного из них. Такую задачу сейчас решить можно... А если я решу эту задачу, тогда можно подумать и о решении более сложных. Меня это так захватило, что я покоя себе не нахожу. Ведь только подумай, что нас может ожидать на Марсе, если его спутники в самом деле искусственно созданные тела?! Развитие земной цивилизации шло одними путями, а если на Марсе была цивилизация, то вовсе не обязательно, чтобы ее развитие шло так же, как и нашей земной. Разве не захватывающая перспектива — познать эти пути развития? Ведь это открывает значительно больший простор, чем XV век — век географических открытий...

Приведенный эпизод раскрывает особенность гения С. П. Королева: у серьезного ученого-практика была душа романтика. Не романтика ли в начале 30-х годов позвала юного Сергея Королева вместе с небольшой группой единомышленников в долгую дорогу к звездам? Крылатое выражение «Вперед, на Марс!» принадлежит одному из них Фридриху Цандеру, который в те годы неис-

тово работал во имя того, чтобы приблизить день старта к Марсу.

В то время даже некоторым серьезным ученым ракетные дела гирдовцев казались безумной затеей. И все-таки энтузиасты добились своего: многие из той группы — Королев, Тихонравов, Победоносцев — проложили путь в космос Юрию Гагарину. Через полтора года после его полета в сторону Марса отправилась первая автоматическая станция «Марс-1». Он проторил дорогу другим станциям, которые уходили к «красной планете» с Байконура и мыса Канаверал.

Теперь мы знаем, что предположение об искусственном происхождении спутников не подтвердилось. Кстати, сам автор гипотезы И. Шкловский со временем из активного сторонника существования внеземных цивилизаций стал не менее активным ее противником.

Сейчас вековое ускорение Фобоса объясняется действием приливных сил. (В небесной механике — изменение какого-либо из элементов орбиты космического тела, происходящее все время в одном направлении, а не меняющееся периодически, называется вековым.)

Отметим: чтобы ускорить орбитальное движение спутника, от него должна быть отведена энергия. Потеря энергии тормозит спутник, заставляя его приближаться к планете, а на меньших расстояниях он движется быстрее.

Приливные силы, обусловленные тяготением, имеются в любой системе из двух тел, в том числе и твердых, какими являются Марс и Фобос. В результате действия этих сил Фобос понемногу приближается к Марсу, а Деймос, наоборот, удаляется от него, правда, гораздо медленнее, чем Фобос, «падает» на Марс. По разным оценкам ученых (поскольку измеренные ими величины векового ускорения отличаются), Фобос упадет на Марс в течение 30—70 миллионов лет. Не исключено, что приливные силы сначала разрушат спутник и из его остатков образуется кольцо вокруг Марса. Этот интервал времени — всего лишь мгновение во всемирной истории. И потому то обстоятельство, что мы имеем возможность наблюдать Фобос, — счастливая случайность.

Почему же Шкловский вначале не нашел лучшего объяснения торможению Фобоса, нежели выдвинуть гипотезу об искусственном происхождении спутников Марса? Дело, по-видимому, в том, что за отправную точку в своих оценках он принял величину векового ускорения, полученную американским астрономом Шарплессом. Кстати, именно Шарплесс в 1945 году обнаружил в движении Фобоса вокруг Марса эту замечательную особенность.

Ученый рассмотрел все, с его точки зрения, возможные причины наблюдаемого векового ускорения Фобоса. Это и влияние тормозящего действия марсианской атмосферы и межпланетной среды, и приливное трение, и эффекты классической небесной

механики, и световое давление, и электромагнитный механизм торможения.

«Таким образом, — писал Шкловский, — все мыслимые механизмы, по-видимому, не в состоянии объяснить замечательную особенность движения этого спутника Марса. Разумеется, остается еще тривиальная возможность считать наблюдения Шарплесса ошибочными. Однако для этого у нас в настоящее время нет оснований, хотя, конечно, такую возможность следует постоянно иметь в виду. В создавшемся весьма затруднительном положении автор (то есть Шкловский. — *Ред.*) в 1959 году выдвинул гипотезу радикального и не совсем обычного свойства. Если бы плотность Фобоса была бы около 10^{-3} г/см³, то его вековое ускорение вполне могло быть объяснено сопротивлением атмосферы Марса. А это исключает значения плотностей меньших, чем 0,1 г/см³. В таком случае остается только одна возможность — считать Фобос полым. Но естественное космическое тело не может быть полым. Значит, Фобос (так же как и, по-видимому, Деймос) — искусственный спутник Марса. При этом его масса может быть порядка нескольких сот миллионов тонн».

Шкловский считал, что для высокоорганизованных разумных существ создание таких гигантских спутников принципиально возможно и что через несколько сот лет Земля будет иметь спутники размером в несколько километров. Пути решения этой проблемы ясны, а общественная потребность в таких гигантских спутниках, несомненно, будет. Если говорить о серьезной искусственной космической станции — мощном ракетодроме, то ее габариты должны быть существенно больше ста метров (по-видимому, это характерный размер будущих межпланетных ракет).

В пользу своей гипотезы ученый приводил следующие аргументы. Из-за сравнительно малого значения силы тяжести изготовление гигантского спутника на Марсе легче, чем на Земле. Кроме того, у Марса нет большого естественного спутника, такого, как наша Луна, так что при освоении космического пространства (неизбежного процесса для всякой неограниченно развивающейся цивилизации) задача изготовления гигантских искусственных спутников должна быть особенно важной.

В этой связи ученый ссылается на исследования известного американского биохимика Юри, по данным которого многие сотни миллионов лет назад на Марсе могло быть значительное количество атмосферного кислорода и обширные океаны, что является благоприятным фактором для развития высокоорганизованной жизни.

Косвенно в пользу этого предположения можно истолковать и снимки Марса, сделанные впоследствии с близкого расстояния космическими станциями. На них видны загадочные борозды, сильно напоминающие русла высохших рек. Сейчас вся марсианская вода

сосредоточена в полярных шапках, а в очень давние времена — эдак лет три миллиарда назад — до грандиозных геологических событий на Марсе, приведших к образованию таких вулканов, как Олимп, взметнувшийся в три раза выше земного Эвереста, и обширного высокогорного плато Тарсис, на планете текли реки.

Кстати, традиционный вопрос: «Есть ли жизнь на Марсе?» — как считают некоторые ученые, все еще остается открытым.

В 1976 году два американских космических аппарата «Викинг» совершили мягкую посадку на поверхность Марса. Тогда же с их помощью были проведены исследования, казалось, положившие конец дискуссиям о жизни на этой планете. Никаких следов ее там найдено не было.

Однако спустя десять лет двое ученых, разработавших один из экспериментов на «Викингах», заявили, что жизнь на Марсе все-таки есть. Это К. Страат и Дж. Левин, чей эксперимент был одним из трех, проводившихся на обоих посадочных блоках. Он заключался в высвобождении радиоактивно меченных соединений, которые могли бы быть усвоены марсианскими микроорганизмами. Результаты его были положительными. Но они допускали и другое, небιологическое толкование. Поскольку два других эксперимента дали четкий отрицательный результат, большинство ученых согласились, что жизни на «красной планете» нет.

Страат и Левин отвергают это мнение. Небиологическая интерпретация полученных ими результатов и тогда была некорректной, говорят они, а теперь она не подтвердилась в результате их десятилетних исследований. Они подчеркивают также, что один из двух других экспериментов, направленных на поиск биологического вещества, был недостаточно чувствителен, чтобы обнаружить его в почве, содержащей лишь незначительное количество микроорганизмов.

Исследователи считают, что наиболее вероятная форма жизни на Марсе — лишайники. Они могут выживать даже там, где единственный источник воды — пары в атмосфере. Хотя содержание водяных паров в разреженной марсианской атмосфере невелико, но вода там есть в полярных районах и, возможно, под поверхностью планеты.

В поддержку своих утверждений Страат и Левин ссылаются на два снимка поверхности Марса, сделанные камерой одного из посадочных блоков с интервалом в несколько лет. На снимках отчетливо видны зеленоватые пятна, изменившиеся за время между экспозициями. Совпадают и результаты анализа этих пятен и земных лишайников.

Большинство ученых, однако, пока не убеждены этими доводами. Так что хотите верить, хотите нет...

Конечно, гипотеза Шкловского давала радикальное решение проблемы происхождения спутников Марса: их запустила высоко-

организованная цивилизация! Даже то обстоятельство, что Фобос через несколько десятков миллионов лет упадет на Марс, трактовалось в пользу искусственного происхождения спутника. Ведь и искусственные спутники Земли в конце концов падают на Землю.

Однако величина векового ускорения, полученная Шарплессом, оказалась в несколько раз завышенной. И объяснить странное поведение Фобоса можно без всяких экзотических теорий. Наиболее правдоподобная версия уже упоминалась — орбита спутника изменяется под действием приливных сил.

Фотоснимки спутников Марса, полученные с помощью космических аппаратов, наглядно показали: Фобос и Деймос породила природа. Это огромные с отметинами кратеров бесформенные глыбы.

Во время выполнения американской программы «Викинг» космический аппарат «Викинг-Орбитер-1» в феврале 1977 года прошел около Фобоса на минимальном расстоянии 100 километров, а в октябре 1977 года космический аппарат «Викинг-Орбитер-2» прошел около Деймоса на расстоянии всего 30 километров. По данным, полученным «Викингами», ученые сделали вывод, что спутники скорее всего состоят из материала типа углистых хондритов, то есть вещества, которое согласно большинству моделей образования Солнечной системы конденсируется только на расстояниях вдвое больших от Солнца, чем Марс.

Так что же собой представляет «главный герой» данной книги — Фобос? Как образно выразился один из его исследователей, эта марсианская луна имеет «форму картошки». Максимальный размер Фобоса оказался равным 27 километрам (а не 16, как считали до полета автоматических станций). Вся эта глыба могла бы свободно разместиться в пределах Московской кольцевой автодороги.

Под стать его малым размерам и сила гравитации. Килограммовая гиря весит на Фобосе всего полграмма, а «скорость убегания», как называют вторую космическую скорость, при которой тела, преодолев силу притяжения, навсегда уходят в космос, лежит в пределах от пяти до десяти метров в секунду. Так что Сурен Акопян, будучи неплохим спортсменом, мог, не рассчитав свою резвость, «выпрыгнуть» с Фобоса.

Поверхность спутника Марса иссечена бесчисленными метеоритными кратерами. Диаметр самого большого из них — кратера Стикни — десять километров. С поверхностью Фобоса связана еще одна загадка: на нем имеются ранее нигде не виданные параллельные борозды, местами покрывающие его поверхность плотными рядами наподобие пашни. За десять лет исследований предлагалось много гипотез. Наиболее живучим оказалось предположение о том, что борозды — это трещины. Но эксперименты и расчеты не подтвердили такое представление.

Казалось бы, марсианские луны должны были быть если не близнецами, то все же довольно схожими. Ведь они близки по размерам, положению и составу. Но вот снова загадка: Фобос исполосован бороздами, а на Деймосе нет борозд. Он словно задрапирован пушистым покрывалом. Слой пыли заполняет до краев мелкие кратеры и смягчает очертания крупных. Кое-где на сглаженной поверхности, словно монументы, возвышаются огромные, состоящие в 100 и более метров, глыбы горных пород.

На Фобосе и пыль и глыбы вовсе отсутствуют. Почему маленький Деймос, сила притяжения на котором вдвое меньше, чем на Фобосе, сумел удерживать на своей поверхности даже крошечные частицы пыли, а на более крупном Фобосе — нет ничего?

«Исследования, проведенные в последние годы на геологическом факультете МГУ, — рассказывает старший научный сотрудник В. Белов, — позволили дать достаточно простое и правдоподобное объяснение этому явлению. Но для этого пришлось принять необычную точку зрения: в случае Фобоса не «плуг» двигался по поверхности — двигалась «пашня»! В роли «плуга» выступали глыбы, подобные тем, которые в изобилии наблюдаются на Деймосе. А «пашня», то есть поверхность Фобоса, пришла в движение под действием толчка, сопровождавшего удар гигантского метеорита. Расчеты показали, что сила толчка была достаточно для того, чтобы Фобос получил дополнительную скорость около десяти метров в секунду. На Фобосе это соответствует скорости убегания. Значит, при толчке глыбы под действием сил инерции остались на месте — на старой орбите Фобоса, а весь монолит спутника выскользнул из-под них и со скоростью, сравнимой со скоростью убегания, переместился на новую орбиту. В момент, когда поверхность Фобоса перемещалась относительно глыб, они, как зубцы громадного гребня, и пропахали таинственные борозды. Если бы смотреть на эту картину не со стороны, а находясь на поверхности Фобоса, мы увидели бы, как сорванные силой инерции глыбы и масса рыхлого материала двинулись по поверхности наподобие селевого потока, и затем, оторвавшись от нее, ушли в космическое пространство. Такое перемещение под действием сил инерции названо «инерционным движением», «инерционным потоком». Оно и было виновником образования многочисленных и недавно еще таинственных борозд».

Несколько похожий процесс можно наблюдать и на Земле при крупных оползнях, снежных лавинах, обвалах туфов в областях молодого вулканизма и при других подобных явлениях, связанных с катастрофическим перемещением крупных масс под воздействием сил тяжести. И в этих примерах наблюдаются серии сближенных параллельных борозд, как на Фобосе.

Превратится ли в теорию данная гипотеза, покажут будущие экспедиции...

Итак, инопланетяне к созданию Фобоса и Деймоса оказались не причастны. Так как же попали малые тела на околомарсианские орбиты? Предположений много. Захват только за счет сил притяжения маловероятен, поскольку Фобос и Деймос формировались далеко от планеты. Существует версия, объясняющая факт из появления столкновениями первичных небесных тел — планетезималей — с околопланетными туманностями, образовавшимися на одном из этапов эволюции Солнечной системы. Согласно другому предположению спутники захвачены протоатмосферой Марса, которая была в 10^4 — 10^5 раз массивнее современной. Не исключен и залет астероидов в окрестности планеты...

Мы знаем размеры спутников, их массы, средние плотности, структуры поверхности. Знаем, что они, по-видимому, принадлежат к С-астероидам — очень интересному виду первичных объектов в Солнечной системе. Но все же остаются нерешенными фундаментальные вопросы, касающиеся происхождения этих двух спутников, их возраста, состава, структуры...

Если найти ответы на эти вопросы, то многое прояснится в понимании одной из основных проблем мироздания — как произошла и эволюционировала Солнечная система.

И вот спустя четверть века задумка, о которой говорил С. П. Королев в 1961 году, начинает сбываться.

Летом 1988 года с космодрома Байконур с интервалом в несколько дней планируется запустить два космических аппарата для исследования Марса и его спутников. Этот крупный международный проект, названный «Фобосом», в котором примут участие ученые Австрии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, СССР, ФРГ, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швеции и стран Европейского космического агентства, вызывает большой интерес в мире.

Две автоматические станции смогут широким комплексом интернациональных приборов исследовать с орбиты спутника поверхность Марса, его атмосферу, ионосферу и магнитосферу. Будут получены телезображения планеты, подробные данные о химическом и минералогическом составе ее поверхности, радиофизических характеристиках, будет составлена тепловая карта. Бортовые приборы позволят выяснить компонентный состав атмосферы, установить, как меняется по высоте температура, плотность пылевых частиц. И понять механизм возникновения пыльных бурь на «красной планете».

В конечном итоге обе станции после сложных маневров перейдут на круговую орбиту, весьма близкую к той, по которой летит ближний спутник — Фобос. И земные аппараты будут отделять от Фобоса всего десятки километров. Затем станции приблизятся на 70—30 метров к нему и проведут исследования на брешющем поле. Специальный радар «скопирует» рельеф Фобоса и заглянет под его оболочку. Предусматривается возможность «потрогать Фобос

руками» — сбросить на него посадочные зонды, которые будут затем вести научный репортаж прямо с поверхности марсианской луны. Так схематично выглядит кульминационный момент проекта.

Чтобы узнать, из чего «сделан» Фобос, при сближении с ним его облучат лазером и ионными пучками, а приборы будут изучать результаты их воздействия. Это поможет установить изотопный и элементный состав грунта поверхности Фобоса.

Экспедиция «Фобос» рассчитана на 460 дней, а сам перелет от Земли до Марса займет 200 суток. Во время полета к Марсу будут проводиться детальные исследования межпланетного пространства и разного рода излучений от Солнца и из глубин Вселенной.

К концу экспедиции земные аппараты, ставшие спутниками Марса, и наша планета окажутся с противоположных сторон от Солнца. Ученые используют эту уникальную возможность исследовать Солнце одновременно с обеих сторон. В частности, можно будет вести прямые наблюдения центров солнечной активности на невидимой с Земли стороне нашего светила, проследить, как они появляются благодаря вращению Солнца на его видимой стороне...

Придет время, и на Марс полетят люди. По мнению авторов книги, это случится в XXI веке. Но задел создается уже сегодня. Длительные полеты советских космонавтов на орбитальных станциях можно считать предварительным шагом к будущим межпланетным экспедициям. Ведь один из главных вопросов — сможет ли человек находиться в невесомости два-три года, или же потребуются создать условия искусственной гравитации.

Может быть, что-либо из научно-технических прогнозов авторов станет реальностью. Ведь они специалисты в космической области. Но в одном они безусловно правы: чтобы человеку достичь Марса, на Земле должен быть мир.

Думается, справедливо и обратное: совместные международные проекты освоения космоса такого масштаба, как высадка человека на Марсе или его спутниках, способствуют сохранению мира.

Есть, правда, бескрылая фантастика, без мечты, которой не угнаться даже за повседневной работой ученых. Так, А. Стругацкий считает, что проект высадки на Марс не нужен. Недаром известный американский астрофизик Карл Саган сказал в ответ на это: «Это редчайший случай, когда у ученых воображение работает лучше, чем у писателей-фантастов».

К этому можно добавить, что фантаст не только оказался позади ученого, как впрочем и в литературных произведениях, но он оказался во вчерашнем дне, ибо давно известно, что ничегонеделание обходится науке дороже, чем осуществление даже сложных проектов.

Впрочем, и носители социальной идеи в бескрылой фантастике вздох выдаваемые иными нуль-критиками за героев светлого бу-

душего, увешанные средневековыми реалиями вроде мечей, ножей, арбалетов и действующие во имя этого будущего на планете туземцев (как это у Стругацких в «Трудно быть богом»), любят помечтать совершенно приземленно, например, в объятиях милой туземочки Киры, как это делает некий Румата. А когда дом, где носитель светлых идей называет туземочку своей маленькой, осаждают и мелодраматическая концовка вызывает усмешку у самых нетребовательных читателей поп-фантастики, Румата, этот разведчик и носитель идей, сокрушает дикарей и аборигенов, снося им головы так, что его сотоварищи, тоже носители светлых идей, потом говорят: «видно было, где он шел».

После таких носителей света, говоря языком вполне земного фольклора, там, где они прошли, делать нечего: все мертвы.

Но вернемся к научной мечте в точном значении этого слова.

Когда-нибудь в XXI веке люди всерьез задумаются над такой проблемой: как спасти Фобос от гибели, ведь при освоении Солнечной системы он может пригодиться. В принципе это возможно. Надо только изменить знак векового ускорения на противоположный. Со временем космические возможности человечества многократно умножатся, и такая задача будет ему по силам. А пока эта тема остается в ведении фантастов...

Валерий ЖАРКОВ.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ	5
Глава I. Акопяну изменяет терпение	10
Глава II. Метод «Лунного камня»	19
Глава III. Таинственный сигнал	27
Глава IV. Американские приключения	34
Глава V. Разговор при закрытых дверях	51
Глава VI. Секрет «однорукого бандита»	57
Глава VII. Небольшая подводная прогулка	74
Глава VIII. В космосе и на Земле	88
Глава IX. Новая роль Акопяна	107
Глава X. Время ускоряется	119
Глава XI. Священная жертва	133
Глава XII. Особое мнение Добрака	148
Глава XIII. Правнук штандартенфюрера	158
Глава XIV. Вызов брошен...	170
Глава XV. Последняя схватка	184
Здравствуй, Фобос! (<i>Пролог вместо эпилога</i>)	198
Валерий ЖАРКОВ. Тайны марсианских лун	202

ИБ № 5798

Евгений Васильевич Хрунов, Левон Суренович Хачатурьянц
ЗДРАВСТВУЙ, ФОБОС!

Заведующий редакцией **В. Щербаков**
Редактор **В. Родинов**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Н. Теплякова**
Корректоры **И. Ларина, Н. Овсяникова**

Сдано в набор 05.11.87. Подписано в печать 26.02.88. А02974.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 9,45. Условн.
кр.-отт. 9,8. Учетно-изд. л. 10,1. Тираж 100 000 экз. Цена
60 коп. Заказ 2472.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового
Красного Знамени издательско-полиграфического объедине-
ния ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030,
Москва, К-30, Суцеская, 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Мо-
лодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-поли-
графического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»:
252119, Киев-119. Пархоменко, 38—44. Зак. 7—462.

ISBN 5-235-00230-X

60 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

